

Татьяна В. Минина
Джон Маверик
Татьяна Андрущенко
Юрий Иванов
Елена Шилова
Константин Сыромятников
Георгий Виноградов
Надя Яр
Антон Тудаков
Константин Хапилин
Кэтти Джемисон
Даниил Ковалев
Ник Перумов
Анастасия Парфенова
Кирилл Тесленок
Владимир Эдуардович Коваленко
Анастасия Галатенко
Платон Сурин
Николай Коломиец
Татьяна Минасян
Надежда Трубникова
Екатерина Чистякова
Алена Дашук
Владимир Свержин
Вячеслав Штурм
Александра Лисса Сорокина
Данила Филимонов
Владимир Дёминский
Вера Викторовна Камша
Исправленному верить (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3947525

Исправленному верить : сборник фантастических произведений: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-58502-1

Аннотация

Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Всем остальным случается промахиваться – резидентам и президентам, владыкам и кухаркам, судьям и подсудимым, Акеле и Шер-хану, наконец. Ошибаются все. Исправляют ошибки – свои и чужие – лишь некоторые. Именно они, знаменитые и незаметные, стали героями уже четвертого

сборника серии «Наше дело правое». Государственный врач в ранге прима, объявившиеся в современном Питере боги или же лица, к ним приравненные, боевой подполковник, крестьянская девчонка, она же офицер российского императорского космического флота, а также пламенные революционеры, дикие огры, московские урбаниды, коты-телепаты, отважные космодесантники и даже заведшаяся в компьютерных сетях вредоносная (на первый взгляд) программа. Будь ты хоть бог, хоть царь, хоть герой, хоть Наполеон или Дарт Вейдер – а исправления ошибок тебе не миновать! Вы еще не решили, заниматься этим или нет? Тогда мы идем к вам!

Содержание

«Более соответствует свободе...»	6
Vita[1]	13
Анастасия Парфенова	15
I	15
II	24
III	30
IV	41
V	46
VI	51
VII	59
VIII	64
IX	66
X	76
XI	83
XII	87
Елена Шилова	90
Константин Сыромятников	109
I	109
II	110
III	115
IV	117
V	121
VI	122
Эпилог	124
Там, где мы нужны	125
Ник Перумов	127
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Исправленному верить (сборник)

Бывает – явь страшнее сна,
Когда неважны цель и средства.
Но даже лучшие из нас
Заранее не могут знать,
Что нам достанется в наследство.
В ловушке светских паутин,
Как избавленью, рад Иуде.
Сдают империи в утиль,
Стремясь все бросить и уйти.
Пусть как сложилось, так и будет.
И что рискуй, что не рискуй,
Ведь кровь невинных – не водица...
Но с каждым днем сильнее искус
Приставить пистолет к виску
И, наконец, освободиться.
Власть, словно черная вдова,
Сожрет того, с чьих рук кормилась.
Долги придется отдавать,
Но иногда заводит в ад
Желание добра и мира.
Осталась позади черта,
И смолкли звуки литургии.
К чему впустую причитать?
По непогашенным счетам
С лихвой расплатятся другие.
Когда в разгаре мор и глад,
Равны и нищий, и вельможа.
Несокрушимых нет преград —
Судьбу нельзя переиграть,
Но изменить ее возможно.
Поставить судно на прикол,
Дождавшись встречи с антиподом,
Кинжалы спрятать или «кольт»...
Признать: неправ был – нелегко,
Не признавать, по сути, подло.
И пусть там воют в унисон,
Что не искупится провинность,
Пункт новый в договор внесен.
Читай:
Исправить можно все,
И только смерть неисправима.

Татьяна Юрьевская

«Более соответствует свободе...»

«Это хуже, чем преступление, это – ошибка!» – возмутился один из наполеоновских министров. Кто именно – неизвестно, и сторонники каждой версии могут уличать друг друга в этой самой ошибке: Фуше! Нет, Талейран! Вы ошибаетесь! Нет, позвольте, это как раз вы ошибаетесь...

Впрочем, автор сего афоризма, какую бы фамилию он ни носил, духом своего высказывания не противоречит самому Наполеону. По записи адъютанта императора, тот, прочитав приписанные ему слова «Я не совершал преступлений», воскликнул: *«Я совершал нечто худшее – я совершал ошибки!»* – возможно, вторя Сенеке, сказавшему: *«Тяжелая ошибка часто приобретает значение преступления»*.

Сколько великих умов, сколько афоризмов! Трудно найти мыслителя, ученого, полководца или писателя, который ни разу в жизни не сказал хоть пары фраз на эту вечную тему. Что же делать человеку, который, кажется, допустил промах? Послушать Александра Васильевича Суворова: *«Нет стыда признаться человеку в своей ошибке»*? Несомненно! Вооружиться советом Марка Аврелия: *«Помни, что изменить свое мнение и следовать тому, что исправляет ошибку, более соответствует свободе, чем настойчивость в своей ошибке»*. И быстренько приняться за работу над ошибками, пока не попался на глаза вредному Аристотелю: *«Каждому человеку свойственно ошибаться, но никому, кроме глупца, несвойственно упорствовать в ошибке»*.

Хорошо звучит и спорить не с чем, не правда ли? А если цена ошибки – человеческая жизнь? А если не одна? Как бы ни хотелось, чтоб подобное не случилось, полностью избежать промашек еще никому не удавалось. Так, может быть, и не стоит слишком уж акцентировать столь неприятные моменты? В конце концов, есть такая вещь, как «допустимая погрешность», они даже нормированы: на линейку такой-то длины столько-то миллиметров ошибки – норма. И какова же эта норма не в миллиметрах, а в людях? В пациентах на одного врача, в подсудимых на одного судью, в убитых и раненых на одного полководца?

Есть такая концепция – мол, лучше отпустить сто виновных, чем покарать одного невиновного. Звучит красиво, благородно, гуманно... пока остается теорией, ибо крайне сомнительно, что сотня отпущенных с миром преступников будет столь потрясена незаслуженной милостью, что незамедлительно встанет на праведный путь. Выходит, чтобы избежать *своей* ошибки, можно платить *чужим* благополучием? Не прав ли тот, кто назовет подобные рассуждения чистоплюйством? А десять преступников отпустить можно? А одного? Где граница?

Но допустим, ошибка уже совершена. Невиновный казнен. Виновный тоже хоть и поздно, но найден, наказан, дело закрыто. А дальше? Человека не вернешь, так стоит ли подрывать престиж правосудия, признавая – запоздало – ошибку? Или пресловутый престиж сильнее подорвет сама попытка сокрытия? Ведь как пришлось убедиться мальчику Дениске, «все тайное всегда становится явным». Другой вопрос – ну, допустим, признали ошибку, и что? Стало ли легче родным и близким ошибочно казненного? Видимо, стало: вернуть доброе имя, пусть и посмертно, уже половина дела, ну а со второй что делать? Какое дерево посадить, какой дом построить? А может, не строить и сажать, а рушить и рубить? Если на некогда отобранной земле успели посадить сады и построить города и живут там ныне люди, пальцем никого не тронувшие.

Ошибки в отношениях не столь заметны, хотя бывают не менее фатальными. С чего-то же начинаются всяческие вендетты. Кто знает, почему первый Капулетти сцепился с первым Монтеки? Может, причина была не важнее той, из-за которой поссорился Иван Иванович с

Иваном Никифоровичем? Иногда для того, чтобы признать свою неправоту, а не упираться, превращая ерунду в *casus belli*, требуется побольше мужества, чем для дуэли.

Не дать по морде подлецу, похвалить дурака, склочника, карьериста – пусть идет куда хочет, лишь бы спокойной жизни не мешал... Сколько их, посланных на повышение, сплавленных в соседние отделы с отличной характеристикой, направленных чрезвычайными и полномочными послами в банановые республики, превращаются в источники проблем, а то и бед. Кто-то же утверждал диссертацию профессора Выбегалло!

Нотариус может написать: «Исправленному верить», поставить подпись, приложить печать – и вот документ пригоден к использованию. Как говорится, «росчерком пера» исправлена описка, опечатка, мелкая ошибка. Удобно, если речь идет о доверенности или заявлении. А если речь идет о человеке? Верить ли ему? Верить ли ему безусловно или требовать доказательств искренности намерений, глубины раскаяния, полноты понимания?

С одной стороны, риск оттолкнуть недоверием, с другой – оказаться вновь обманутыми. Что лучше, да и есть ли тут какое-нибудь «лучше», ведь так поступишь – ошибка, этак поступишь – ошибка? В частной жизни можно посоветоваться с мудрым другом,ложиться на внутренний голос, в конце концов, подбросить монетку...

А если речь идет не об отношениях с соседом или приятелем, а о судьбе страны и дате начала войны? Что актуальный «союзник» рано или поздно предаст, сомнению не подлежит. Каждый день отсрочки увеличивает шансы отразить удар. Каждый день на вес золота. Разведчики, аналитики, дипломаты, военные бьются над одним вопросом: КОГДА? Данные поступают, но они противоречивы, а любое, самое надежное, из глубин вражеского штаба, из мыслей вражеского военачальника добытое число может оказаться фальшивкой. Провокацией. Будущий враг тоже ведет свою игру, пытаясь обмануть, скрыть дату нападения, нанести внезапный эффективный удар. А еще он может колебаться, раз за разом меняя дату из-за неготовности, неуверенности, боязни ошибиться, в конце концов.

Сколько их, бед, порожденных как раз желанием избежать ошибки, а результатом становятся месяцы и годы тяжелейших кровопролитных боев, десятки, сотни тысяч погибших под неожиданными бомбами. И тянется, тянется за подобными просчетами хвост «послезнания». Те, кто никогда не бывал в подобной шкуре, разбирают роковой прыжок Акелы по миллиметру и выносят обвинительный вердикт, полагая себя умней, дальновидней, одаренней и... совершая ошибку. Довольно-таки некрасивую, к слову сказать.

Бывают ошибки и совсем другого рода. Двадцать шесть лет назад случилась Чернобыльская авария. Пять лет понадобилось специалистам, чтобы назвать ее причины – ошибки проектировщиков, ошибки в конструкции, ошибки персонала, проводившего экспериментальное изменение режима работы. Любому нормальному человеку ясно, что подобные ошибки не совершаются ни нарочно, ни даже по халатности – только непреднамеренно. Но что сказать о тех, кто, дабы «избежать паники», скрывал от населения правду, среди прочего не отменив празднование Первомая?

Преступники? Карьеристы? Пресловутые беспощадные большевики, только и думающие о геноциде собственного народа? Но на той самой киевской демонстрации Первый секретарь ЦК КП Украины не только сам присутствовал, но и внуков привел! Жестокость? Безграмотность? Готовность выполнить приказ любой ценой? Теперь уже не понять, о какой цене шла речь, какой уровень информированности был у приказавших делать вид, что «все хорошо, прекрасная маркиза», и у тех, кто этот приказ выполнял. А вред здоровью множества людей нанесен, а репутация КПСС очередной, и как бы ни роковой, раз подпорчена.

11 марта 2011 года, Япония, Фукусима. Другой век, другой строй, другой менталитет, только вот «совершенно очевидно, – считает парламентская комиссия по расследованию, – что причиной аварии стало не стихийное бедствие как таковое, но ошибки, допущенные человеком». Увы, ни компания-оператор, ни государственные институты, призванные сле-

доть за деятельностью энергокомпаний в атомной области, не были готовы «к ущербу от землетрясения и цунами, к серьезной техногенной аварии, к необходимости обеспечить и гарантировать безопасность населения», а ведь АЭС «была в уязвимом положении и не было никаких гарантий, что она могла выдержать землетрясения и цунами».

Из-за ошибок в программировании теряются космические корабли и взрываются дорогостоящие ракеты. Сам по себе компьютер ошибаться не может, но трудами программиста и его можно «научить». Подавляющее большинство аварий случается не по злему умыслу, технологические камикадзе и вредители – редкость. Куда чаще беда приходит из-за разгильдяйства, самонадеянности, малых знаний и, как следствие, непросчитанных последствий. Ну ошибся человек, с кем не бывает! Недоработал, не рассчитал, проморгал, да просто покурить вышел, отвернулся...

Так и хочется развести руками и сказать: «Где люди, там и ошибки». *«Ошибаться можно различно, верно поступать можно лишь одним путем, поэтому-то первое легко, а второе трудно; легко промахнуться, трудно попасть в цель»* (Аристотель). Но и промахи имеют разные причины. В спешке, по невнимательности, по лени или от усталости, по недостатку опыта или избытку самоуверенности или просто потому, что нельзя было и предполагать ошибку – плывешь в Южную Америку, как умеешь, по компасу, а под компасом-то топор, и вот оказываешься в Африке. Как говорится, «приплыли»!

Описывая денежную реформу 1993 года, тогдашний премьер-министр РФ Черномырдин обогатил мировую библиотеку афоризмов бессмертным: *«Хотели как лучше, а получилось, как всегда»*. Уже немногие могут вспомнить, в чем состояла та реформа, а фраза жива – и, наверное, будет жить вечно, ибо неистребима подобная ситуация. В 2000 году панамским ученым захотелось усовершенствовать программу для планирования радиационной терапии, и они нашли способ «обхитрить» ее. Обхитрили. В результате устройство выдавало двойную дозу радиации. Как минимум восемь человек погибли, а еще двадцать получили переоблучение. Вот уж эталонное «как всегда»!

«Я не хотел...», «Я думал...», «Я не думал...», «Я не посмотрел...», «Я посмотрел и...», «Мне казалось...», «Я был уверен...».

И пошла гулять карронада по палубе «Клеймора». А дальше? А дальше уже нужны герои. Слишком часто подвиг рождается из ошибки. Иногда ошибаются и исправляют одни и те же люди, иногда – другие, порой ошибавшихся и в глаза не видевшие. Мало того, ошибка может заявить о себе десять, сто, тысячу лет спустя.

Впрочем, случается, что не было бы счастья, да несчастье помогло. Взять хотя бы историю знакомства героев всенародно любимой «Иронии судьбы, или С легким паром!». Нелепая, почти невероятная ошибка, совершенная, говоря языком протокола, «в состоянии алкогольного опьянения», оборачивается шансом встретить настоящую любовь. Судьба – дама с юмором. Вроде бы промахи могут стать буквально «золотыми» и лечь в основу многомиллионного состояния. И не в кино, и не в художественной литературе, а в самой что ни на есть реальности: как признается один из самых преуспевающих биржевых трейдеров Льюис Борселино, стартовый капитал он заработал по очень своевременной ошибке, о которой сам он так и говорит: «Эта ошибка стала огромной удачей». *«Свой родимый покидая берег, капитан не ведал наперед, что богатство золотых Америк, направляясь в Индию, найдет...»* Нашел. Позже умные географы ошибку обнаружили, найденные земли переименовали, только аборигены так и остались индейцами, а исконные американские птицы – индюками. Им, впрочем, все равно, забавно только, что с индюком связана еще одна поговорка о фатальной ошибке: «Индюк думал-думал, да в суп попал!»

Увы! На одну счастливую ошибку приходится – сколько? миллион? – множество роковых. Что делать, если вы плохо закрепили ту самую карронаду? Прятаться? Молиться? Остановившись и закреплять? А если из-за вашей, именно вашей ошибки корабль оказался там,

куда его направил беглый преступник? Или, того веселее, вы так или иначе порвали с прежними заблуждениями, вернее, думали, что порвали, только ваш бывший приятель осуществил ваш замысел и поднял черный флаг?

Что делать правителю, который шел на все, чтобы не спровоцировать противника, а тот все равно напал? Ученым, изобретшим отличное лекарство, ставшее причиной рождения детей-инвалидов? Людям, чьи предки построили город на вулкане, а он возьми и проснись? Или освоили планету, не обратив внимания на какие-то «проплешины»? Или повернули реки? Истребили «вредных» воробьев? Запустили «полезных» жаб и кроликов? Загнали «нехороших» соседей в леса и болота? Втащили в город непонятный, напоминающий коня объект?

Что делать, встав не под то знамя или встав под то, но обнаружив, что ведущие колонну сворачивают к пропасти? Приняв венец или звание и поняв, что не тянешь... Или, не приняв, увидеть, что творят те, кто принял? Оттолкнуть приличного человека, протянуть руку мерзавцу, не поверить другу, закрыть глаза на сделанную другом пакость... Как часто это считают в порядке вещей, пока не аукнется. А бывает и так, что правильное в девяти случаях на десятом оборачивается ошибкой. Чудовищной или ерундовой? Это покажет время – но можно ли уповать лишь на него, на то, что «пронесет», «образуется», прилетит МЧС или вернутся боги?

Ошибки нужно исправлять – это аксиома. Желательно побыстрее, и желательно самим. Именно исправлять, а не переваливать на других, не делить на все человечество, не бежать из зоны поражения и уж точно не рушить одни памятники, чтобы тут же воздвигнуть другие, и не вышвыривать из могил кости собственных предков.

Сколько ни рыдай над сожженным домом, сколько ни проклинай хоть молнию и отсутствующий громоотвод, хоть неисправную электропроводку, хоть собственную сигарету, табачную фабрику и Колумба, кирпичи на пепелище сами друг к другу не поползут. Нужны руки, ум, характер и желание исправить.

Нелегкая тема – и бесконечная. Жизнь идет, и люди ошибаются. Нельзя объять необъятное, но можно задуматься о конкретных ошибках на конкретных примерах. Ведь там, где нет общего решения, должны быть частные. Им и посвящен очередной, уже четвертый, сборник, подготовленный издательством ЭКСМО по итогам постоянного литературного конкурса «Наше дело правое». Правы те, кто здесь и сейчас закрывает собой пробоину, а уж по чьей вине хлещет вода, разберутся потом. Если заткнут, если выживут.

Без колебания входит в чумной дом благородная Валерия Минора, государственный врач в ранге прима, заведующая временным полевым госпиталем V Легиона (**«Vita» Анастасии Парфеновой**). Ей, прозванной «Вита» – Жизнь, – предстоит распутать клубок чудовищных промахов: магических, политических, военных, но врач думает, что имеет дело всего лишь с заразой. Как же она ошибается! А вот коллега Валерии (**«Дуракам везет!»**) усомнился в себе, в своем открытии и позорно бежал в глушь, где и сидел, пока его не извлек оттуда сын загубленной пациентки. Чтобы спасти умирающую сейчас, чтобы вернуть людям найденное и тут же отринутое средство от смертельной болезни. Медики, как никто, знают цену жизни, но как спасать, когда магия, тысячелетиями питавшая медицину, неудержимо иссякает? (**«Прикладная некромантия»**) Нужна замена – действенная, срочная, и тут уже не до принципов, тут вступишь в союз с тем, что почиталось страшнейшим из зол, а оказалось злом меньшим, да и злом ли?

Болеют не только люди, но и державы, только кто будет лечить болезнь – власти или революционеры? Ясно одно: само не рассосется, и вот уже стоят на главной площади мятежные полки, а против них их же товарищи, верные новому василевсу, пока еще верные... Кто перетянет чашу весов? Какой ценой? (**«Сентябрьское пламя» Ника Перумова**) И насколько же легче вызвать огонь на себя, прикрыть собой, чем бить по своим. Вторых пом-

нят, то проклиная, то превознося, первых же... Порой забывают. Одни от недостатка информации, другие – из политических соображений (**«Верный»**). Не всякий подвиг одинаково полезен для актуального агитпропа, особенно если герой – чужак, но находятся те, кто помнит, воздаст должное, исправляет давнюю несправедливость и вместе с ней что-то очень-очень важное в дне сегодняшнем.

Каждый герой где-то родился, где-то рос, обретал себя, понимая, что не мир ему должен по факту жизни, это он должен закрыть собой тех, кто слабее. Наделенную особым даром крестьянскую девочку забирают от родителей, чтобы вырастить из нее офицера космического флота (**«Возращение Евдокии Горбуновой»**). Уже взрослой она возвращается в свою деревню и понимает, что дома-то у нее и нет. Для родителей она теперь барышня, «ее благородие», даже письма ее зачитывают на площади во избежание крамолы. Неудивительно, что девушка в шоке бежит, но ее хватает на то, чтобы понять: никто не виноват, так вышло, ее же долг защищать в том числе и этих людей, а письма... Что ж, местная учительница говорит, что детишки, слушая их, становятся грамотнее. И Евдокия пишет, пока не начинается война, к которой ее и готовили.

Героям истории о том, **«Как подполковник Каддз собирался расстрелять капрала Че Гевару»**, достались другая эпоха и другая война, вернее, конфликт. С космическими пиратами доблестные космогвардейцы справились бы, шаля, но судьба послала им начальничка. Эта-то ходячая ошибка с амбициями и стала основной проблемой, пока лишь для одной бригады, но подполковник Каддз останавливаться на этом не собирался. Такие сами не останавливаются, и таких, увы, хватает в любой армии любой эпохи, но это еще не самое страшное. Куда хуже, когда общество ополчается на собственных защитников.

«Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую», да и то если вражеское руководство не решит, что зачистка захваченной территории предпочтительней. И хватаются за голову в час X пацифисты, почитатели «культурных наций» и прагматики, сэкономившие на демилитаризации миллиард и теряющие всё и жизнь. Разве что помешают те самые недобитые общими усилиями государства и общества вояки (**«Там, где мы нужны»**).

Странные эти люди, оказывающиеся там, где нужно, когда горит, и не способные отстаивать своих прав. Да что там права, они позаботятся о себе порой и то не в состоянии (**«Старик»**). И соседи не так уж и виноваты, ведь они не представляют, кто живет... жил рядом, и при этом виноваты, потому что о подвигах можно не знать, но человечность еще никто не отменял.

Не отменял, говорите? А как же брошенные струсившим персоналом старики (**«Дежурные по планете» Алены Дашук**)? Молодые и здоровые хотят жить, а пенсионерам, большинство из которых тихо и счастливо угасает, и так осталось немного, только старики начинают бороться; не все, конечно, но начинают. За совсем беспомощных соседей, за свое право чувствовать себя людьми, за удравших, ведь именно списанные в утиль, но не сдавшиеся находят средство против общей беды.

«Дежурные по планете» – один из последних рассказов Алены Дашук, талантливого, светлого, доброго человека. Алена ушла от нас прошлой осенью, остались рассказы и повести, осталась память, остался вот этот ее посыл – бороться до конца и верить если не в свою победу, то в тех, кто остается. Стать «дежурным по планете» может любой. Если не сломается, если захочет.

Можно уступить достойному свою жизнь, свое дело, свою любовь (**«Погружение в небо»**), можно волевым решением прекратить почти начавшуюся войну (**«Голова над холмами»**), а можно... всего лишь попытаться спасти диковинных зверей (**«Видели ли вы пятнистого клювокрыла?»**). Ну что значат какие-то страшили в сравнении с мировой революцией?! Смех один! Однако попер же молодой олигарх ради тварей против своих, и теперь люмпенскому комиссару надо решать, что со всем этим хозяйством делать. Комиссар – он

такой, он разберется и не заметит, что одного зверя он все-таки убил. В себе. Человеком выйдет из этой передраги товарищ Булкин и сына таким же вырастит.

Ненависть убить вообще не просто, а порой без ненависти не выжить и не победить. Ненависть к вторгшемуся врагу священна, пока человек остается человеком; ненависть эгоистичная, замешанная на зависти, ревности, амбициях разрушает, как и ненависть «по разнарядке». Не понять, кто был изначально прав в конфликте Федерации и Империи и был ли (**«От перемены мест слагаемых»**), но пока армии дерутся, в тылах лепят образ кровавого врага. Если же реальность вступает в противоречие с идеологией, то тем хуже для реальности, на покраску которой в нужный цвет брошены не только журналисты, но и педагоги. Это с одной стороны, а с другой – всего лишь кукла и две девочки из двух воюющих держав. Ну и военные, которым вроде бы положено ненавидеть.

О генах федератов и имперцев мы не знаем ничего, но в другой далекой-далекой галактике в генах людей обнаружили огрские маркеры (**«Ogres Robustus»**). Забавный такой фактик, на полчаса поболтать в Сети, пожалуй, хватит, только, не перешагни в незапамятные времена один-единственный огр через ненависть, болтать бы было некому.

Людям цивилизованным отказаться от ненависти не проще, чем диким ограм, но случается и такое. Александр Сергеевич расстался со своим Германном в сумасшедшем доме, где охотник за выигрышем в беспамятстве твердил: «Тройка, семерка, туз». Чтобы подхватить историю у «нашего всего», нужно быть очень смелым человеком, но Платон Сурин вернул пушкинскому герою свободу (**«Трефовый валет»**). Одержимый местью Германн взялся за тех, кого винил в своем фиаско, и... на сей раз пиковая дама осталась ни с чем.

Отступила ненависть и перед котятами, чьим отцом был страшный красноглазый монстр (**«Котиша»**). Страх, впрочем, жил лишь в душах на него смотрящих, а сам то ли зверь, то ли демон напал лишь по необходимости, а потом и вовсе ушел. Устал, наверное, от людского непонимания и агрессии, уж слишком распространена **ERROR: hatred**. Именно ее и взялся исправлять заведшийся в компьютерных сетях юный Кракен (**«ERROR: hatred»**). Ну не нравится ему, доброму, веселому, привязчивому, когда потенциальные друзья норовят сделать друг другу больно. Зато некоей утонченной, пришедшей из прошлого особе (**«Злое серебро»**) чужая жадность и порожденные ей ссоры – прямо-таки малина. Не первый век загадочная аристократка сбивает нестойких духом с пути истинного, но сколь веревочке ни виться... Нарываются и грабители, залезшие к одинокому пенсионеру (**«Дождешься!»**). Бывший участник вьетнамской войны оказывается отнюдь не беззащитен, хотя, спасая жителей горящей деревушки, он меньше всего думал об обретении всесильной покровительницы.

Помогают своим и наши города, не все, конечно, а достигшие почтенного 427-летнего возраста (**«Потеряшка»**). Симпатичные урбаниды-потеряшки исправляют мелкие наши промахи, пока те не обернулись где несчастьем, где невстречей со счастьем. Кто-то, забыв дома нитроглицерин, находит спасительное лекарство, кто-то – ручку, чтобы записать судьбоносный адрес, кто-то – деньги, кто-то – яркий осенний лист...

А вот Петербург до урбанид пока не дожил, в нем обитают иные силы (**«Белые ночи Гекаты» Веры Камши**). Оказавший услугу незнакомой девушке историк и помыслить не мог, что столкнется с чередой на первый взгляд ничем не связанных смертей, найдет ответ в собственной диссертации и сквозь один город увидит три. Страшно играть с богами и лицами, к ним приравненными, еще страшнее, когда твою собственную, неповторимую жизнь живешь не ты, а тот, кто тебе ее дал. И не столь уж и важно, боги это или родные, ведь тебя, по сути, и нет, есть подсадная утка, магнит, притягивающий беды к другим. Порвать порочный круг не просто, разве что придет помощь... Те, кого мы знаем как древнеиндийских богов, решили дать человечеству еще один шанс (**«Батарейка Суры»**). Если люди – не абстрактные, безликие, а конкретные изобретатели – откажутся от дела всей своей жизни.

Не просто так, разумеется, а увидев будущее, к которому приведут их открытия. Не сейчас, через несколько поколений.

А вот до аналитика Андрея Кернёва дотянулось не будущее, но прошлое (**«Идущие обратно» Владимира Свержина**). Потомок наполеоновского адъютанта, хоть и гражданин РФ, встретил в Интернете... дух Наполеона и загорелся идеей вернуть императора в реальный мир. Интересно же, и потом, хуже точно не будет! Разумеется, в проект вступили самые разные силы с самыми разными целями. Сам Бонапарт собирался исправить то, что полагал ошибками, Дьявол при сем присутствовал, большой Босс и боссы поменьше играли свою игру, а ФСБ... Будем исходить из того, что ФСБ действует исключительно к пользе Отечества и при этом не ошибается, хотя Наполеон и в XXI веке Наполеон, и ухо с ним надо держать остро.

Вот кот-телепат из Зоны (**«Ёлки зеленые!»**), тот точно не навредит. Скольких забравшихся куда не надо двуногих балбесов он выручил, он и сам не помнит, а вот то, что хотелось бы забыть, так и стоит перед глазами, то ли звериными, то ли человеческими. Странная семейка из странного, но очень симпатичного мира (**«Сумангат», или Портрет неизвестной**) тоже спешит на помощь заблудшим в зоне поражения, только поражены спасаемые любовью и ведут себя, прямо скажем, по-дурацки. Психолога бы им! Хороший психолог никому не помешает. Будь ты хоть темный властелин, хоть дракон, хоть сам Дарт Вейдер, нет-нет да и взвоешь от тоски (**«Психолог для Темного Мира»**), и вот тут-то тебе и покажут картинки и спросят, что есть любовь. И задумаются великие и ужасные, и поймут, что жили как-то не так и нужно что-то менять, причем немедленно.

«Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает», – гласит народная мудрость. «Кто на многое отваживается, тот неизбежно во многом и ошибается», – предупреждает Менандр, а Гёте иронизирует: «Есть люди, которые никогда не заблуждаются, потому что никогда не задаются никакими разумными мыслями». Мудрая Агата Кристи высказывается еще более радикально: «В жизни каждый должен совершать свои собственные ошибки». Что тут можно добавить? Разве что перефразировать любимый тост подводников: «Пусть количество погружений равняется количеству всплытий. Пусть число ошибок равняется числу исправлений». Не может такого быть? Само собой, не может. А если... попробовать? Только начинать надо с себя.

Vita¹

Горел огонь. Кипело масло.
Еще не замер крик в палатке.
В рассветном небе звезды гасли.
Последний шов – и отдых краткий.

Вчера победу протрубили,
А здесь война еще в разгаре.
Те, кто недавно победили,
Не сразу разберут в угаре:

Кто – не жилец, а кто – калека.
На звезды щурясь близоруко,
Сидел армейский старый лекарь,
С колен устало свесив руки.

Данила Филимонов

¹ Vita (лат.) – жизнь.

Анастасия Парфенова Vita

I

Над дверью повесили шарф желтого шелка. Рядом поставили ветви кипариса, дерева мертвых. А еще чья-то угасающая магия начертила в воздухе знак. Литеры дрожали и расплывались, словно сотрясаемые лихорадкой. Но все же упрямо теснились друг к другу, складывались в обреченное:

«Чума над домом этим».

Вита приказала:

– Вскрывайте!

Проверила, плотно ли маска прилегает к ее лицу.

Удар ручного тарана вышиб дверь вместе с едва теплющимся защитным барьером. Изнутри дохнуло гнилью, болью и чем-то кисловато-сладким. Легионеры в пропитанном соком кау хламидах проворно подались назад, отступая за очерченную магией линию. Вита осторожно переступила через остатки двери и шагнула в проем.

В доме было темно, очень душно – кто-то явно пытался поставить воздушную изоляцию. Скорее усердно, нежели успешно, но попытка налицо. Пахло... пахло терпимо. Учитывая температуру, процесс разложения шел не так давно. И еще пару суток назад кто-то пытался поддерживать здесь порядок. Отсутствие гниющего мусора, чистые амфоры, полы и мебель обработаны раствором аленды. Здесь сражались до самого конца.

Вита поудобнее перехватила рабочую табличку и стилос. Подняла на поверхность воска страницу с чистой формой.

Номер. Дата. Время.

Дом семейства Руфинов, что построен на улице Блазия, в поселении Тир.

Осмотр проводит: Валерия Минора Вита, государственный врач в ранге прима, заведующая временным полевым госпиталем V Легиона.

Свидетели... Тут, по идее, требовалась подпись несущего штандарт. А то и командира центурии сопровождения. Идея также предполагала, что легионерам, действующим в очаге эпидемии, будет своевременно и в достаточном количестве доставлено защитное снаряжение.

Иногда ей казалось, что бюрократы от медицины жили в какой-то другой империи. Или даже в другом мире. Там, где заразные болезни были не столь уж заразными.

В той реальности, где обитала Вита, все имело свою цену. И право гулять по зачумленным домам – не исключение. За четыре десятка лет медицинской практики Валерия Минора заплатила полной атрофией эмпатической чувствительности, хроническими нарушениями сна, букетом дичайших аллергий, половиной правого легкого и способностью выносить здоровых детей. Она не видела смысла спрашивать такую цену с офицеров когорты. Не ради галочки в протоколе.

Медик прошла в глубь дома, тщательно выбирая, куда ставить ноги. Выложенный плиткой пол, светлая штукатурка стен, свисающие с потолка лампы. Дверные проемы закрыты ярко вытканными покрывалами. Вита сняла с пояса удлиненный медицинский нож, отодвинула тяжелую ткань.

В лицо дохнуло тленом, благовониями и почти развеявшимися заклинаниями сохранения. Атриум, центральное и самое просторное помещение в доме, был затемнен. Проем в потолке, обычно открывающий сердце поместья свободному небу, затенили плотным наве-

сом. Высаженные здесь цветы и пряные травы поникли. Воздух стыл безнадежной, какой-то кощунственной неподвижностью.

Через раздвижные сегменты навеса прорывалось несколько узких полосок света. Лучи резали воздух, точно стилеты. Очерчивали укрытые белым полотном коконы.

Вита внимательно осмотрела мощные балки, висячие светильники. Кушетки впопыхах отодвинуты в сторону, кругом расставлены свечи и благовония. Лишь затем медик сосредоточилась на массивном каменном столе, что подобно императорскому трону доминировал над помещением. Над всем этим домом, если подумать. Над всем поселением.

Столешница установлена была на тяжелой мраморной плите. По углам ее поддерживали крылатые чудища с мощными львиными лапами, центр украшен был традиционным растительным орнаментом. Сверху на стол уложили три свертка и бережно укрыли покрывалами.

Вита отвела в сторону домотканое, выбеленное полотно. Поваяло алендой – покров явно пропитали раствором, хотя с тех пор он успел высохнуть. Ткань была жесткой и хрупкой, под давлением раскрывалась неохотно, точно безвременно увядший цветок.

Под таким покровом яркие, огненно-рыжие волосы и фарфоровой тонкости черты казались особенно неуместными. Запах кедрового масла, вложенная в губы монетка, официальное одеяние, в складках которого ребенок почти утонул. Медик отвела ткань в сторону, подцепила кончиком ножа цепочку, охватывающую детское горло. Подняла повыше – так, чтоб выгравированные на медальоне литеры попали в узкую полоску света.

– Руфина Секунда, из рода Корнелиев, сословия всадников, – вслух прочла она, подсчитывая, сколько прошло с указанной даты, – рожденная одиннадцать лет назад...

Открыв два других покрывала, медик обнаружила Руфину Терцию и Руфину Кварту, семи и пяти лет от роду соответственно.

Так. Где же тогда старшая? Вита огляделась.

В алькове ларов, на почетном месте среди прочих подношений духам предков, расправила крылья Богиня Мэйэрана: стремительный бронзовый силуэт, из тех, что в конце года вручают за выдающиеся достижения лучшим ученицам. Прошло более полувека с тех пор, как Вита возложила такую же на алтарь рода Валериев. Вряд ли порядки в храмовой школе сильно изменились. Скорее всего, девочка привезла свой трофей на каникулах. Учитывая, что сейчас у нас снова середина учебного цикла...

Вита подняла на воске лист «Выжившие», внесла в него имя Руфины Маджоры. Предположительное местонахождение: школа при храме, что над водопадами Мэй. В момент вспышки находилась вне области заражения. Пометка: направить в школу официальное извещение.

К делу.

Вита отвела с потолка навес, открывая тела косым лучам солнца. Выложила на стол набор скальпелей, восковую табличку, стилос. Предполагаемое время смерти... Вскрытие проводила... Нарывы на теле почернели, при пальпации ощущаются твердыми, инородными телами. Ороговение кожных покровов в областях поражения, ткани с трудом поддаются разрезу. Состояние внутренних органов...

Час спустя Вита оставила за спиной три завернутых в полотно детских тела и полудюжину слуг, чьи останки обнаружились в боковой комнате. Проход в хозяйские покои закрывала настоящая деревянная дверь. Створка легко подалась под нажимом, скользнула в сторону. Вита вошла в просторную спальню.

Все те же тщательно занавешенные окна. Светобоязнь как возможный симптом? Медик сдернула на пол покрывало, открывая путь рассеянному вечернему свету.

Здесь было отнюдь не так чисто, как в остальном доме. Опрокинутая амфора, осколки глиняных чашек, скомканные полотенца. Широкая кровать. Запах.

Вита подошла к ложу. Чтобы узнать хозяина дома, не нужно было приглядываться к кольцу на распухшем пальце. Тронутые сединой огненно-рыжие волосы не могли принадлежать никому, кроме отца семейства.

При жизни Тит Руфин был массивен, широкоплеч и высок. Впечатление силы не оставило его даже сейчас. Мужчина обнимал завернутую в белое полотно женскую фигуру. Жест был одновременно защищающим и безмерно усталым.

Вита нахмурилась. Отодвинула ткань, осматривая кожные покровы. Приподняла веко. Матрона Руфина была мертва уже достаточно давно. Но вот отец семейства сделал последний вздох не более суток назад. Этот человек погибал, когда медицинская когорта уже входила в зону карантина.

И, если она еще не совсем ослепла, болезнь хозяина дома протекала нетипично. Вита коснулась шеи, обтянутыми кау-пленкой пальцами надела на область под подбородком. Отверждение кожных покровов. Скорее напоминает наполовину сформировавшуюся... чешую?

Вот оно как!

Вита выпрямилась. В ладонь лег скальпель с ланитовым лезвием. Медик поднесла острое к кожным покровам... и поняла, что пальцы, сжимающие нож, весьма ощутимо дрожат.

Недопустимо.

С момента, когда стало окончательно ясно, сколь силен в ней дар исцеления, жизнь Валерии Миноры была скована рамками жесточайшего кода. Мантра, повторяемая наставницами школы Мэй: будь спокойна, будь равна, будь уверена. Посреди выходящих из-под любого контроля эмоций пациентов и страха их родичей ты должна быть недвижимой опорой. Целительница в слезах неуместна, как и целительница смеющаяся. И нет ничего более жалкого, ничего более бесполезного и в то же время разрушительного, нежели целительница испуганная.

С полминуты Вита стояла неподвижно. Считала биение пульса в сжимающих нож пальцах. Вслушивалась, как с каждым вздохом поднимается и опускается ее грудь. «Будь спокойна, будь равна, будь уверена, прима. Делай свою работу».

В скальпеле, когда он вновь коснулся тела, не было и следа дрожи. Ланитовое лезвие без труда резало продубленные кожи и шелк из нитей стальных пауков. Однако затвердевшее чешуйками новообразование поддавалось ему с трудом.

– И кто теперь просоленный пессимист? Случайное совпадение, да, Авл? Естественные, в море их утопить, причины.

Если рыжий умер не от осложнений на сердце, никак не связанных с первичной инфекцией, она подарит своему доверчивому коллеге амфору золотого ришийского. И извинится. Прилюдно.

Впрочем, сакральная неприкосновенность винных погребов подтвердилась довольно быстро. Вита выругалась сквозь зубы. Пора было заканчивать.

Чтобы снять с пальца родовое кольцо, пришлось вновь пустить в дело скальпель. Вита накрыла даже в смерти не разомкнувших объятия супругов одеялом. Теперь остались лишь документы – за ними даже не пришлось идти в примыкающий к атриуму кабинет хозяина. Аккуратно сложенные в стопку, восковые таблички ждали своего часа на прикроватном столике. Тит Руфин, твой разум и сердце воистину были точно из железа выкованы.

Медик с невольным уважением качнула головой. Коснулась верхней таблички. Печати на воске не было, даже самой базовой. Последняя из оставленных записей послушно поднялась на поверхность:

«...подтверждаю, что наследницей всего движимого и недвижимого имущества является моя дочь Руфина Старшая. Опекуном ее назначен мой брат Марк Руфин по прозвищу

Блазий, военный трибун крепости Тир. В случае, если он не сможет принять на себя сии обязанности, объявляю Руфину Маджору совершеннолетней и независимой в поступках и суждениях. Ни при каких обстоятельствах не могут члены старших ветвей рода Корнелиев быть названы опекунами Руфины Маджоры. В противном случае падет на них мое посмертное проклятье...»

Ого! А в благородном семействе, выходит, приключился изрядный скандал. Как-то очень основательно рассорились Руфины со своими родичами. Полная эмансипация женщины вообще случай нечастый. Благородной Валерии Миноре в свое время пришлось изрядно постараться, чтобы добиться подобной независимости. Однако бесплодная и разведенная младшая дочь – это одно. А вот лишиться поддержки рода наследницу, слишком юную, чтоб всерьез задуматься о замужестве... Жестко. Пожалуй, даже жестоко.

Вита подхватила таблички, окинула помещение последним цепким взглядом. Направилась к выходу.

Шагнув на волю из переполненных воспоминаниями помещений, она замерла. Несколько раз глубоко вздохнула. Солнце начало уже клониться к закату, и медик слепо сощурилась на окрасившиеся багрянцем стены. В глаза будто насыпали песка. Вита привычно подавила желание протереть их. Маску снимать было рано.

От соседних ворот подошел один из сопровождавших ее легионеров. Протянул ведро, наполненное очищающим настоем. Вита без слов бросила туда вынесенные из дома восковые таблички. Вслед за ними отправились женские именные медальоны, массивный мужской перстень, содержание ювелирной шкатулки матери семейства.

Отчет центуриону медик представила на вытянутой руке. Свою подпись в графе «свидетель» благоразумный воитель нацарапал, стараясь держаться от таблички как можно дальше. После этого отчет полетел во второе ведро, вместе с поясом врача, ее наручами, набором ножей. Стоявший рядом медик-инструментарий пристально проследил за траекторией дорожащего ланитового скальпеля: за сохранность снаряжения он отвечал не только головой, но и кошельком.

Вита привычными аккуратными движениями сняла сандалии и тунику.

Ее тело было покрыто сизо-зеленой пленкой из подсохшего сока кау. При всех своих защитных качествах такой наряд не оставлял ни малейшего простора воображению. Тем не менее легионеры, укладывающие вдоль стен бруски с горючей смесью, удостоили медика лишь парой косых взглядов. И это тоже служило мерой усталости и ужаса, что выплеснулись за стены крепости Тир. В шестьдесят с лишним лет фигура Виты почти не изменилась по сравнению с тем, какой она была в двадцать с хвостиком. Не то чтобы благородная Валерия и в двадцать могла похвастаться красотой, затмевающей долг и останавливающей легионы на марше. Но все-таки.

Подошел несущий сигну. Одним коротким жестом отослал легионеров прочь от стен дома. Преклонив колено, кончиком ножа завершил начерченные перед дверьми знаки и закрыл круг.

Кеол Ингвар, риши-полукровка и один из сильнейших магов V Легиона, встал перед зачумленным домом. Поднял древко копья, которое обвивали две отлитые из белого золота змеи. С низким раскатистым речитативом уронил знак медицинской когорты вниз.

Древко ударило перед рисунком. Воздух дрогнул. По земле покатались короткие, злые волны. Пойманные кругом, они плеснули, отразились, побежали обратно в сторону стен. И сложенный из песчаного камня дом полыхнул, будто пропитанный маслом фитиль. Взрыв был беззвучным и оттого еще более жутким. Столб огня, дыма и жара взмыл к небесам. Яркое белое пламя в считанные секунды накрыло потолки и балки, в пепел обратило утварь, тела, воспоминания.

Семейное гнездо Тита Руфина горело, сгорали останки его дочерей, затихало эхо их голосов. Когда пламя схлынет, сложенные из песчаника стены станут прочнее и жестче. Но все, что составляло душу этого дома, обратится в пепел.

Вита отвернулась. С неба падали серые и черные хлопья, закрывали город, оседали на накидках густым слоем сажи. Разглядеть что-то вдаль было сложно, дышать без маски она была бы не в состоянии. Если судить по финальному результату, деятельность карантинных команд можно было спутать с извержением очень аккуратного и очень придирчивого вулкана.

Вита швырнула в огонь тунику и обувь. Привычно сощурилась от жары, дожидаясь, пока несущий змей обратит на нее внимание. Сигнифер убедился, что даже тень заразы не выживет в очищающем пламени. Повернулся к медику. Она отрывисто кивнула.

Офицер плавным движением направил сверкающее наконечником копье, и змеиные головы развернулись в сторону Виты. Медик подняла руки в жесте восхваления и беззащитности. Взгляд ее ни на секунду не отпускал лицо смотрящего поверх змеиных голов мужчины. Его волосы были черными с проседью, кожа смугла, а глаза по-ришійски зелены.

К очищению невозможно привыкнуть. Десятки лет службы, тысячи повторений, но в каждую церемонию она шагала точно впервые. Глаза в глаза. Одна ошибка мага, один его просчет, и пепел младшей Валерии смешается с пылью улиц.

Язык пламени отделился от пылающего за спиной костра, обвился вокруг Виты. Огонь сжимался все более тугой спиралью, играл оттенками белого золота. Медик запрокинула лицо, позволяя очищающему пламени окатить ее с головой. Приятное глубинное тепло сменилось жжением, а затем почти болью. Крик был бесполезен и невозможен. Вита сжала зубы, и в этот момент пламя схлынуло, удовлетворенным белым змеем свернулось у ее ног.

Медик протянула руки, еще раз окуная ладони в очищающий жар, затем аккуратно через него перешагнула. Ее кивок сигниферу был одновременно благодарностью и подтверждением, что прима не поджарена сверх необходимого. До следующего раза. Несущий сигну коротко отсалютовал. И, не тратя время на разговоры, поспешил дальше. У него сегодня было еще слишком много работы.

Медик, в свою очередь, устало побрела к телеге снабжения, что гордо высилась посреди улицы. Подле уже топталась аристократично-долговязая фигура. Авл Корнелий был целителем в ранге секундус, другом и упрямым ослом, не желающим признавать очевидное. Вита окинула его обеспокоенным взглядом.

Поджарое тело коллеги было заковано в подрумяненный сок кау и в закатных лучах переливалось всеми оттенками синего. Плотная маска на его лице смотрелась намеком на последнюю ришійскую моду. Четкая осанка в сочетании с расслабленностью позы были бы уместны среди поэтических дебатов, но не в центре опустошенного мором поселения. Вита вздохнула. Благородный Авл Корнелий из рода Корнелиев вообще обладал даром не вписываться и не подходить. Это объясняло, почему он находился сейчас не в столичном госпитале, а под стенами зачумленной крепости. Однако самопровозглашенный алчный циник был хорошим врачом, и с точки зрения благородной Валерии из рода Валериев одно это достоинство перевешивало все прочие недостатки.

– Что? – поинтересовался коллега, когда она подошла поближе.

Вита потерла запястье, проверяя, насколько эластична покрывающая тело пленка.

– Еще одно, максимум два очищения. Потом нужно будет смывать раствор и наносить заново, иначе он пойдет трещинами.

– Что ты нашла в доме коменданта? – Судя по нетерпеливому тону, защищенность любимой начальницы волновала Авла в последнюю очередь.

– Трибун Блазий жил не здесь. Это дом его брата.

– И?

Старый легионер-логист перегнулся через перила телеги, протягивая им чистые туники. Вита кивнула признательно, надевая грубую неокрашенную ткань.

– Благодарю. – Вновь повернулась к Авлу: – В кладовых были следы поспешных сборов. Думаю, Руфины получили предупреждение, скорее всего из крепости. Они явно собирались покинуть город. Не успели. Когда заболела младшая дочь, Тит Руфин закрыл ворота и запечатал дом. Его жена и слуги либо были безмерно верны, либо главы семейства боялись сильнее любой заразы.

– Они остались в очаге эпидемии, чтобы ухаживать за детьми.

– Да.

Авл резким движением одернул тунику. Даже самая дешевая ткань, видом своим подозрительно напоминающая потрепанный мешок, на его фигуре смотрелась почти шикарно. Вита в схожем «одеянии» просто утонула.

Логист выдал обувь. На простенькой одноразовой сандалиии оказалось сломано крепление, и вместо него ухмыляющийся легионер вручил Вите ветхий ремешок.

Старший медик балансировала на одной ноге, пытаясь завязать проклятый узел. Утони оно все... Авл подхватил начальницу под локоть, вернул ее в вертикальное положение.

– Заботливый отец не попытался добраться до приписанного к крепости врача?

Иными словами: что именно комендант вышеуказанной крепости сообщил своему брату? Почему тот предпочел превратить дом в живую могилу, но не искать помощи в военном госпитале?

– У него было три порции яда жизни, приготовленного на крови младших Руфин.

– Когда?

– Чуть меньше года назад. Прекрасная работа.

На глиняных ампулах, которые Вита нашла в доме, красовалось клеймо храма Мэй и имя одной из старших жриц-наставниц. Знак высшего качества, какого только можно добиться, готовя лекарство заранее из чистой, незараженной крови. Интересно, что семья, живущая скромно, почти на грани допустимого для их сословия аскетизма, сумела позволить себе подобные расходы.

– Когда стало ясно, что болезнь уже в доме, Руфин дал детям зелье. Оно не могло подарить защиту против той чумы, что тут всех выкосила, – кстати, что это за чума? Из столичной библиотеки не было сообщения? Никого еще не осенило?

Авл отрицательно дернул подбородком.

– Что-то новое.

– Оно всегда новое. Каждый раз новое! Пока не доберемся до архивов и не обнаружим очередной сундук хорошо забытого старого. А заодно и лекарство к оному.

Вита затянула на бедрах пояс, закрепила на нем набор чистых инструментов и аптечку с полудюжиной базовых средств. Логист протянул ей наручи.

– Яд жизни... – напомнил Корнелий.

– ...не мог дать иммунитета против этой дряни. – Прима более резко, чем нужно, затянула ремень на запястье. Поморщилась от боли. – Но общую защиту организма зелье вздернуло на дыбы. Дети хорошо держались. Они боролись, пока болела мать и умирали слуги. Но потом сгорели очень быстро. Буквально за один день.

Медики в последний раз проверили снаряжение и слаженно развернулись. Зашагали в сторону домов, последних из тех, что некогда прижимались к крепостному холму. Пару мгновений Авл молчал, глядя перед собой.

– А их отец?

– Отец, – ласково сообщила Вита, – не принимал никаких лекарств. И в целом показал себя типичным «еослом» в отставке. Железное здоровье, железные нервы – и железные же мозги. Он заболел последним.

– Еще-Один-Спятивший-Легионер, – пробормотал себе под нос медик. Это было еще не худшим вариантом расшифровки их профессионального ругательства. – Может, в этом и дело? Легионерские вакцины? Пусть и ограниченно эффективные.

Оба медика посмотрели в сторону безмолвных и безлюдных стен. На мгновение Вите показалось, что на бастионах угловой башни кто-то мелькнул – но нет. Просто пепел, падающий перед глазами.

– Три недели назад в крепости Тир было полно людей, регулярно получавших легионерские зелья. Им это не помогло.

– Вакцины, бывшие в употреблении более десяти лет назад? – уточнил Корнелий.

– Возможно, – Вита говорила тихо, но очень, очень четко. – Он был ветераном. И умер сегодня ночью. Не от болезни. Сердце не выдержало.

Взгляд, которым коллега наградил начальницу, обжигал даже сквозь маску.

– Не ты ли вечно твердишь, как глупо видеть руку Ланки в каждом новом чихе?

– Я вижу Ланку не в том, что произошла вспышка. *А в том, что она чудесным образом прекратилась.* Недели карантина, у легата трясутся поджилки, к императору летит прошение обрушить на долину огненные дожди. И вдруг посреди ночи нас направляют в эпицентр? С напутствием: «Вы там приберитесь»?

– Теория стройная. Но факты не сходятся.

– Авл...

– Болезнь исчезла вместе с носителями. Стопроцентная смертность, Вита. Если бы здесь наследили Ланка... были бы выжившие.

– Да. Были бы.

Тишина упала между ними, как брошенная на палубу глубоководная медуза. Беспомощная, нежизнеспособная, лишенная естественной своей формы – и естественной своей красоты.

Авл сдался. Попробовал зайти с другого конца:

– В когорте принимают ставки один к четырем, что у нас с тобой жаркий роман. – Могло показаться, что коллега сменил тему. Но старый друг был единственной на свете душой, осведомленной о том, что представляла собой ее личная жизнь. Если путанный кошмар последних лет можно было так обозвать.

– Чушь, – подумав, решила Валерия. – И спросила: – С чего такой вывод?

– Мы заканчиваем фразы друг друга. Двигаемся, как близнецы. А еще ты отчитываешь меня, точно сварливая жена. Мол, зачем притащил в лагерь столько вина? Зачем взял с собой змею белого бреда?

Вита фыркнула:

– Не переживай. Любой, у кого есть глаза, поймет...

– ...что мы просто очень долго вместе работаем!

Коллега выдержал паузу. Спросил:

– Зачем глаза тем, кто живет глубоко под водой?

На этот вопрос ответа у нее не нашлось.

Медики подошли к последней паре домов – богатых купеческих поместий, расположенных ближе всего к крепостному холму. Вита прищурилась на коричнево-красные разводы, что пятнали каменную кладку. Тела из-под стен уже убрали.

– Так откуда столь пристальное внимание к Руфинам, друг мой?

Авл пожал плечами:

– Мы в родстве.

Вита хмыкнула:

– Корнелии со всеми в родстве.

И со всеми у Корнелиев чисто родственные денежные интересы. Впору задаться вопросом, что за «движимое и недвижимое» поминал в своем завещании Тит Руфин.

По крайней мере, ясно, зачем Авл настоял на осмотре дома старшим медиком. Если гибель Руфинов повлечет за собой клубок скандалов и судебных разбирательств, Корнелии останутся в стороне. Протокол же создаст впечатление должной объективности. Профессиональная репутация благородной Валерии была весьма внушительна.

Под покровом маски Вита устало поморщилась. Рано или поздно Руфина Маджора доберется до этих документов. Если рыжая отличница столь хороша, как предполагает привезенный из школы трофей, то точно так же она доберется до проводившего осмотр врача. То-то радостный у них выйдет разговор. А уж насколько искренний...

Субтрибун, за неведомые грехи назначенный координировать зачистку, ожидал их перед воротами. Движения молодого офицера за день утратили уверенность, в жестах читалась усталость, помноженная на исполнение – немедленное и одновременное – слишком многих приказов сразу. Ему не сразу удалось извлечь из охапки восковых дощечек нужную. Читал молодой человек быстро:

– Дом Гая Ашата. – Вита едва успела поймать брошенные ей записи. – Семья плебейского сословия, входит в золотую тысячу торговых домов. Им принадлежит солидная доля в уходящих в степь караванах. По слухам, в поместье Ашатов денег можно найти больше, чем в крепостной казне, – и глазом не успеem моргнуть, как начнут вопить об удобных кострах и вороватых легионерах. Надо найти приходно-расходные списки. И описи!

Вита сузила глаза:

– С каких пор «медик» стало еще одним синонимом «судебного прислужника»?

Ее не слушали, той же командирской скороговоркой очерчивая задачу Авла:

– ...надо закончить до темноты. – Молодой офицер завершил свою речь. Торопливо кивнув, бросился к полыхнувшему заревом очередному пожару.

Медики за его спиной обменялись выразительными взглядами. Подобная спешка стала в этот день удручающе привычной. Легионеры носились по улицам, точно мыши, над которыми занес лапу разъяренный кот. Карантин длился долгие недели, и с каждым днем характер трибуна, командующего когортой, становился все невыносимее. Прямо пропорционально возрастала резвость, с которой выполнялись его приказы.

Медики отсалютовали друг другу табличками. Пропели циничным хором:

– Служу империи!

Они слаженно развернулись спина к спине. Так же слаженно, не давая себе перевести дух, направились к домам, что расположены были по разные стороны дороги.

Ворота купеческого поместья кто-то предусмотрительно выбил. Причем задолго до прибытия легиона. Вита в последний раз окинула взглядом трещины и язвы на стенах, засохшую поверх них причудливыми разводами кровь. Если к жертве не хотят подходить близко, ее можно забить камнями... Медик отогнала давнее, режущее красками и криком воспоминание. Шагнула внутрь.

Дом Ашатов не предназначен был для возвращивания семьи. Он вообще не имел ничего общего с приличным имперским домом. Поместье задумывалось как купеческое подворье – и строилось соответственно. Это был торговый бастион на границе между имперским порядком и степной дикостью. Высокие стены выглядели бы внушительно, если б не стояли в тени настоящих крепостных укреплений.

Вряд ли число постоянных обитателей поместья превышало полдюжины, но когда в поселении Тир останавливались караваны, это число легко могло возрасти и до сотни. Слева возвышались укрепленные помещения складов, справа – что-то, более всего напоминающее казармы. Между их боками было зажато помещение, очень четко показывающее: купеческую лавку не сделаешь дворцом, прилепив к ней портик и пару колонн.

Просторный, вымощенный камнем и укрытый навесами двор явно предназначался, чтобы размещать людей, животных, повозки. Сейчас здесь не было ни одного, ни другого, ни третьего. Сейчас купеческий двор выглядел полем давней, безжалостной бойни.

Понимание пришло вместе с волной сладкой воню и было похоже на удар. Вита остановилась. Сделала один выверенный шаг назад. Привалилась лопатками к стене, отвернула лицо. Смутно порадовалась, что проводит осмотр одна, потому что при свидетелях никогда не позволила бы себе подобной слабости. В этом доме смотреть на младшую дочь благородного рода Валериев было некому. Некому...

Она не хотела идти внутрь. Просто не хотела. И без того понятно, что произошло в доме Ашатов. Ничего нового там не найти.

Давление в груди. Она, оказывается, задержала дыхание.

«Никуда не годится, Валерия. Никуда».

Сделала вдох – и вновь застыла. Запах...

Вита поймала ощущение пульса на своем запястье, зачистившее биение в висках, над ключицей. Расслабила диафрагму, живот, плечи. Привычно замедлила сердце до размеренных четких ударов. В глазах прояснилось. Воню не стала меньше, но будто поблекла, отодвинулась. Ушла под поверхность ее внимания, как рисунок погружается в воск.

Лопатками оттолкнув стену, медик выпрямилась. Брезгливо передернула плечами.

По запятнанным кровью камням Вита прошла медленно и спокойно. Она не останавливалась рядом с телами, но давала себе время внимательно все рассмотреть. Для определения причины смерти вскрытия проводить не требовалось. Из торса коренастого громилы в степном халате торчало под разными углами сразу четыре стрелы. Второго, защищенного не только легким панцирем, но и щитом, достали выстрелом в глаз. Третий перед смертью скрюченными пальцами пытался извлечь из горла древко дротика.

Судя по всему, стреляли сверху, со второго этажа. Четко и метко. Среди забаррикадировавшихся в доме явно нашелся по крайней мере один стрелок-мастер. Купеческая охрана?

У крыльца обнаружились следы поспешной баррикады, а также следы совершенно безумной попытки устроить поджог. Похоже, оборонявшиеся вынуждены были отложить луки и взяться за оружие ближнего боя. Широкие светлые ступени были залиты кровью – и не только. Вита обошла скрюченное тело. Перешагнула через второе. Затем через вывалившийся из вспоротого живота комок. Нападавший, что лежал между дверных створок, был обезглавлен. Вита оглянулась, движимая мрачным любопытством. Заметила голову, то ли отброшенную точным пинком, то ли просто скатившуюся со ступеней.

Войдя в помещение, первым, что она увидела, было еще одно тело. Воина припилили к стене коротким копьем. Это явно был караванный охранник: кожаные доспехи со стальными пластинами, удобные степные сапоги, степной же пояс с оружием. К нему крепились ножны для длинной кавалерийской сабли. Медик остановилась рядом. Характерные черты лица и жесткие черные волосы говорили о примеси крови кочевников. И, быть может, очень дальнем родстве с дэвир. Прекрасно развитые мышцы рук, чуть деформированные ноги. Хороший стрелок, в седло сел даже раньше, чем научился ходить. Но сражаясь в узких коридорах, да еще совершенно не приспособленным для того оружием, он чувствовал себя менее уверенно. За что и поплатился.

После смерти прошло довольно много времени, но ни на одном из тел медику пока не удалось заметить признаков болезни. Она сделала пометки на восковой табличке. Направила свои шаги в глубь дома.

Стены усадьбы Ашатов носили в себе следы резни. Следы пожара, следы погрома, следы насилия. И со всех сторон Виту обступали запахи смерти. Язык не поворачивался назвать то, что здесь произошло, битвой. Или хотя бы схваткой за выживание. Эти люди словно пали жертвами охватившего всех безумия.

В примыкающем к кухне временном лазарете Вита нашла одну из причин. Худощавый старик, с длинными белыми волосами и с белой же, слипшейся от крови бородой. На лице и ребрах виднелись следы побоев. На обмотанной грязными бинтами левой руке недоставало трех пальцев. В ухе болталась серьга – переплетенные клубком змеи. Знак медика.

А она, признаться, решила, что дело и правда в пресловутой казне Ашатов. Но кто в разгар чумы устроит войну за деньги? Нет. Только за исцеление. За шанс, пусть самый призрачный. Шанс выжить.

Вита медленно обошла помещение. Нашла черную обезглавленную змею. Нашла чашу, в которую выдавили яд, неумело смешали с кровью. Нашла труп того, кто осушил эту чашу. Он умирал долго.

В принципе, с этого момента все было ясно и дополнительного расследования уже не требовалось. Когда вспыхнула эпидемия, дом Ашатов оказался обладателем бесценного в такой ситуации сокровища: медика, имеющего в своем распоряжении не только аптеку, но и небольшой серпентарий. Старик, конечно, пытался лечить. Безуспешно – если б болезнь поддавалась стандартным методам, госпиталь крепости Тир справился бы с напастью. Но он был медиком, и он был за закрытыми воротами поместья Ашатов. Этого оказалось достаточно.

Смерть ломилась в дом приливными волнами. Они отстреливались от нее из луков, отпихивали копьями, рубили короткими мечами и саблями. Не позволяли себе замечать, что убивают своих же обезумевших от страха соседей. Зелья не помогали, старик знал, что попытка лечить напрямую, делясь своей жизненной силой, закончится для него гибелью. Но для окружающих логика была уже бессильна. Начались побои. Потом пытки. Нужно дойти до особой стадии бездумного ужаса, чтобы искалечить единственные руки, что способны еще принести спасение. Медик, конечно, сломался. Попытался вытащить хоть одного больного...

(Вита коснулась спутанных кудрей молодого парнишки. Повернула его голову, изучая покрытую нарывами шею. Юноше не было еще и двадцати.)

...и целитель, будучи на грани истощения, предсказуемо угробил и себя, и пациента. После чего выжившим не оставалось ничего другого, кроме как взять последние запасы и заняться самолечением. С результатом не менее предсказуемым.

Безумие чумы, наложившееся на безумие войны. Вита закрыла за собой дверь лазарета. Вокруг было слишком сумрачно. Медик достала из аптечки серебряную монету с профилем императора. Зажала ее между сложенных лодочкой ладоней. Поднесла к губам, произнесла четко: «Сияй!»

Лучистое зарево растеклось сквозь пальцы, просвечивая плоть красным, позволяя увидеть силуэты костей. Магическая сфера поднялась меж ее ладоней, очертила над головой ленивую восьмерку. Куда дальше? Где здесь, в этом варварском, превращенном в огромный могильник поместье, искать пресловутый архив?

II

Наружу медик выбралась, когда уже почти стемнело. По двору шла, сгибаясь под тяжестью набитых дощечками узлов. Потом плюнула, брякнула груз на впитавшую кровь землю. Из усадьбы вытащила свою ношу волоком, ругаясь, как умеют только жрецы и хирурги. На выходе ее уже поджидал субтрибун с полудюжиной свидетелей и целой бочкой очищающего раствора. Вита вывалила перед ними архив, а также сундук монет и ценных степняками золотых украшений – пусть очищают. Высказала все, что думает о родной армии и не менее родных судейских чинах, и нырнула в белый огонь.

Провожать старшего медика до лагеря отправили мальчишку-легионера в тяжелой, пропитанной соком кау хламиде. Вита жестом попросила доблестного воителя опустить копье, повесила на наконечник свою световую сферу.

Идти было недалеко. Мягкий серебряный свет упал на углубленный магией ров, ошетилившийся кольями вал, на вышедших из тени ворот часовых. Перед тем как пустить в лагерь, Вите на голову вылили ушат благоухающего травами раствора. Юного провожатого заставили снять испачканную защитную накидку.

Едва они шагнули внутрь палисада, нос бравого воина безошибочно повернулся в сторону кухни.

– К купальням! – отрезала медик. – Как тебя зовут, легионер?

– Летий, госпожа.

– Летий, мы в зоне вспышки. Опасности сейчас уже нет, но это не значит, что можно забыть о простейшей осторожности. Перед тем как идти к кухонным кострам, вылей на себя пару ведер воды, настоянной на аленде. И вымой руки.

Видимо, тон вышел в должной степени приказным. Легионер бездумно попытался отдать салют – копье и окружающая его световая сфера дернулись. Воитель вспомнил, что в правой руке все еще сжимает оружие. Затем вспомнил, что гражданский медик не является его командиром. И все равно отсалютовал – левой рукой. Мальчишка... Чуть выющиеся черные волосы и чистый профиль перед ее взглядом дрогнули. Сменились картиной, неожиданно яркой: похожее лицо, но принадлежащее одному из погибших. Вита не помнила, в каком из домов она осматривала тело, кому оно принадлежало, как он погиб. Но медик будто заново почувствовала холод смерти под своими пальцами. На какое-то мгновение мертвый юноша был для нее ощутимей живого.

– Ступай, Летий.

Легионер поспешно развернулся. Серебряный свет сорвался с кончика его копья, облетел вокруг Виты, начал медленно дрейфовать на вечернем воздухе.

Неподалеку от входа в купальни собралась группа целителей. Долговязая фигура Авла возвышалась над уставшими коллегами взъерошенной цаплей. Вита сняла маску, потерла отчаянно чешущийся нос и решительно направилась в их сторону.

Должность опциона валетудинарии – заведующей временным госпиталем – давала Валерии Вите лишь формальную власть. Поспешно завербованных на двойной и полуторный оклад гражданских медиков ее назначение устраивало. А вот военные врачи не были особенно впечатлены ни репутацией, ни регалиями, ни высоким магическим рангом. Все они, не исключая экономов и санитаров, не торопились оделять начальницу уважением. Вита насаждать свои порядки пока не лезла, опиралась на военную дисциплину и организаторские таланты Авла.

Сейчас она провела переключку. Проверила, не получил ли кто травм и не нарушил ли непроницаемость защиты. Коллеги коротко отчитались о прошедшем дне, один за другим ныряя в наполненный ароматами трав проем. Спонтанный мозговой шторм установил, что никто не знает, что же на самом деле произошло в крепости Тир. Врачей за стены не приглашали, но над укреплениями замечены были столбы дыма и вспышки пламени. А еще опцион второй центурии затребовал несколько дополнительных амфор концентрированной аленды. Зачистка, похоже, велась, и весьма активно. Но что именно чистили? Высказанные предположения, от банальных до самых фееричных, все в той или иной мере танцевали вокруг одного подозрения. От ситуации отчетливо тянуло запахом йода и соли. Но никто так напрямую и не произнес трижды проклятое: «Здесь была Ланка».

Когда очередь в походные бани наконец рассосалась, Авл, застыв на мгновение на пороге, спросил:

– Ты не идешь?

Вита потеряла запястье. Пленка сока кау скользнула над кожей, затем эластично вернулась в прежнее положение. Еще одно очищение защита выдержит. Наверное.

– Я пока повременю, – отвела взгляд. – Хочу для начала поговорить с командующим.

Пару секунд Авл стоял неподвижно. В мягком свете его профиль казался памятником какому-то древнему нобилю, навеки запечатленному в камне. Такой характерный имперский нос. И не менее характерное сумрачное выражение на породистом лице.

– Не делай глупостей, – сказал наконец. И скрылся в проеме.

Вита направилась в центр лагеря.

Преторий, где располагался штаб командующего операцией, был сравнительно невелик. Но при всей военной простоте в обстановке чувствовалась неброская, строго функциональная роскошь, что стоила дороже пышных ковров и золотых блюд. Палатка сшита из самой лучшей кожи. Обставлена самой качественной походной мебелью. На столе лежат самые подробные карты. Инструменты, которые, не кривя душой, можно было назвать произведениями искусства.

– Командующий ждет вас.

Вита коротко кивнула стражу и нырнула под приоткрытый для нее навес. Полог тяжелыми складками упал за спиной. Лучистая сфера покрутилась рядом с головой медика, а затем присоединилась к светлякам, что танцевали вокруг причудливой бронзовой подставки.

В просторной палатке ожидали двое. Гай Аврелий, самый молодой из трибунов V Легиона и командующий их экспедицией, сидел за столом. Коротко стриженная голова склонилась над официального вида свитками. Если судить по свежевскрытой печати, только что доставленными от легата. Воздух был тяжел от невысказанного напряжения. Похоже, указания начальства трибуна не радовали.

Кеол Ингвар, старший маг и несущий сигну когорты, присел в дальнем углу, неподалеку от жаровни. Зеленоглазый полукровка что-то поспешно царапал на восковой табличке. Рядом с ним на расстоянии вытянутой руки покоилось не только обвитое змеями копьё – сигна «медицинской» когорты, – но и жезл, увенчанный имперским орлом. Под распахнутыми серебряными крыльями без труда можно было разглядеть цифру «V». Вита прищурилась: золотой орел V Легиона находился в столице провинции, где стояли основные войска. А серебряный... серебряный, вплоть до сегодняшнего дня, пребывал в крепости Тир.

Вот и окончательный ответ на вопрос, заходил ли кто в зачумленную твердыню. Нельзя исключать, что орел легендарного легиона вылетел за ворота на металлических крыльях. Но куда вероятней, что из Тира его просто вынесли.

Вита отсалютовала – рука без труда вспомнила выученное в молодости движение. Застыла. Многое зависело от того, спросят ли с нее доклад о проделанной медиками за день работе.

Не спросили.

– Благородная Валерия Минора, у вас что-то срочное? – трибун поднял взгляд от свитка. Глаза его были необычного светло-карего оттенка, золотистая кожа и золотые же волосы отчетливо намекали, что кто-то из прадедов рода Аврелиев взял в жены фею-нелюдя. Ставленник сената, весьма молодой для занимаемой должности, трибун тем не менее выглядел скорее не экзотично, но хищно. Суровая выправка, военная стрижка, шрам на левой щеке, жесткий, нестигаемый взгляд. Нобиль и воин – и не обязательно именно в этом порядке.

– Трибун, я должна знать, что здесь произошло. И да, это срочно.

Вместо нейтральной вежливости на его лице промелькнуло, подобно приближающейся буре, раздражение.

– Все, что нужно знать, вам сообщат.

– Да, – кивнула Вита. – Но поскольку сообщение запаздывает, а решение нужно принимать прямо сейчас, я взяла на себя смелость поторопить события.

Черты трибуна окаменели, раздражение в золотом взгляде сменилось нешуточным гневом.

– Вы явились сюда, чтобы играть в придворные игры?

– Игры тут совершенно излишни, – поспешила заверить его благородная Валерия. – Достаточно того, что вы в данный момент не пытаетесь вытрясти из медицинской команды все, что нам удалось понять во время осмотров.

– Прима, вы забываетесь!

– Прошу прощения. – Вита отбросила улыбку. Целительница стояла теперь, облаченная в профессионально отстраненное спокойствие. – Трибун, выказывая уважение, вы обращаетесь ко мне согласно сословному рангу. Пытаясь же поставить на место, вспоминаете о звании, которое имеет более высокий статус, нежели «младшая дочь младшей ветви рода всадников». И налагает большие обязанности. Придворным играм действительно не место посреди эпидемии. Я – старший медик этого госпиталя. Я должна понимать, что нам на самом деле угрожает.

– Ну а я – ваш командующий. На этом разговор закончен.

На увольнение она уже наговорила. Но теперь на горизонте замаячило неподчинение прямому приказу. Протекция легата могла защитить лишь до определенного предела.

Вита сделала шаг вперед, склонилась, ладонями упершись в поверхность стола. Хищные глаза были так близко, что она почти могла разглядеть в них свое отражение: щуплая фигура, обмазанная лазурным кау и в слишком просторной небеленой тунике. Не очень внушительно. Пришлось компенсировать непреклонной линией плеч и закаменевшим выражением лица. Ну и слова тоже требовалось подобрать соответствующие. Хватит уже танцевать босиком вокруг раскаленных углей.

– Вспышку остановила Ланка. Знаки вполне очевидны: здесь сработали темные керы. Возможно, даже ракшасы. То, как быстро и четко болезнь взяли под контроль, наводит на подозрения о лабораториях лана Амин. Кто-то в крепости продал свободу, судьбу и душу, чтобы прекратить распространение этой заразы. А Ланка была настолько заинтересована в покупке, что приняла назначенную цену.

Трибун Аврелий медленно поднялся на ноги. Ударил ладонями по столу: в оглушительной тишине хлопок был подобен грому. Командующий навалился на руки, подался вперед, зеркально копируя позу Виты, но выглядя при этом куда массивней, опасней, злее.

«Значит, не любит придворные игры, да?»

– Я. Отдал. Вам. Приказ.

Его голос был низок и тих и вызывал в груди дрожь, как если бы слова сопровождались беззвучным рычанием.

– Что произошло с выжившими? – так же тихо спросила Вита.

На мгновение хищник в его глазах дрогнул и тут же вновь оскалился раскаленным металлом. Трибун набрал в грудь воздуха, и она отчетливо поняла, что его следующими словами будет: «Взять ее под арест!» Мышцы свело напряжением. Вита осознала, что сейчас сделает что-то оглушительно глупое, открыла рот...

– Трибун Аврелий!

На покрытое доспехами плечо легла смуглая рука.

Она даже не заметила, когда несущий сигну поднялся со своего низкого табурета и подошел к спорящим. Ингвар стоял рядом с командующим, одним легким прикосновением останавливая готовый взорваться праведной яростью вулкан. Вторая его рука столь же обманчиво небрежно удерживала символ когорты. Змея лениво пошевелилась, попробовала воздух раздвоенным языком, плотнее обвила древко.

– Она – Вита, та, что означает «жизнь». И она *заслужила* свое имя. Во всей провинции нет человека, кто бы лучше разбирался в болезнях. А также в тех, кто их насылают. – Маг первого ранга замолчал, медленно убрал руку. Добавил тихо: – Командующий, это не та битва, на которую стоит отправляться вслепую.

Ингвар отступил на полшага, и тяжесть его силы перестала давить на плечи. Вита незаметно перевела дух. На мгновение поймала зеленый взгляд мага и поспешила сосредоточиться на угрозе более близкой.

Пауза грозила затянуться. Аврелий выпрямился:

– Итак, вы считаете, что болезнь вызвали керы?

– Нет, – сразу и очень уверенно ответила медик. – Они ее прекратили.

Золотая бровь иронично приподнялась.

– И одно непременно исключает другое?

Вита также выпрямилась. Руки ее привычно сцепились за спиной, плечи расправились, а подбородок поднялся. Поза лектора. Слушатели, пропускающие все самое важное мимо ушей, прилагаются.

– Керы не видят ничего дурного в том, чтобы создать угрозу, а затем потребовать выкуп за ее устранение. Но здесь речь идет о вмешательстве на уровне князя лана Амин. Они не просто купили пару-тройку младенцев, чтобы перекусить их жизненной энергией. Это вербовка.

– Вы мне еще спойте о темной чести и нерушимости слова Ланки! – Трибун, не находя слов, чтобы выразить свое презрение, отмел наивную чушь резким взмахом руки.

– Это *вербовка*, – более настойчиво произнесла Вита. Проглотила едкое замечание о методах, при помощи которых императорские легионы привлекали на службу почтенных врачей. – Им нужен был только один, конкретный человек. Выдающийся человек: чтобы так заинтересовать керов, это должна быть личность масштаба Ромэла Дэввийского или императрицы Ирены.

Военачальник, взявший приступом Дэвгард. Женщина, в семнадцать лет спасшая человеческую расу от вымирания. Планка, равняемая по их достижениям, была весьма высока.

Аврелий прикрыл глаза. Выругался. Среди глухих эпитетов Вита уловила «нарвался» и «наглый заика». Медик делала вид, что не слышит.

– Они выслеживали его или ее годами. Оценивали, анализировали. Ожидали подходящего случая. Им нужна не смерть, не боль, не покорность. Им нужно все без остатка. Весь нераскрытый потенциал. Вся жизнь. Вся верность.

– Зачем?

– Чтобы служить Ланке, разумеется.

Она пожала плечами, стараясь выглядеть более уверенной, чем чувствовала себя на самом деле. Точных данных о происходящем в подводных городах-ланах не существовало по определению. Самые свежие источники были вековой давности, и в большинстве своем они друг другу дружно противоречили. Но собственное мнение у Виты имелось. Как имелись и причины оно составить.

– Керы отправляют продавших себя на подводные рубежи, посылают их в битвы вне нашего мира. На службе у новых хозяев пленники получают силу и вечность. Ланке совершенно не нужно, чтобы верность ее легионов пошатнулась. Тьма, может, и нарушает свое слово, но только не в этом вопросе.

– Ха!

– *Любое сомнение в законности контракта означает, что его можно оспорить*. Не зафиксировано ни одного случая, когда керы допустили бы подобное. Ни одного. Если цена заплачена, она заплачена честно и сполна. У продавших свою судьбу нет дороги назад.

Тишина, опустившаяся после этих слов, была отчетливо... задумчивой. Вита обеспокоилась мимолетно, не подала ли она своему командующему лишних идей. Но нет. Сомнительно, чтобы тьма заинтересовалась Аврелием. Не тот у командующего интеллект. И дух не тот.

Трибун медленно сел. Откинулся на спинку стула.

– Значит, если в качестве платы Блазий потребовал прекращения эпидемии, болезни можно больше не опасаться?

Руфин Блазий! Ну конечно. Комендант Тира. Крепость являлась центральным звеном в цепи приграничных дозорных башен. Вита полагала, что именно поэтому, при сравнительно небольшом гарнизоне, командовать здесь поставили одного из семи трибунов V Легиона. А может, дело было не только в необходимости следить за границей, но и в желании убрать подальше чересчур активного нобиля.

Провались оно все в темное море, она ведь действительно угадала. Почти угадала. Но мозаика все равно не сходится. Слишком много недостающих камней...

– Медик, вам задали простой вопрос. И он точно в вашей компетенции!

– Я не могу ответить, – сухо признала Вита. – И это действительно не та битва, на которую стоит отправляться вслепую. Мы слишком мало знаем. А потому упускаем что-то очевидное. Выздоровливающие все еще в крепости? Мне нужно их осмотреть.

Трибун прищурился. Кожа его и волосы в живом сиянии магических сфер переливались сотнями оттенков. Удивительно, как озолоченный волшебными красками Аврелий умудрялся столь демонстративно казаться человеком. Дело в строении костей. Массивная фигура, жесткий подбородок и скулы, очень человеческие черты лица. И не допускающий и тени сомнения хищный взгляд. Тоже совершенно человеческий.

Кеол Ингвар пошевелился в дальнем углу. Прошуршало по полу древко копья, зашипела побеспокоенная змея. Трибун бросил взгляд в сторону своего несущего сигну:

– Пропустите ее в крепость, но только ее одну. Пусть окажет помощь выжившим. Как закончит, ко мне на доклад. Говорить о происходящем с кем-либо еще запрещаю.

Командующий вновь взял в руки свиток, показывая, что разговор закончен. Ингвар поудобней перехватил сигну, небрежным движением ладони поймал плавающую в светильнике магическую сферу, подошел к выходу. А Вита... Вита застыла, не сжимая кулаки и зубы, ни единым вздохом не выдавая внезапно нахлынувшей ярости.

Выжившие. В Тире все же были выжившие – и медиков к ним не пустили. В крепости явно требовалась помощь целителя, а Вита, вместо того чтобы спасти жизни, рылась в приходно-расходных книгах и сочиняла бесконечные судебные описи.

Если раньше у нее еще были сомнения по поводу того, что стало причиной эпидемии, то теперь их почти не осталось.

Медик отвесила командующему вместо военного салюта низкий поклон. Развернувшись, в два шага достигла выхода из палатки. Несущий змей без слов поднял полог, пропуская ее вперед. Пока Вита стояла, до боли выпрямив спину и ловя губами холодный воздух, Ингвар отдавал приказы начальнику караула. Над долиной опустилась ночь, безлунная и глухая.

– Медик?

– Для начала необходимо зайти в госпиталь. Я должна взять припасы.

– Не лучше ли подождать утра? У вас явно был сложный день.

– И день этот, к сожалению, потерян. Время в таких случаях очень дорого. Я пойду сейчас.

Маг поймал ее за предплечье. У него были изящные тонкие пальцы истинного риши, они не удерживали и не стесняли. Совсем. Вита застыла.

– Попробуйте понять трибуна. Мы знаем, что быть здесь не входило в ваши планы, и мы благодарны, что заведовать полевым госпиталем назначили целителя в ранге примы. Однако то, что защите V Легиона доверили саму Валерию Виту, налагает на плечи трибуна груз особой ответственности. Если с вами что-то случится, легат обещал – я цитирую дословно – переплавить Аврелия на степные монисты.

«В самом деле?»

Последняя встреча с легатом не произвела на Виту впечатления столь трогательной заботы. Скорее, тот пытался создать видимость решительных и серьезных мер. При этом не желая и на недельный переход приближаться к заразе. Или подпускать к ней ядро своих войск.

Кеол Ингвар тем временем продолжил:

– Для империи жизнь медика драгоценна. Жизнь великого медика не имеет цены. Прошу, не сердитесь на Гая за попытку вас защитить. Он выполняет свой долг.

Только вот представления о долге у них были разные.

«Суди трезво, – твердо сказала себе Вита. – Аврелий хороший командир».

Чтобы убедиться в этом, достаточно было посмотреть вокруг. Лагерь начали разбивать лишь прошлой ночью, но он уже работал, точно отлаженная боевая машина. Зачистка долины проводилась стремительно и предельно четко.

Гай Аврелий был предан империи, верен долгу, имел опыт участия в череде удачных сражений. Однако достоинства, необходимые для поля битвы, не обязательно те, что помогут тебе посреди зачумленного города. Эти вызовы требуют разной смелости, разных решений, разных лидеров. Вите уже доводилось видеть, как карьеры рушились не от ударов противника, а размываемые следующей за обозами заразой. Последние недели трибуну дались крайне тяжело. Обнаруженное в стенах крепости, похоже, стало последней каплей.

Вита понимала, почему командующим назначили именно этого офицера. Организация карантина была событием, мягко говоря, спонтанным. Легат ухватился за центурии V Легиона, оказавшиеся ближе всего к вспышке. Назвал их медицинскими когортами и приказал перекрыть дороги в долину. За три недели к заслону подтянулись подкрепления, обозы с припасами. И поспешно призванные на службу целители.

Но, по достоинству оценивая способность управляться со столь разношерстным сборищем, медик все больше приходила к мнению: легат поставил перед Аврелием задачу, которая тому не по плечу. И дело здесь не в тяжести ноши, а в ее форме.

Маг выпустил ее руку. Седые пряди в его иссиня-черных волосах мягко светились.

– Ваш эскорт встретит вас у выхода из лагеря. И да будет к нам всем благосклонна божественная Мэйэрана. Ступайте.

III

Лагерь был разбит по стандартному плану, и Вита без труда нашла расположенный чуть в стороне навес госпиталя. Умаявшись за день, коллеги разбрелись по палаткам. Даже дежурные медики спали: один, уронив голову на скрещенные руки, другой – свернувшись клубочком на свободном матрасе.

Вита покосилась на котелок с капустой и жареным мясом. Вздохнула, повернулась к еде, рекомендованной при длительном ношении кау-пленки. Альтийская галета, пара кружечек густого наваристого бульона, травяной отвар.

Затем она прошла в специально оборудованную уборную: отправление естественных потребностей, не нарушавшее защитного покрова, было делом сложным и требовало определенных инструментов. Разобравшись с базовыми нуждами, растолкала медика-инструментария, ответственного за запас лекарств.

На свет был извлечен большой короб с переносной аптекой. Вита проверила, как он укомплектован. Подумав и прикинув симптомы болезни, попросила несколько дополнительных пакетов с травами. Вспомнив бойню в доме Ашатов, добавила еще перевязочных листьев.

Беззвучно отворив дверь, медики прошли в серпентарий. Вита выбрала пузатую корзину и населила ее тремя сонными змеями: черными, крупными, с заметно различающимся рисунком на глянцевых шеях. Тщательно проверила, надежно ли закрыта крышка.

Плотная накидка для защиты от ночной прохлады. Тяжелый короб-аптека на левое плечо. Корзина со змеями – на правое. Сотканный из серебряной монеты свет над головой. Маска на лицо. Вот и все приготовления.

Благородная Валерия решительно подошла к выходу из лагеря. Ее и в самом деле ждали.

Рядом с часовыми бряцал оружием хмурый сонный десяток. Вита узнала легионеров, сопровождавших ее во время последних осмотров. То, что их до сих пор не сменили, отчетливей любых цифр говорило: людей для выполнения поставленных перед когортой задач не хватает. Воины всем видом своим показывали, что не желают тащиться в непроглядную тьму, когда в лагере их ожидает жаркий костер и теплые одеяла.

– Медик, – с прочувственной, нежной ненавистью приветствовал ее декан.

Вита ответила ему салютом, кивнула несчастному Летию и безжалостно направилась в сторону крепости.

Еще совсем недавно, когда они в утренних сумерках этим же путем выходили из лагеря, их встретило небольшое, но богатое поселение. Каменные поместья, более бедные хижины. Просторный рынок для тех случаев, когда из империи приходили торговцы, а из степи навстречу им выезжали дальние караваны. Теперь по обе стороны дороги свет выхватывал лишь иссушенные пламенем пустые стены. Под ногами скрипело, на доспехах оседал потревоженный шагами серый пепел. Городка, что вырос под защитой твердыни Тир, больше не существовало.

Сама крепость возвышалась посреди звездного неба провалом абсолютной черноты. Свет сферы упал на огромные каменные плиты, подогнанные друг к другу так плотно, что почти не оставляли щелей. Валерия повернулась было в сторону главных ворот, но декан прочистил горло:

– Сюда, медик.

Какое-то время они шли вдоль стены. Вита запрокинула голову, пытаясь разглядеть, насколько высоко поднимается кладка, но так далеко ее сфера не освещала. Наконец декан подвел отряд к угловой башне, в основании которой скрыта была неприметная дверь. Здесь стояла охрана. Серьезная охрана: из-за прикрытия легионерских щитов навстречу им шагнул пожилой воин, чье копьё было украшено символами имперской власти. Фауст, несущий сигну центурии, доживал уже второе столетие и считался самым опытным магом V Легиона. Возраст не столько состарил его, сколько заставил заматереть: по-медвежьи опущенная голова, набыченные плечи. Массивный, с толстой шеей, мощным торсом. Руки сигнифера бугрились мускулами, что заметны были даже под бесформенной защитной накидкой. Воздух вокруг него давил охранной магией. Фауст был боевым магом в ранге квартус, и хотя формально Вита считалась более сильной, если дойдет до настоящей схватки, он ее просто раздавит.

После короткого обмена паролями щиты раздались в стороны. Виту пропустили внутрь. За скрытой камнем дверью начинался узкий коридор. Чтобы протиснуться по нему с корзиной и огромным коробом, пришлось извернуться чуть ли не по-змеиному. Следующий за ней маг широкими плечами задевал стены. Типичная ришійская архитектура: укрепления, созданные защищать прежде всего от магических атак, ворота там, где ни одному

имперскому архитектору не придет в голову их строить, проходы, рассчитанные на хрупкие габариты старшей расы.

Внешняя стена башни была довольно толстой: Вита сделала четыре шага, прежде чем попала в караульное помещение. Если здесь и присутствовала когда-то мебель или деревянные балки, то сейчас они обратились в пепел. Стены были вылизаны яростным пламенем.

– Медик, вы уверены? – Несущий сигну прошел вслед за ней в башню и теперь массивной горой возвышался за спиной.

Вита ответила взглядом патологоанатома, прикидывающего объем будущих работ.

– Наверх по ступеням, потом направо, – указал сингифер. – Внутренние помещения крепости сегодня вычистили огнем и светом. Раненых собрали в одном помещении, остальные в основном дворе, под навесами. Вас проводят.

Раненых?

Вита ускорила шаги, резвой девой взлетев по недавно лишившейся перил лестнице.

Ее ждали. Высокий человек в глубоко надвинутом на лицо капюшоне поймал ее магический свет на кончик своего факела.

– Медик! Хвала Мэйэране! Пойдемте, скорее.

Она послушно ускорила шаги, вслед за провожатым спеша по выгоревшим коридорам. На ходу спросила:

– Что случилось?

– Удар мечом пришелся в плечо, получен два дня назад. Мы остановили кровь и очистили рану, все было в порядке. Сегодня вдруг начался отек, постепенно дошел до горла. Она задыхается!

Это не подходило под симптомы болезни, что поразила крепость. Но если Вита была права, та болезнь уже не имела значения. По описанию картина больше всего напоминала отсроченную реакцию отторжения.

– Чем было смазано лезвие?

– Яда мы не нашли. Оно было просто грязным.

– У пациентки есть примеси нечеловеческой крови?

– У кого их здесь, на окраинах, нет? Но не в последние два-три поколения.

– Дэвир? Альты? Вии? Риши?

– Риши. Если у нее и был кто-то в предках, то риши.

Ришійская кровь, оружие холодного металла, загрязненная рана на фоне болезни и общей слабости.

– Пациентке давали дышать свет-травой?

– Откуда ее здесь взять?

Они почти вбежали под низкие своды длинного, просторного зала. На полу, на тонких матрасах, в два ряда спали люди. Кое-где из натянутых простыней были сооружены перегородки, создавая иллюзию уединения. За одной из таких ширм горел свет, метались тени и звенели паникой голоса. Вита без колебаний повернулась к знакомому хаосу медицинской тревоги.

– Жаровня и раскаленные угли, – приказала она, роняя на пол короб, откидывая в сторону крышку. – Быстро!

Медик прислонила корзину со змеями к стене, где о них никто не споткнется. Нетерпеливой рукой отбросила в сторону ширму и... застыла.

На расстеленном прямо на полу одеяле лежала молодая женщина, бледная и неподвижная. Плечо ее было туго перевязано, от ключицы вниз по руке и вверх к шее расплзлось припухшее пятно раздражения. Пациентка была обнажена по пояс. В ярком свете отчетливо были видны серебряные чешуйки, защищающие мягкость живота, поднимающиеся по ребрам, охватывающие снизу грудь. У седовласой матроны, что пыталась надавить раненой на

ребра, ровные ряды чешуи покрывали внешнюю поверхность рук, от запястья до локтя. Шея мужчины, который склонился, чтобы вдохнуть воздух в посиневшие губы, была до самого подбородка охвачена золотыми чешуйчатыми кольцами.

Вита повернулась к своему провожатому так резко, что шея ее отозвалась болью. Во время бега капюшон упал с его головы. В сиянии магического факела можно было рассмотреть каждую чешуйку из тех, что поднимались вдоль скул, складывались в блестящие тонкие полосы, рассекали лицо. Загорелая кожа, темная чешуя, черные волосы – и яркие светло-голубые глаза. Этот образ буквально выжег себя на ее сетчатке.

– Медик, – хрипло выдохнул он, побелевшими пальцами сжимая факел. – Медик, пожалуйста.

– Раскаленную жаровню, – точно со стороны услышала Вита свой голос. – Ну же!

Она подошла к пациентке. Опустилась рядом с покрытым чешуей чудищем. Руки, защищенные синей пленкой кау, поднялись. Застыли, не решаясь коснуться.

– Она задыхается. – Мужчина, из-под туники которого поднимался золотой ошейник, бережно удерживал в ладонях бледное лицо. – Она почти уже не дышит!

Вите протянули горшочек с раскаленными углями. Медик посмотрела в ясные, серые, обвиняющие, умоляющие глаза. И очнулась. Воспоминания отступили. Окружающий мир вновь обрел цель и резкость. Перед ней стояло не выползшее из океанских глубин могучее чудище, а пациент, находящийся на последнем пределе. У него был взгляд матери, едва оправившейся после жара и отказывающейся выпускать из рук чудом выжившего младенца. Взгляд legionera, семью которого скосило чумой, в то время как сам он, единственный, так и не заболел. Взгляд ребенка, глядящего, как горит родной дом, и не понимающего, куда ушли знакомые ему взрослые.

Этот взгляд Вита видела тысячи раз. В шрамах, в язвах, с пожелтевшей кожей или с темной чешуей, этот взгляд принадлежал ее пациенту. Прочее не имело значения.

Медик подтянула поближе короб, достала из него бутылочку, наполненную мутно-зеленой настойкой. Вынула пробку. Капнула на угли одну жирную каплю.

Горшок взорвался шипением и запахом. Вита отбросила маску, наклонилась, полной грудью вдыхая приторный аромат.

Губы, горло и легкие пронзило сиянием. Одни боги ведают, что именно свет-трава делала с телом и почему ее присутствие ощущалось кожей как немыслимая яркость. Обычно лишь глаза способны были различать свет и тьму. Однако, если умыть руки в соке, выжатом из листьев этого растения, человек начинал видеть ладонями и различать цвета кожей. И это не было самым главным.

Переполненная светом, Вита повернулась к пациентке. Склонилась над ней, запрокинула ее голову, зажала нос. Поймав своими губами синеющие губы, изо всех сил выдохнула целительное сияние в ее опухшее горло.

Тело девушки выгнулось дугой. В тишине отчетливо слышно было хриплый, судорожный вздох. Пациентка упала обратно на одеяло, на заботливо принявшие ее руки. Отчаянно закашлялась. Медик прикоснулась к ее шее, ощущая, как под пальцами опадает, рассасываясь, отек.

– Свет? – спросил, приняхиваясь, окованный золотым ошейником муж. – Оно пахнет... светом?

Вита откашлялась, прикрывая рот тыльной стороной ладони. Уныло посмотрела на брошенную на пол маску. Ладно. Чего уж там. Это молоко, судя по всему, было пролито еще до того, как медицинская когорта вошла в поселение.

– Теперь все должно быть в порядке, – сказала медик, убирая пузырек с настойкой на место. – Но давайте я все же ее осмотрю.

Чуткими ладонями провела над телом девушки. Предсказуемо, в ране обнаружился почти невидимый кусочек металла. Осколок с кромки меча вызвал бурную аллергическую реакцию. Вита усыпила впавшего на радостях в истерику мужа пациентки, затем саму пациентку, сняла повязку, извлекла чужеродную пластинку. После этого оставалось лишь еще раз обработать рану. Она достала из короба перевязочные листья. Отделила пленку, покрывающую их с внешней стороны, обнажила рыхлую мякоть. Растение обладало действием временно обезболивающим, обеззараживающим и заживляющим. Достаточно было прижать его к ране, чтобы лист плотно закрепился на коже, позволяя ей дышать, но в то же время защищая от внешних воздействий.

Медик удовлетворенно откинулась на пятки.

Сероглазый смотрел на нее молча, на окрашенные в лазурь руки и открытое лицо, будто не веря, что она действительно здесь. Чешуя на его смуглой щеке казалась мазками масляной краски.

– Действия командования в последние дни неожиданно обретают смысл, – вслух подумала Вита. Поморщилась, начиная понимать, в сколь мерзкую ситуацию она на самом деле ввязалась.

Легионер тряхнул головой, словно прогоняя наваждение.

– Полагаю, она – не единственный пациент, – Вита кивнула в сторону мирно спящей в объятьях друг друга пары. – Кто следующий?

– У нас два серьезных колотых ранения. Десяток более мелких ран, полученных, когда люди пытались срезать с себя чешую, – последовал четкий доклад. – Одно повреждение внутренних органов, два перелома, набор ушибов, удар по голове – нанесен брошенным камнем, череп не поврежден, пациент в сознании. Полсотни легких ожогов, полученных при очищении крепости. Но для начала я хочу, чтобы вы осмотрели тех, кто болен.

– Болен?

– Они, как и все, пошли на поправку. – Загорелая рука поднялась, коснулась перечеркивающей щеку темной полосы. – Но затем начался кашель, вновь поднялся жар.

Он кивнул в сторону, куда отошла пожилая женщина с чешуйками на запястьях. Представившаяся как Лия Ливия, она была прислужницей в крепостном госпитале, но после гибели старших медиков вынуждена была взять на себя обязанности врача.

– Да, – заледенела Вита. – Этих нужно посмотреть в первую очередь.

Поскольку на горизонте вновь возник призрак заразного заболевания, да еще с кашлем, медик надела маску. Поднялась на ноги, вешая на плечо короб. Поспешила перехватить корзину у потянувшегося к ней легионера.

– Это лучше не трогать.

Корзина согласно зашипела. Сероглазый с похвальным опасением покосился на мелко переплетенные прутья, что скрывали неведомых гадов.

– Она ваша. Со всем содержимым! – последовал спешный отказ от ядовитой ноши. – Я – Луций Метелл Баяр, несущий серебряного орла V Легиона.

Вита удивилась. Имя «Баяр», что можно было примерно перевести как «Радость», явно пришло из степи. Похоже, имперца так называли в кочующих мимо крепости племенах. Что было довольно необычно. Дать имя по их обычаю означало принять в род. Это не являлось формальным имперским усыновлением. Не совсем. Но Вита знала, что всегда сможет найти приют в кибитке, где ее впервые назвали «Приносящей жизнь».

– Как старший из оставшихся в крепости Тир офицеров, я принял на себя командование гарнизоном. А также над выжившими из гражданского населения.

Медик, за неимением возможности отсалютовать, кивнула:

– Валерия Минора Вита.

– Вита? Меткое имя. Где же вы были три недели назад, о Приносящая жизнь?

– Наслаждалась прелестями частной жизни и не ждала вербовки в когорту, которая тогда еще не была медицинской, – честно ответила благородная Валерия. – Вы не стали организовывать карантин для повторно заболевших?

Под полосками чешуи заиграли желваки.

– Мы вернули их в помещения, где был старый госпиталь. Сюда.

Дальний угол зала был занавешен пропитанными алендой покрывалами. За ним последовала дверь, коридор, спуск, еще одна дверь.

Несущий орла отодвинул занавесь, пропуская Виту вперед. Это помещение было выжжено даже в большей степени, чем все прочие. Запах аленды казался невыносимо резок: пепел и сажу вымывали концентрированным раствором. Мощный защитный барьер поддерживали начерченные на стенах и потолке знаки. Работа Фауста.

В закутке на матрасах лежали трое: пара легионеров, которые, судя по запавшим глазам и обвисшей коже, недавно слишком много и слишком резко потеряли в весе. И мальчишка лет одиннадцати. Его летящие брови были очерчены дугами белой чешуи, и столь же белой сединой отливали разметававшиеся по подушке пряди.

– Волосы и кожа мальчика всегда были такими светлыми?

– Нет. Он поседел, когда трибун Блазий... – Темная от загара рука вновь поднялась, коснулась щеки. – Перед самым концом.

Вита кивнула. Подошла к сотрясаемому кашлем ребенку, которому Лия Ливия помогала сесть. В принципе, едва медик услышала этот надрывный, раздражающий легкие звук, все стало понятно. На всякий случай она прощупала пульс, осмотрела кожу под горлом, положила ладони на грудь.

– Я тоже умру? – спросил мальчик. С его белого лица на целительницу смотрели раскосые, угольно-черные глаза кочевника.

– Нет. – Хотя лица ее под маской было не видно, Вита улыбнулась и позволила этой улыбке прозвучать в своем голосе. Вряд ли он настолько знал имперский, чтобы понять объяснения медика, но тон был важен. – Хорошая новость заключается в том, что чума не вернется. У тебя вторичная легочная инфекция. К первой болезни она не имеет ни малейшего отношения.

– А плохая новость? – не замедлил спросить из-за плеча несущий орла.

– Плохая новость очевидна: ребенок крайне ослаблен. В подобном состоянии его держать нельзя даже посреди закрытой, очищенной пламенем крепости. Придется принимать крайние меры.

Мальчик смотрел на нее с безнадежным подозрением.

– Как тебя зовут, сын племени?

– Нерги, – ответил он без малейшего колебания.

Прошла целая жизнь с тех пор, как Вита, тогда еще юная и непоправимо глупая, преследовала среди дальних кочевий свою мечту. Медик империи наполовину забыла язык племени, но она пока еще способна была заметить неприкрытую ложь. Нерги дословно переводилось как «Не-имя» или даже «Нет имени». Так называли ребенка, которого пытались защитить от злых духов. Или скрыть от враждебного колдовства.

Медик требовательно взглянула на Лию Ливию.

– Бат-Эрдэнэ, – подсказал несущий орла, – из рода Боржгон.

Мальчишка посмотрел на него, словно не в силах поверить в это последнее предательство. Вита наклонилась вперед:

– Я буду готовить яд жизни, Бат-Эрдэнэ. Для этого потребуется взять немного твоей крови.

Ребенок не стал тратить силы на ответ. Он молча попытался вцепиться ей в горло. Вита смогла перехватить атаку еще в начале движения, направила на пациента насыщенный

импульс спокойствия. После этого степняк сдался. Даже не моргнул, когда ему вскрыли вену, когда набирали кровь. Каменная покорность обеспокоила медика больше, чем любые крики и метания.

Она поставила на пол серебряный кубок, наполовину наполненный кровью. К корзине рядом с ремнями крепились палка, увенчанная ловчим захватом. Вита привычно вооружилась, распутала фиксирующие крышку завязки. Оценивающим взглядом окинула содержимое корзины. Ползучие твари переплелись так, что понять, у которой из них какой рисунок, было сложно.

– Метелл, мне нужен свет! – приказала все еще сжимающему факел аквилиферу.

Медики, конечно, с годами вырабатывали иммунитет ко многим ядам, но укус одной из этих красавиц мог создать проблемы даже для Виты. Она умело расшевелила палкой шипящий комок, поймала за основание шеи нужную змею, вынула ее из корзины, перехватила пальцами. Лия Ливия, явно знакомая с ритуалом, поспешно захлопнула крышку. Подала кубок.

Левой рукой взять сосуд. Правой поднести к нему удерживаемую за основание шеи змею. Гибкое тело, конечно, тут же в несколько колец обвилось ее запястье и руку, сдавило. Валерия Минора Вита начала низким голосом зачитывать литанию храма Мэй. Чтобы выдохнуть нужное количество яда, ей понадобилось меньше минуты. Еще минуту сцеживала яд в отдельную склянку, чтобы позже приготовить зелье другим пациентам. Проснувшиеся легионеры завороченно наблюдали за действием.

Возмущенная змея отправилась обратно в корзину, а медик взяла чашу двумя руками. Теперь предстояло самое сложное. Она закрыла глаза, ища в себе центр сосредоточения. С глубоким вздохом позволила магии подняться из глубины души, наполнить жилы, стечь с кончиков пальцев. Смешаться с кровью, с ядом, с серебром.

И застыла. Что-то в запахе, в сухом привкусе крови и жара казалось неправильным. Медик уверена была, что понимает ситуацию. Но что понятного может быть в пациенте, вдруг побелевшем, поседевшем и обросшем чешуей?

Вита плотнее сжала ладони, пытаясь прямо сквозь металл вчувствоваться в горячую жидкость. Вопреки состоянию ребенка, кровь его была полна силы. Молодая, жаждущая роста, полная нерастратченного потенциала. В жилах сына славного рода Боржгон гуляла дикая магия. От кожи его поднимался запах ветра и ковыля, тонкий, как сеть табунной паутины. И дальше, под ней, – черное, вьющееся, липкое...

Глаза медика потрясенно расширились.

...проклятье?

Нет. Имперский маг, глядя на вязкую черную кляксу, назвал бы ее дикарской порчей. Но Вита знала лучше. В попытках исцелить бесплодие Валерия Минора испробовала многое. Ей доводилось ощущать, как под ритм шаманского бубна сплетается благословение плодородия. Как сила тонкими ручейками течет по коже, лозами прорастает в поры, вливается в ритмы тела. Раз познав ее, перепутать эту магию с чем-то еще невозможно.

На ребенке лежало благословение редкой силы. Но как же оно было изуродовано! Вывернуто, искажено, сжато в нечто почти смертельное. Похоже, чума изменила не только тело больного. Что же это за зараза такая, чтоб корежить древнюю магию?

Медик приняла решение. Она слишком хорошо знала, сколь разрушительна была благая сила, обращенная против носителя. До чего может дойти тело, подстегиваемое колдовством. Пытающееся исцеляться, расти, воспроизводить себя – и *не способное* к этому.

Шаманская сила слишком глубоко пустила корни. Убрать ее полностью Вита не взялась бы, она вообще не была уверена, что на данном этапе такое возможно. Оставалось попытаться вернуть эту пакость в изначальный, менее агрессивный вид. Если использовать яд

жизни как медиум, а образцом взять ее собственное, давнее благословение, то медику-приме задача вполне по силам.

Чаша в ее ладонях раскалилась, зелье вскипело, меняя цвет. С губ Виты текла низкая песня с глухим шаманским ритмом. Переполюющая врачевательницу сила грозила выплеснуться за пределы кожи белым, обжигающим пламенем.

«Исцели, исцели, исцели... Исцели его, юного Бат-Эрдэнэ из рода Боржгон».

Она выдохнула. Медленно открыла глаза. Зелье в чаше было густым и вязким, цвета расплавленного золота. Вита бережно поднесла его к губам ребенка.

На мгновение показалось, что сейчас ей швырнут кубок прямо в закрытое маской лицо. Но Баяр сжал узкое плечо мальчишки, сказал что-то на рокоющем кочевом наречии. Бат-Эрдэнэ – нет, Нерги, нужно уважать его волю – выпил.

Почти мгновенно на лице его появился румянец, взгляд прояснился, приступы кашля заметно утихли. Ребенок смачно зевнул. Свернулся, точно измученный седой котенок. Вита в последний раз провела руками над его телом, проверяя, как действует зелье.

– Спи, Нерги.

– Он?..

– Утром будет уже полностью здоров.

Пару секунд взрослые созерцали посапывающего исцеленного. Вита вдруг поняла, что с какого-то момента перестала замечать посеребренную его брови и плечи чешую.

Один из легионеров согнулся в приступе кашля.

– А нам... Медик, нам вы дадите этого зелья?

– А куда же вы денетесь? – Вита потянулась к склянке с ядом. – Травить так травить!

До рассвета Валерия Минора обошла раненых и даже успела пару часов вздремнуть. Наутро она настояла на том, чтобы осмотреть всех выживших. Даже тех, кто так и не удосужился заболеть. Их – особенно.

Всего после эпидемии в крепости Тир осталось чуть более двух сотен душ. Более половины из них составляли легионеры гарнизона (Авл оказался прав: закаляющие организм служебные зелья все-таки помогали, особенно на первых, самых острых этапах болезни). Под защитой угрюмых чешуйчатых воинов находились гражданские: обитатели города и окрестных поместий, а также путешественники, оказавшиеся во время вспышки в долине.

Все они – и те, кто на момент исчезновения коменданта Блазия метался в бреду, и те, кто на протяжении всей эпидемии так ни разу и не чихнул, – в настоящий момент были более-менее здоровы физически. И при этом балансировали на краю полного нервного и духовного коллапса. Они провели недели среди боли, смерти и охватившего город безумия. А затем, поднимаясь после чудесного исцеления, обнаружили, что жар и язвы оставили на телах неистребимый след тьмы.

Пленники Тира были на грани. Но на грани чего? Медик отбросила свои предвзятые эмоции и еще более предвзятые мнения. Занялась сбором данных.

Удар молоточком. Колено было покрыто настоящей броней, но нога все равно резво дернулась. Чешуя не мешала рефлексам. Скорее, наоборот.

Медик выпрямилась. Бесстрастно оглядела легионера, сидящего перед ней в одной набедренной повязке. Молодой человек являл собой дивный образец мужской красоты: соразмерное сложение, мускулистый торс, широкие плечи. Хотя сейчас лепи статую бога войны. Если, конечно, не замечать покрывающие грудь чешуйчатые пластины. А также сизые наручи и поножи, выросший прямо поверх кожи доспех.

Вместо насмешливой самоуверенности, которой можно было ожидать от такого красавца при просьбе «разденьтесь», юноша съежился, избегая ее взгляда. Обхватил себя руками, опустил голову, стараясь казаться как можно меньше. Он выглядел куда моложе, чем предполагал названный возраст. И это тоже было интересным.

– Поднимите подбородок. Спасибо. – Вита пробежала пальцами по его горлу. Нашла пульс, слушая ритмы тела.

Вместе с биением сердца перед ее мысленным взором встал лабиринт сосудов и тканей, гармоничная головоломка, которую представлял собой живой организм. Впечатление оказалось верным: тело явно прошло обновление. Урон внешних и внутренних травм был будто вымыт вместе с износом от слишком сильной нагрузки. Мышечные волокна стали чуть более эластичны, связки более крепки, а органы эффективны. На самой верхней границе человеческой нормы. А может, и выходя за нее.

Наиболее ярко выражены были изменения в костных тканях. Ну и, конечно, в кожных покровах. Почти неразличимыми, тонкими и куда более серьезными медику показались изменения нервных волокон. На грани того, что способна была воспринять даже прима со всем ее опытом. Нервный импульс проходил быстрее, надежнее, четче. И были еще все эти дополнительные утолщения, почти узлы вдоль позвоночника, возле суставов... ближе к поверхности тела, под прикрытием чешуи.

Физические изменения – это одно. Но если выжившие не могут называться людьми в том, как они воспринимают, чувствуют, думают, то вопрос приобретал оттенок откровенно зловещий. Клятвы медика обязали хранить верность своим пациентам. Клятвы примы требовали защищать интересы людей, а заодно и родной империи. Совесть пока молчала, и безмолвие ее было более чем многозначительно.

– Медик? – хрипло спросил легионер. Даже с учетом реальных своих лет, он казался безнадежно юным. – Это можно как-то исправить?

Взгляд невольно скользнул к полузажившим ранам в тех местах, где кожа переходила в ровные ряды чешуи. Наросты пытались срезать. Судя по всему – легионерским кинжалом.

Воин прочел ответ по ее лицу. Тело под ее руками закаменело.

– Я не могу вернуть все, как было, не убивая вас. С другой стороны, – медик костяшками пальцев постучала по прикрывающим сердце пластинам, – тот, кто попытается ударить мечом в грудь, убить вас не сможет тоже. Поверьте мне: могло быть и хуже.

На лицо легионера набежало то странное выражение, которое сопровождало его попытки разобраться в новых ощущениях. Прикосновение к чешуе измененные явно воспринимали как-то иначе, по-особенному. Медик уже выяснила, что, сохраняя полную чувствительность, этот покров был мало подвластен боли. Еще она подозревала, что движение, тепло и энергию через него можно было чувствовать на расстоянии. По крайней мере, истинные керы чувствовали, у Виты набралось достаточно тому подтверждений. Однако разум отказывался понимать, как «тактильное» и «на дистанции» сочетались в едином целом. Наверное, это очень пугает: без всякого предупреждения начать видеть мир вот так... странно.

Точно иллюстрируя ее мысли, голова легионера вдруг повернулась. Резко и плавно, вслед за чем-то, что ощутил он один. Стоя рядом, Вита успела заметить, как зрачки сузились в злые черные точки. Молодой человек сорвался с табурета, прямо в набедренной повязке метнулся прочь из огороженного тканью навеса.

«Быстро. Слишком быстро для обычного чистокровного имперца», – поняла медик. Опрометью бросилась вслед.

Лишь выскочив на открытое пространство двора, Вита заметила первые признаки неприятностей. Группа безоружных чешуйчатых легионеров обсуждала что-то со своими бывшими сослуживцами. Те, в защитных хламидах поверх доспехов, с мечами, щитами и

шлемами, сомкнулись угрюмо вокруг сигнифера Фауста. Офицер начал уже повышать голос, но что?..

Нерги выметнулся из-за спин взрослых встрепанной белой молнией. Бледный, тощий, едва достающий до пояса дюжим воителям. Бросок, который – любой мог это видеть! – был слишком быстр для человека. В последний момент мальчишка рванулся в сторону, меняя траекторию. Упал на землю, всей инерцией своего тела ударил под щит, сбил с ног куда более массивного легионера. Тот грохнулся на землю, по дороге сшибая одного из товарищей. Нерги успел угрем вывернуться прочь. Бросок в образовавшийся проем, прыжок – каждое движение юного степняка было похоже на строку из песни, на порыв ветра, по ошибке заключенного в детскую плоть.

Он взвился в воздух, ногой безошибочно найдя чей-то неприкрытый бок, оттолкнулся. Поворот, толчок от земли, от щита, в руках блеснул выхваченный из чужих ножен кинжал. До того абсолютно бесшумный, Нерги издал первый свой крик. Улюлюкающий боевой клич пробирал до самых костей. В исполнении по-мальчишески высокого, пронзительного голоса он в буквальном смысле резал по нервам.

Легионеры Тира четким клином врезались в наметившуюся меж щитов брешь. Они, похоже, и сами не знали, хотят ли остановить беловолосого степняка или помочь ему. Руки подчиненных Фауста легли на рукояти мечей, воздух задрожал от ругани, со всех сторон подтягивались новые подкрепления. Маг вскинул копье. Ситуация из прелюдии к драке грозила обернуться чем-то по-настоящему кровавым.

Нерги выпущенным из пращи камнем летел к горлу отвлекшегося сигнифера. И вдруг... Вита даже не поняла, откуда там взялся Баяр. Только что его вообще не было поблизости. И вдруг высокая темная фигура выросла в самом центре свалки. Беззвучным взрывом столкнувшихся расшвыряло в разные стороны. Воины смешанной кучей упали на землю. По странному, просто-таки магическому совпадению, никто не напоролся ни на обитый броней кулак, ни на случайное лезвие.

Рука, охваченная черной чешуей точно браслетом, выхватила Нерги прямо из воздуха. Баяр парой движений вытряхнул из мальчишки разочарованный вой, боевой дух, а заодно и украденный кинжал. Беловолосого ухватили поперек спины, точно нашкодившего кота, да так и оставили болтаться в воздухе. Тот упорно пытался извернуться и пнуть обидчика. Но выглядело это уже скорее забавно, а не жутко.

– Встать! – не обращая внимания на трепыхания, рявкнул аквилифер Тира. – Смирно!

– Мечи в ножны! – тем же тоном, но почти на октаву ниже отрезал Фауст. – Стройтесь!

Луций Метел Баяр выражением многообещающего недовольства оглядел своих подчиненных:

– Разойтись.

Приказ был отдан так, что Вита и сама невольно попятилась. Легионеры Тира тут же нашли тысячу мест, в которые им срочно нужно успеть, и тысячу дел, которые, кроме них, никто выполнить не в силах.

Несущий орла тихо заговорил о чем-то с сигнифером Фаустом. Тот с заметной неохотой кивнул. Маги разошлись, точно императорские галеры, чудом избежавшие столкновения.

Когда Нерги попытался впиться зубами в удерживающую его руку, Баяр отвесил подзатыльник, вроде бы рассеянно-ленивый. Однако Вита заметила, как светлые глаза аквилифера бежали заполненный народом двор. Словно ища, куда спрятать малолетнего пленника. Медик сдвинулась с места. Приглашающим движением откинула навес, за которым проводила осмотры.

Взгляд Баяра нашел ее мгновенно. Несущий орла повернулся – небрежно, будто с самого начала собирался идти именно в этом направлении.

Вита нырнула под полог. Попыталась собрать воедино мысли и наблюдения. В драке измененные каждый момент знали, где находятся их товарищи. Они двигались как единое целое. На мгновение на медика повеяло чем-то знакомым. Давнее воспоминание, точно ветер с восточных равнин.

И еще. Отмеченные чешуей выступили в защиту детеныша мгновенно. Без малейшего колебания, без сомнений, инстинктивно. Будто и быть такого не могло, чтобы взрослые оставили без поддержки ребенка. Чужого, по сути. Ничейного.

И это тоже не было поведением обычных чистокровных имперцев. С какой стороны ни взгляни.

Аквилифер Баяр стремительно ворвался под навес. Прошел мимо Виты, гневно печатая шаг. Размашисто усадил на единственный стул разом притихшего Нерги. И разразился тирадой на степном диалекте. Речь его была столь стремительна, что Вита едва понимала одно слово из трех. Общий смысл она тем не менее уловила:

«Позор на мою голову!»

И еще:

«Сиди тихо и не высовывайся!»

Нерги совершенно по-детски надулся. Опустил голову, сверкая глазами из-под спутанных седых прядей. Теперь, когда имперский маг и юный степняк оказались бок о бок, ощущение чего-то знакомого стало невыносимым.

– Моя помощь пострадавшим не требуется? – спросила медик, пытаясь поймать ускользающее воспоминание.

– Они в порядке, – ответил Баяр, даже не обернувшись.

И эта его полная уверенность, неосознанное знание того, как чувствуют себя все члены «племени» и какой урон они нанесли противнику, стали последней деталью головоломки. Картинка сложилась, и имя ей было «табунная магия». Все это время Вита ощущала древнее колдовство, каким-то образом накрывшее весь гарнизон. Точно запах дыма и ковыля, поднимающийся над кожей ее пациентов.

Некоторые ханы, не обязательно даже наделенные шаманским даром, способны были словно накидывать на своих людей «сеть». Связывать их в одно целое, в единый боевой организм. Такое войско обладало чем-то вроде общего надсознания и при этом не стесняло свободу отдельных воинов.

То, что связало выживших Тира, выросло именно из табунного плетения. Но, как и человеческие тела, магия эта изменилась в горниле болезни. Это была уже не сеть, создаваемая и распадающаяся по воле вождя. Связь стала более глубокой, обширной, четкой. И, похоже, почти не осознавалась носителями.

Где-то среди ужаса последних дней обитатели Тира сбились в нерушимое, сплоченное «мы». Насколько Вита могла судить, своих «я» они при этом не потеряли. Но медик не знала этих людей до болезни. Не могла сравнивать.

Легионер, сбежавший во время осмотра, проскользнул назад за своими вещами. На скуле его расцветал сизыми тонами синяк. Будет очень гармонировать с чешуей. Медик двумя пальцами повернула к себе побитое лицо, посмотрела в глаза.

– Жить будете, – заключила она. – Можно одеваться. Мы закончили.

Раненый поспешно подхватил одежду. Скрыл свои новые доспехи под складками ткани. Баяр посмотрел на подчиненного:

– Нерги явно не готов отвечать на вопросы о своем клане. Значит, в дальнейшем он не должен бродить среди тех, кто такие вопросы задает.

Легионер отсалютовал. Он уже не казался юным. И неуверенным не казался тем более. Строевым шагом подошел к мальчишке, сгреб его за шиворот. Выволок за полог, с явным намерением спрятать где-нибудь в дальнем углу.

Оставшись наедине с медиком, аквилифер устало вздохнул. Плечи его поникли. Вита склонна была оценивать демонстративную уязвимость критически. Баяр не мог не понимать, сколь многое зависит от того, какую позицию займет Валерия Минора.

– Мальчику придется трудно, – ровным голосом сказала она. – Особенно без защиты родителей.

Степь была менее терпима ко тьме, нежели славная «развращенными» нравами империя. Вековые соседи Дэввии, ханы были связаны со «стражами света» торговыми, культурными и даже родственными союзами. Для тех, кто в предках своих числил дэвир, ненависть к Ланке в буквальном смысле была в крови. Керов они не выносили физически. И истребляли без всякой жалости.

Отправить сверкающего белой чешуей ребенка к кочевым родичам было равносильно убийству. Но по закону, что имперскому, что степному, иного выхода просто не было.

– Я усыновлю его.

– Что? – Вите показалась, будто она ослышалась.

Луций из старой и славной семьи Метеллов пожал плечами:

– Усыновление – давняя имперская традиция. А с точки зрения кочевников, я вообще наполовину принадлежу к роду Боржгон. Хан Гэрэл своими устами подарил мне имя. Тот, кого он назвал Баяром из крепости Тир, вправе взять под защиту осиротевшего родича. Формально говоря, Нерги по-прежнему будет принадлежать и Боржгон. Он просто перейдет к другой ветви рода. Логично?

– Очень логично, – кивнула Вита.

И поняла, что на копья бросится, дойдет до сената и до самого императора. Но этих людей убить не позволит.

Медик отвернулась, зазвенела склянками.

– Направьте мне, пожалуйста, следующего пациента. До вечера нужно осмотреть всех.

Пару ударов сердца за спиной висела тишина.

– Да, медик, – сухо ответил несущий орла. Выскользнул за полог.

Вита решительно придвинула к себе восковую дощечку. Ей очень многое нужно было успеть.

IV

К вечеру у примы набралось столько фактов, догадок и логических построений, что они в буквальном смысле не помещались в голове.

– Еще раз. Восстановим хронологию. В Тире остановился торговый караван рода Боржгон. Несколько семей обратились за помощью к имперским медикам.

Вита сидела, скрестив ноги под установленным в крепостном дворе навесом. Зажатый в ее пальцах стилос нетерпеливо постукивал по дощечке. Луций Метелл Баяр, лишенный орла аквилифер и самопровозглашенный комендант Тира, расхаживал перед ней взад-вперед хмурой грозовой тучей:

– Они болели серьезно, но не смертельно. Это совершенно точно была не та чума, что обрушилась на нас после.

– Я поняла вас. – Вита сделала на воске соответствующую отметку. – Заведующий госпиталем согласился их осмотреть.

– Верно.

– Он сказал, что дело в степной магии. Что семьи кто-то проклял.

– Верно.

– Х-мм...

Странно. Такие вещи до конца не исчезают, но Вита не почувствовала в Нерги изначально враждебного колдовства.

– Идем дальше. Медики провели лечение. Пациенты оправились, караван ушел в степь. Но две семьи остались в крепости, потому что в отдельных случаях, – в числе которых, если Вита правильно поняла, была и мать Нерги, – больным стало заметно хуже. Именно они и стали первыми из сраженных «той самой» чумой.

Баяр устало потер лицо.

– Из тех, о которых нам известно, – уточнил он. – Вполне возможно, что в городе были другие случаи. Но их не наблюдали в военном госпитале. Это объясняет... Степень опасности могли недооценить. А потом стало поздно.

– Комендант Блазий масштаб беды понял после первого же трупа. Приказал закрыть ворота крепости и послал легату сообщение о карантине.

– Верно.

Вита попыталась обрисовать картину распространения заразы. Ответы Баяра стали куда менее уверенными: уже к концу первой недели несущий орла валялся в бреду и потому дальнейшие события представлял себе смутно.

– Три дня назад комендант, который всю эпидемию держал дисциплину гарнизона своей волей и своим присутствием, заперся во внутренней башне. Так?

– Так.

– Следующей ночью из ниоткуда прилетела страшная буря, которой совершенно нечего здесь было делать в это время года, и едва не затопила все окрестные холмы и степи.

– В Тире лило действительно знатно, но за окрестности я ручаться не могу.

– Я стояла во внешнем карантине, так что могу свидетельствовать: долиной Тира дело не обошлось. Дальше.

– Трибун собрал тех, кто еще был на ногах, прочесал город и окрестные поместья. Всех выживших доставили в крепость.

– У вас не сложилось впечатления, что он знал, где нужно искать, а где уже бесполезно?

– Я не думаю... Да, Блазий действовал крайне целеустремленно. Он словно был одержим. Точно знал, что и как делать. Не терпел ни малейших задержек. Не принимал отговорок. – Баяр беспокойно хмурился, вспоминая. – Командир буквально сметал со своего пути любое сопротивление. Он очень торопился.

– Ему оставили не так много времени. – Вита зло отчеркнула последний пункт, вызвала в воске новую страницу. – Трибун не пытался забрать в крепость своего брата?

– Благородный Тит Руфин отказался покинуть дом. Его семья... Руфин Старший переехал в долину Тир после того, как трибуна Блазия назначили комендантом крепости. У них были какие-то несогласия со старшей ветвью рода. Семья оказалась в сложном финансовом положении. А здесь – бурно развивающийся караванный маршрут. Если держать руку на пульсе, можно просто озолотиться. Имея статус благородного сословия, связи со жречеством и покровительство коменданта, они должны были быть в безопасности.

Да. Должны... были. Судя по всему, трибун Марк Руфин Блазий тоже так полагал. И остро чувствовал свою ответственность. Гибель племянниц для него стала последней каплей.

– Дальше. Когда вы поняли, что люди стали выздоравливать?

– На следующий же день. Я сам тогда встал на ноги, впервые за последние недели. Но все еще были очень слабы, и массовое «воскрешение из мертвых» было не столь заметно. – Баяр невесело усмехнулся. В который раз поднял руку, но так и не коснулся щеки. – Ночью спал жар даже у самых тяжелых больных. А на рассвете в Тир зашли первые отряды карантинной когорты. Коменданта в крепости уже не было.

– Когда он исчез?

– Мы не знаем.

Отрицание прозвучало безапелляционно. Судя по всему, этот вопрос выжившим Тира задавали уже не один раз, и ответ «я был занят и не следил за своим командиром» благородный трибун Аврелий правдоподобным не считал.

– Когда вы заметили появление чешуек? – Вита постаралась, чтобы в голосе ее прозвучала лишь профессиональная отстраненность. После двух сотен осмотров и дюжины экспериментов медик склонна была считать чешую отнюдь не самым важным из изменений. Но она определенно была самым очевидным. Быть может, единственным, на что пребывающие в шоке люди обратили внимание.

Плечи собеседника окаменели, но на губах осталась прежняя легкая улыбка.

– Болезнь вызывала сыпь и язвы. Заживая, они покрывались коростой, которая, шелушась, открывала чешую. – Серые глаза блеснули. – Открытие вышло поистине оглушительным.

Угу. Вроде обваливающегося под сапогами моста или надвигающейся из степи орды. Только мосты и кочевья замечаешь сразу, а чешую, если медик правильно читала своих пациентов, некоторые умудрялись игнорировать до победного конца.

Вита коротко кивнула. Баяр, созерцая медика с высоты своего роста, вздохнул. Опустился рядом с ней на одно колено.

– Командованию такие открытия тоже не нужны, верно? – Это не было на самом деле вопросом. – Если мы вдруг исчезнем, это здорово облегчит им жизнь.

Отрицать очевидное Вита не собиралась.

– Если бы речь шла о чем-то другом, – медик говорила тихо, не отводя взгляд от его лица. Черные чешуйки на вечернем солнце переливались синими, зелеными, платиновыми отблесками. Это было на удивление красиво. – О чем угодно: шрамах, перьях, хвостах. Даже щупальца были бы предпочтительней! Это не первый, даже не сотый случай, когда изначальная суть болезни смешивается с человеческой кровью и меняет ее. Если верить архивам, до того, как начались эпидемии радужной ошмы, наши предки жили не дольше века, магическое чутье у них практически отсутствовало, а температура тел была заметно ниже. Вызванные болезнью изменения неизбежны, нормальны, порой даже желательны. Но только не чешуя. Чешуя – это...

– Ланка.

– В данном случае это сочетание степной магии, неизвестной чумы и того способа, при помощи которого Ланка упомянутую чуму прекратила. Но обыватель, встретив вас на улице, не будет разбираться в тонкостях. Он схватит ближайший камень. Или, напротив, бросится к вам, пытаясь продать своего первенца.

– И с точки зрения жрецов и власти, первое еще можно стерпеть, а вот второе уже недопустимо.

– В этом я со жрецами и властью согласна.

Баяр опустил голову. Напряженные плечи его казались выточенными из острой скалы бастионами.

– Они сделали это нарочно? – спросил глухо. – Заставили его подписать контракт. Пожертвовать собой ради нас. А затем исполнили договор так, что нам теперь в любом случае не жить?

– Боюсь, все еще хуже. Они решили облегчить себе задачу. Вместо того чтобы разрабатывать лекарство специально против новой болезни, керы взяли что-то из обихода стандартных средств, используемых в их армиях. Убрали лишнее, что-то подправили. И вылили, вместе с бурей, на окружающие холмы. Они, скорее всего, и сами не ожидали, что зелье вступит с телами зараженных в столь непредсказуемую реакцию. Результат...

Она, не касаясь, повела рукой над его щекой.

– Почему хуже? – несущий орла безошибочно уловил самое важное.

– Потому что это не расчет. Это ошибка. А ошибки... – Вита отвернулась, поднимая глаза к вечернему солнцу, к крепостным стенам, окрашенным в багрянец и золото, – ошибки исправляют. Так или иначе.

На угол двора, где они сидели, опустилась тишина. Вита медленно отвела руку, опустилась на колени.

– Аквилер! Несущий орла! – подошел, резко печата шаг, один из легионеров крепости Тир. Был он бледен, худ, вместо формы одет в не по росту подобранную грубую тунику. Предплечья и икры его сверкали сине-зелеными оттенками морской волны.

Воин отсалютовал. Оружия при нем не было, но Вита не сомневалась: эти жилистые руки и без того способны сломать противнику хребет. И что-то в движениях легионера подсказывало: причинение всяческих переломов было сейчас весьма созвучно его душевному настрою.

– Несущий орла, из лагеря доставили продовольствие. Даже если урезать паек, нам хватит лишь на три дня.

Повисла короткая пауза.

– Ясно. – Баяр плавным, тщательно выверенным движением встал на ноги. – Медик, я должен вас покинуть.

– Метелл, постарайтесь удержать здесь порядок. – Вита тоже поднялась. Поняла, что так просто уходить нельзя. Пора было как-то обозначить свое решение. – Я попробую поговорить с трибуном Аврелием. Если не выйдет – пойду через его голову. Ситуация не безнадежна.

– По сравнению с тем, что было неделю назад, ситуация просто пестрит вариантами! – Баяр блеснул зубами в острой улыбке. – Вы найдете дорогу?

– Да, – тихо пообещала медик вслед удаляющейся спине, и говорила она отнюдь не о выходе из крепости. – Найду.

Через час, стоя перед молча выслушавшим доклад хищноглазым Аврелием, Вита была отнюдь не так в этом уверена.

– Они здоровы, они не заразны, их воля не подвергалась внешнему вмешательству. Как медик в ранге прима и заведующая полевым госпиталем, я не вижу смысла в дальнейшем поддержании карантина.

– Вот как?

Вита почувствовала, что спина ее выпрямляется. Тело вытянулось по стойке «смирно», глаза смотрели в точку где-то за спиной Аврелия:

– Командующий, моя рекомендация, конечно, не может повлиять на ваше решение. Но она приобретет немалый вес, когда случившееся будут разбирать в коллегиях. Или в сенате.

Если, конечно, заведующая госпиталем проживет достаточно долго, чтоб упомянутую рекомендацию сенату представить.

Трибун откинулся на стуле, разглядывая вытянувшегося перед ним медика, словно редкое экзотическое существо. Он был облачен в полный боевой доспех, на столе на расстоянии вытянутой руки лежал шлем.

Кеол Ингвар остановился рядом, вклиниваясь в разговор:

– Вы ведь не только специалист по травмам и ядам, не так ли, благородная Валерия? Я знаю, у вас была серия работ по психологии эпидемий. Увлекательное чтение. Что там был за термин? «Безумие чумы».

Вита повернулась к нему, чуть подняла брови:

– В таком случае позвольте со всей своей профессиональной уверенностью свидетельствовать: эти люди безумием не страдают. Напротив, в большинстве своем они на удивление

верно понимают ситуацию, в которой оказались. Действия гарнизона Тира демонстрируют редкую степень логики и ответственности.

– Действия гарнизона Тира привели к тому, что на них стоит печать Ланки! – отрезал трибун.

С фактами спорить было сложно. Вита и пытаться не стала:

– В случившемся нет вины аквилифера Метелла и его людей. Они по-прежнему подданные императора.

– У граждан есть не только права, но и долг перед империей. – Ноздри командующего дрогнули, лежащая на столе рука сжалась в кулак. Аврелий видимым усилием заставил себя говорить спокойно. – Они сами предпочтут уйти с честью, а не влачить жалкую полужизнь. А если нет... Опцион валетудинарии, не говорите, что я *вам* должен читать лекцию по психологии чумы.

«Да, лучше уж не позорьтесь», – отстраненно подумала Вита.

Вновь вмешался Кеол Ингвар:

– Люди не виноваты, что оказались в эпицентре вспышки. Никто этого не отрицает. Но они заражены: не только болезнью, но и тьмой. Вы сами пишете о том, что, когда враг поселяется в его крови и плоти, человеку нельзя доверять. Нельзя игнорировать в нем источник опасности.

Если под «тьмой» полуриши имел в виду состряпанное керами лекарство, то и сам он, и Вита, и большая часть провинции были «заражены» в равной мере. Дождь, в конце концов, пролился не над одной только долиной. Сказать об этом? Нет, не стоит. Слишком часто маги, обнаружив предательство в собственном теле, реагировали как-то совсем уж неадекватно.

Ингвар подался вперед, пригвоздив ее взглядом:

– Когда возникает осознание своей обреченности, зараженный выпадает из мира живых. Разум отступает. Запреты общества стираются. Люди лгут, убивают, вызывают к тьме.

Какая память! Написанные Витой слова цитировались почти дословно. Только вот избирательно. Она продолжила, озвучивая то, что собеседник пропустил:

– Люди жертвуют собой, отдают последнее лекарство, уходят в добровольный карантин.

– Да бросьте! – взорвался Аврелий. – Какой еще «добровольный»? Все эти недели они пытались просочиться за заслон, точно крысы, разбегающиеся с галеры. Вы стояли во внешнем карантине и не видели всего, что тут творилось.

Перед глазами Виты встала перечеркнутая знаками дверь, желтый шарф, качающийся на ветру. Три рыжие девочки, укрытые белым полотном, тряпичная игрушка, которую вложили в руки младшей. Тит Руфин, и в смерти не выпустивший из объятий свою супругу.

Да кто он такой, чтоб судить?

– Крепость Тир закрыла ворота, когда в госпитале погиб первый заболевший. За три недели из-за этих стен не вышел ни один человек. Давайте называть вещи своими именами. Вы считаете, что люди, столь явно отмеченные Ланкой, опасны. Медики могут сколько угодно повторять, что их чешуя не более страшна, чем затвердевшая татуировка. Они иные, и они пугают, и они принесут с собой раздор и смуту.

– Вот видите, медик? Вы сами все понимаете.

– Трибун, вы не того боитесь, – сухо отрезала благородная Валерия Минора. – Опасны не следы, оставленные Ланкой. Опасна она сама.

Повисла пауза. Ингвар вздохнул нетерпеливо:

– Медик, договаривайте уж до конца. Если вам есть что сказать.

– Посланцы темных богов заключили сделку: жизнь гарнизона в обмен на свободу Марка Руфина Блазия. Если из-за их просчета с людьми трибуна что-то случится, условия сделки окажутся нарушены. Бюрократия Ланки может быть сколь угодно темной – это все

равно бюрократия. Для начала керы примутся искать, на кого бы спихнуть вину. Затем – с кого бы взыскать ущерб. Как вы думаете, кто самым первым подвернется им под руку?

V

Выходя из палатки, Вита не чувствовала под собой ног. В самом буквальном смысле: она словно плыла над землей, отстраненно думая, что падать пока нельзя.

«Кажется, я стала слишком стара для подобных подвигов». Две бессонные ночи, два дня, истощивших разум и душу. Медик действительно держалась на последнем пределе.

По виа претория – улице, ведущей к преторским воротам, – промчался всадник на запыленном коне. Спешился перед палаткой трибуна, нырнул внутрь. Похоже, конные дозоры что-то обнаружили. Неужели еще выжившие? В глубине долины? А может, жители заброшенных ферм поднялись по горным склонам, забились в скалистую глушь? Благородная Валерия покачала головой. На сегодня она сделала все, что могла. Сейчас надо отступить.

Ноги сами вынесли к купальням. Вита взглядом осадил ветеранов-триариев, пытавшихся было ввалиться в банный комплекс вперед нее. Нырнула под низкий полог.

– Декау-терму, немедленно.

– Старший медик! Вас все потеряли, – массивный прислужник застыл в проходе аллегорией имперского неодобрения. Неодобрение вышло весьма внушительным: легионер, исполнявший банный наряд, был высок, широк и огромен. Проход он загораживал не хуже, чем выстроенная из сомкнутых щитов стена.

– Терма свободна, но камню понадобится несколько минут, чтобы раскалиться.

– Чего же мы ждем?

Чувствуя близкое освобождение, кожа ее отчаянно зачесалась.

Вита сбросила накидку, тунику, маску. Декау-терма по конструкции и назначению отличалась от традиционной имперской бани. Медик прошла в низкую каморку, созданную из натянутой на жерди теплоустойчивой ткани. В центре стояла круглая походная печь, обложенная камнями. Жар, от нее исходивший, ощущался и сквозь покров кау.

Прислужник водрузил на угли блестящую глыбу, внешне напоминающую черный обсидиан. Положил на одну из поставленных вдоль стен лавок флягу с питьевой водой. А также ушат, губку и острую деревянную дощечку-скребок. От души плеснул и на угли пригорной травяной настойкой.

Вита отвернула лицо от волны обжигающего пара. Позволила коленям наконец подкочиться и сползла на скамью.

Пару минут она просто сидела, запрокинув голову и костями впитывая благословенное тепло. Глотнула из фляги. Неожиданно осознав, что горло сводит от жажды, выпила все до капли.

Немного придя в себя, медик коснулась запястья. После стольких очищений защитная пленка истончилась, стала суха и малоподвижна, в любой момент грозя пойти трещинами. И хорошо. Долго ждать не придется.

Вулканический осколок постепенно нагревался. Основание его наливалось темно-красным, огненные прожилки поднимались к поверхности, светом пробивались наружу. Волны излучаемой камнем магии стали столь отчетливы, что у Виты заложило уши.

Пленка кау, до того плотно прилегавшая к коже, пошла пузырями, затем начала облезать неровными хлопьями. Вита заставила себя взять скребок, привычными движениями принялась соскабливать и смывать застывший древесный сок, а с ним и отмершие кожные клетки и волосы. Не для медиков длинные косы и сложные прически. Благородная Валерия провела ладонью по безупречно гладкой коже головы. Хоть брови на этот раз удалось сохранить, уже хорошо.

Вита слишком устала, чтобы долго нежиться в бане, хотя воды на сей раз хватало: при установке лагеря Кеол Ингвар лично выбрал место и пробил скважину. Вода поднималась из глубин, безопасность ее проверили всеми возможными способами, начиная от испытания змеиным ядом и заканчивая прямым обращением к богам. А потом все равно добавили очищающих травяных настоев.

Закончив омовение, Вита взяла наполненный заново чан, подняла над головой. И опрокинула. Губы жадно поймали несколько струек. Вода была неопишимо вкусна, ее не портила даже легкая, едва различимая горечь аленды.

«Целитель, кто исцелит тебя самого?»

В последние дни она явно давала организму недостаточно влаги. При работе в полной защите это часто становилось проблемой, особенно когда речь шла о столь опасной болезни. Сложности и неизбежный риск, связанные с нарушением покрова, заставляли игнорировать нужды тела. Но право слово, в ее возрасте Вита должна бы уже поумнеть. Медик, свалившийся в самый важный момент, бесполезен. Это еще в лучшем случае.

Когда с омовением было покончено, для благородной Валерии уже доставили одежду. Квинт, старый слуга дома Корнелиев, принес ее собственные одеяния, хорошего качества и нормального размера. Вита спрятала под ткань именной медальон, оправила складки столы. Поблагодарила прислужника, накрыла голову шалью и выскользнула из купален.

Усталость сковала мысли и движения. Вита едва не упала под ноги старшему центуриону, спешившему в сторону претория. Не видя уже ничего вокруг, добрела до отведенных врачам палаток. Где, во имя светлых богов, поселили старшего медика? После прибытия к стенам Тира Вита еще ни разу не видела отведенной ей койки. Может, прилечь в госпитале?

Перед благородной Валерией возникла мужская грудь, жилистые плечи. Добротная походная накидка была заколота фибулой в виде черной змеи. Вита подняла взгляд, пару секунд недоуменно разглядывала нахмуренное лицо Авла. Какие у Корнелиев все-таки выдающиеся носы!

Сильные руки взяли ее за плечи, развернули, куда-то повели. Уверенная ладонь легла на затылок, заставляя пригнуться и нырнуть под откинутый полог. В палатке было сумрачно и тепло. Толчок в спину, давление на плечо, и Вита неуклюже села.

В голове царил пустота. В руки ей вложили пузатую плошку, желудок заурчал, почуяв аромат густой легионерской похлебки. Когда начальница прикончила первую порцию, Авл без слов протянул ей вторую. Горячая еда словно стала центром, вокруг которого тело и разум обрели подобие равновесия. Вита почувствовала себя почти разумным существом.

Авл все еще хмурился. С его резкими фамильными бровями и угольно-черными глазами это выглядело весьма внушительно.

– Бессмысленно тебя сейчас расспрашивать. Поговорим завтра.

Благородный Корнелий помог ей снять сандалии и накидку, ничуть не гнушаясь ролью слуги. Мэйэрана свидетель, Вита не раз делала для него то же самое, хотя в случае Авла причиной конфуза обычно оказывалась амфора коллекционного вина. Друг завернул ее в покрывало. На мгновение положил ладонь на лишенную волос голову. Руки целителя излучали тепло и покой.

– Спи.

Уходя, он бросил что-то на холодную жаровню и плотно закрыл за собой полог, погружая палатку во тьму.

Усталость Виты была сродни боли. Благородная Валерия вытянулась на узком матрасе, зарылась в покрывало, расслабилась...

И, конечно, именно в этот момент медика-приму настигли бессонные мысли.

Донесение от внешних дозоров. Трибун, в полном доспехе, при оружии, явно готовый к бою... Есть ли у нее время на отдых?

Не то чтобы тут наличествовал выбор, но да, время пока есть. Если б Аврелий склонен был под влиянием момента рубить сплеча, все было бы уже кончено.

Вита перевернулась с живота на бок. Сжала пальцы, сминая одеяло.

От всего расклада на пол-империи несло политической падалью.

Император вынужден сохранять лицо перед нетерпимыми к любой скверне старшими расами. Он и рад бы впасть в декадентство и веротерпимость, но договор с Дэввией, но послы Альты, но украшающие двор своей мудростью риши... Легат, ветеран сенатских интриг, от ответственности попытается увернуться. А исполнители? Каково бы ни было решение, принявших его смешают с грязью.

Что никоим образом не отменяло их долга перед империей.

«Забудь о глазах и лицах. Попытайся смотреть отстраненно».

Опасны ли измененные? Сами по себе – нет. За это Вита готова была ручаться всем своим опытом медика. Всем, что ей удалось узнать и понять о Ланке. Угроза шла не из обросшего чешуей гарнизона. Но он мог стать поводом.

Стоило ли сохранение обманчивого придворного спокойствия того, чтобы заплатить жизнями Тира? Уничтожить все, чем они могли стать? Все, что они могли сделать для империи?

Нет. Валерия Вита была уверена, что нет. Но Гай Аврелий смотрел на проблему под другим углом. Он, похоже, неплохо понимал политический расклад. Мог знать что-то, неизвестное гражданскому медику.

И все равно отчаянно тянул время.

Быть поставленным в такое положение для трибуна, должно быть, невыносимо. В-первых, его явно подводили под удар. В-вторых... Что бы Вита о нем ни думала, она не могла отрицать: за последние годы Гай Аврелий стал настоящим боевым офицером. Дерзким, удачливым. Легионеры были верны навязанному сенатом командиру потому, что он был верен в ответ. Эта связь выковывалась в схватках, где сама жизнь зависит от надежности стоящего рядом. Мысль об убийстве братьев по легиону должна вызывать в командующем чуть ли не физическое отвращение.

Похоже, чтобы выполнять то, что он в этой ситуации считал долгом гражданина и воина, Аврелий заставил себя не видеть в измененных людей. Поверил, что гарнизон крепости мертв, а покрытые чешуей порождения тьмы – обращенное против империи оружие.

К тому же заразное.

Вита в бессильной злобе ударила кулаком по подушке. Медиков и жрецов, которые могли бы разобраться в происходящем, трибун к крепости не допускал! Не собирал недостающие сведения, не пытался понять подоплеку. Впору решить, что Аврелий просто-напросто отказался от способности мыслить критически. Разум он вынужден был делегировать. Кеол Ингвар сейчас, похоже, думал за двоих сразу. А командующий доверял сигниферу в достаточной мере, чтобы это позволить.

Валерия Минора Вита четко дала понять, что не позволит своим пациентам тихо исчезнуть. Ее прощальный намек на возмездие Ланки должен был вогнать в дрожь любого сведущего мага. Ингвар осторожен. Ингвар расчетлив. Он не будет пороть горячку. И трибуну своему не позволит. Нет, с их стороны глупостей можно не опасаться. Какое-то время.

Медик беспокойно повернулась, легла на спину.

Проблема в том, что Аврелий и Ингвар не единственные, от кого в этой ситуации что-то зависит. Оставалась другая сторона уравнения: люди, запертые в крепости. Будут ли они покорно ждать, пока командование примет решение?

Вита подняла ладонь, уронила на лицо, пряча от богов усталые глаза.

«Выжили. Они – выжили. Прошли через три недели кошмара, сохранили разум, организованность и дисциплину. Отталкиваться нужно от этого».

За десятилетия медицинской практики Валерия Минора пришла к крамольному выводу: даже в самых страшных испытаниях судьбу человека определяет не только посланная богами удача, но прежде всего он сам. Раз за разом, наблюдая за теми, кто побеждал, когда и выжить казалось невозможным, она находила в них одни и те же общие черты.

Способность принять реальность. Качество это встречалось гораздо реже, чем принято думать. Когда обнаруживается, что перевал перекрыт карантинными войсками, слишком многие отказывались понимать: да, сыпь на шее соседа означает, что легионеры в массах будут стрелять и в тебя тоже. Вита вспомнила загорелое лицо, перечеркнутое темной чешуей, внимательный серый взгляд. «Они исполнили договор так, что нам теперь в любом случае не жить?» С пониманием реального положения вещей в крепости Тир проблем не было.

Способность думать и планировать. Казалось бы, неотъемлемая привилегия каждого разумного существа. Просто по определению. Когда есть возможность присесть, успокоить пульс, поразмыслить пару минут, любой может проанализировать ситуацию и принять решение. Но что, если от берегов посылают стрелу за стрелой, тебя тащит течением, нога застряла меж подводных камней, а единственная мысль, которая бьется в голове, это: «Дышать!» Не у каждого хватит самообладания не биться пойманной рыбой, а застыть, собраться, освободить лодыжку. И по дну, по дну, тихо и незаметно добраться до места, где река повернет. «Для начала я хочу, чтобы вы осмотрели тех, кто болен». Напротив пункта «планирование вперед» можно смело ставить галочку.

Способность сбиться в отряд. Многие считали, что из самой глубокой ямы можно выбраться, идя по головам и плечам соседей. Но на деле выходило наоборот. Эгоизм и желание выжить могли вести лишь до определенного предела. Наступает момент, когда силы закончились, идеи исчерпаны, вода тянет на дно. И тогда, чтобы сделать еще хоть одно движение, нужно что-то еще. Знать, что тебя ждут домой. Знать, что другие жизни неразрывно связаны с твоей и ты не можешь их подвести. Выбирается тот, кто, вопреки здравому смыслу, вытаскивает из воды остальных. И кого, если упадет перед самыми воротами крепости, есть кому дотащить до спасительной черты. «Я принял на себя командование гарнизоном». А заодно взял под защиту всех, кто случился рядом, будь то швея, жившая под стенами крепости, или случайно оказавшийся в долине чужой ребенок.

Способность сохранить чувство юмора. Этот сомнительный навык в самой жуткой, самой безысходной ситуации сделать мысленный шаг назад, заметить в гобелене рока нити абсурда. Умение посмеяться если не над окружающим, то над самим собой. «Купание в реке под градом стрел? Закаляет здоровье. Последнее время забота о нем стала весьма модной. Должно быть, веяния из столицы...» Чем помогало такое зубоскальство? Веселило богов, даря их благосклонность? Позволяло сохранить разум? Вита знала лишь, что, когда тают в душе надежда и вера, остается ирония. И отпускать ее нельзя ни в коем случае. «По сравнению с тем, что было неделю назад? Ситуация просто пестрит вариантами!» Да. Именно так.

Вита глубоко вздохнула. Марк Руфин Блазий потерял для человеческой расы. Но мерилом человека является то, что он оставит после себя. Военный трибун покинул крепость, его люди прочитали роспись тьмы на своей коже. Со стороны тех, кто должен был стать спасением, они увидели лишь страх и угрозы.

И вместо того, чтобы рассыпаться под новыми ударами, выжившие сплотились вокруг своего аквилифера. Трезвость оценок. Планирование на завтрашний день. Действия сообща. Юмор, сдержанный и в то же время неумовимо агрессивный.

Трибун Аврелий забрал из крепости их серебряного орла, но несущий – это не приложение к штандартам и регалиям. Символ силен лишь настолько, насколько сильна рука, поднимающая его.

С орлом или без, Луций Метелл Баяр являлся одним из сильнейших магов провинции – и явно принадлежал к породе тех, кто выживает. Люди его после всего перенесенного превратились в легион в изначальном значении этого слова. Они действовали как единое целое, представляли собой много больше, нежели сумму подгоняемых кнутом слагаемых.

Если дойдет до столкновения между разоруженными, ослабленными, лишенными провианта пленниками Тира и карантинными войсками, со всеми их центуриями, сигналами и дополнительными подразделениями... Вита знала, на кого она бы поставила. И это был отнюдь не Гай «Я-отдал-вам-приказ!» Аврелий.

Медик с глухим стоном перевернулась на бок. Попыталась представить себе такого человека, как Баяр, покорно ожидающим приговора. Тихо сидящим взаперти. Смирившимся с тем, что для безмятежной Лии Ливии и яростного мальчишки Нерги надежды уже не будет.

Да ни за что на свете! Ни за что во всей необъятной, безжалостной тьме. С несущим орла проблемы будут. Он сам будет одной большой проблемой! Вите, когда наступит ее черед действовать, придется это учитывать.

Но для того, чтобы какие-то действия в принципе стали возможны, ей нужно сначала отдохнуть!

«Спать, спать, спать...» – звучал в висках безмолвный речитатив. Медик перекатилась на другой бок. На левый. Вспомнила, что на нем лежать вредно, это нагрузка для сердца. Перевернулась обратно на правый.

Перед глазами рельефно, в ярком цвете и в четких контрастных тонах, встал образ. Рыжеволосый мужчина, и в смерти не разомкнувший объятий, прижимал к сердцу останки жены.

Вита плотнее сжала веки. Кочевник-полукровка пришпилен к стене, короткое копьё вырастает из-под ребер, точно ветвь жадного дерева. Ручьи засохшей крови, черные среди теней...

Она чуть приподняла голову, уронила, пытаясь вытряхнуть накатившие воспоминания.

Мертвый ребенок на мраморе, белая кожа, посиневшие губы, рыжие волосы рассыпались огненным ореолом...

«Все. Хватит. Медик я или нет? Немедленно спать!»

Вита нашла удобную позу. Застыла в ней, не позволяя себе шевелиться. Замедлила дыхание, расслабила живот, диафрагму, успокоила пульс. Начиная с затылка, одну за другой начала расслаблять группы мышц. Лицо... Шея... Плечи...

Спать.

Она представила, что рядом кто-то лежит. Сосредоточила на этом весь фокус тренированного разума. Базовые техники исцеления требовали превратить эмоции и воображение в отточенный инструмент, и сейчас медик без зазрения совести им воспользовалась. Кто-то рядом, за ее спиной, вытянулся, лежа на боку. Не касаясь, но так близко, что кожей ощущаешь жар тела. Она вчувствовалась в это тепло. В ощущение присутствия.

Мужчина. Крупнее ее, массивней, сильнее. Вита намеренно не стала представлять какие-то конкретные черты (и особенно решительно не стала представлять черты бывшего мужа). Не друг, не коллега. Никто из тех, кого встретила случайно в суматохе дня (потому что тогда существовала бы опасность перепутать фантазию и реальность). Она запретила себе вспоминать цвет его глаз и мягкость волос. Просто присутствие. Островок живого тепла в темноте.

Вита кожей ощутила движение: тот, кто был рядом, поднял руку. На спину ей легла тяжелая горячая ладонь. Скользнула на плечо. Чуть сжалась. Ноющие усталостью мышцы, наконец, расслабились.

От прикосновения по телу расходились вязкие теплые волны. Они качали ее, уносили вдале. Ночь плеснула и вздыбилась. Поднявшаяся из глубин темнота затопила с головой. Увлекла на дно.

VI

Надрывный визг ударил по нервам. Сигнальный рог! Вита села, не успев еще толком проснуться. Он резкого движения вдоль спины и шеи будто резануло пилой. Потянула мышцы...

Она скатилась с кровати прямо на пол (на так и не растопленной жаровне вспыхнула брошенная Авлом мелкая монетка, нельзя создавать силуэт, нельзя делать из себя мишень), первым делом схватила калиги на толстой подошве.

Тревога?

Что происходит?

Тишина за пологом разбилась криками, топотом, тревожными призывами рога-корны. С момента ее службы в легионах прошло уже не одно десятилетие, но некоторые вещи забыть невозможно. Ухо без труда различило сигналы «Подъем» и «Сбор». Кто-то взревел: «Нападение!», «Прорыв периметра!» и, почему-то, «Засада!». Точно подчеркивая невероятность происходящего, ночь разорвало жутким улюлюкающим многоголосьем. Боевой клич кочевников! Рядом! Мэйэрана Легкокрылая, как?..

Разум все еще пытался справиться с невозможностью нападения, а руки уже натягивали тунику, а поверх – обшитый многочисленными карманами пояс.

– Дым, дым, дым... – твердили губы, пока пальцы судорожно шарили в сундуке.

Где?.. Ошма и холера! Именно поэтому свой багаж нужно распаковывать самой! Медик заставила себя остановиться, забыть о маске. Схватила тонкий ришійский шарф, опрокинула на него пузырек с пахучей жидкостью, повязала поверх лица. На запястье – браслет. Через плечо – пузатая сумка.

В последний момент Вита подхватила бесформенную накидку, пропитанную соком кау (нельзя, чтобы женский силуэт выделялся среди прочих обитателей лагеря). Зажала в кулаке монетку-светильник, приглушая сияние. На мгновение застыла, пытаясь по хаотичным звукам восстановить картину происходящего. Контроль дыхания. Контроль пульса.

«Самое главное – не терять голову. В любом смысле слова. Двигайся!»

Медик выскользнула из палатки. Споткнулась о лежащее поперек выхода тело, заметила лишь, что ему уже не помочь (одна стрела под ребра, вторая пробила насквозь череп), перешагнула. Постаралась охватить все происходящее вокруг одним стремительным цепким взглядом.

Четкий дисциплинированный лагерь трибуна Аврелия погрузился в хаос. Часть палаток была сбита на землю. Мысли словно придавило чем-то тяжелым, восприятие пропорций и перспективы исказилось. Дорога, что должна была рассекать лагерь ровной линией, расплывалась перед глазами.

Тут и там начинали заниматься пожары. Ткань, кожи и дерево в легионах были обработаны, чтобы сделать их менее уязвимыми для огня. Вместо открытого пламени палатки лишь тлели, наполняя воздух горькой вонью. Вита плотнее прижала к носу шарф. Главным врагом этой ночью будет дым. Даже при поднятых во время нападения щитах ветра лагерь хорошо продувался. Здоровый человек мог не опасаться удушья. Однако для Виты царапающая бронхи едкость грозила обернуться серьезной проблемой. Во время подхваченной от пациента болезни ее легкие были повреждены настолько, что часть тканей пришлось удалить. Оставшееся было ослаблено, периодически радовало ее приступами, а каждую зиму грозило

вспыхнуть затяжным воспалением. Если будут условия, при которых могут не выдержать легкие, они, скорее всего, действительно не выдержат. Нужно уходить.

Хотя явных пожаров вокруг не занялось, ночь буквально сияла. Даже слишком ярко – будто каждый проснувшийся в первую очередь поспешил бросить в небо свой месячный заработок. Они что, пытаются улучшить нападающим условия для обстрела?

Кочевников рядом видно не было, но их крики когтями выцарапывали из души стойкость и уверенность. Успокоить пульс. Этот клич звучит так, будто испускающие его уже на расстоянии вытянутой руки, но впечатление обманчиво. Звуки своих голосов и сигнальных флейт кочевники способны вплетать в воздушные потоки. Враг может быть и совсем рядом, а может – на другом конце лагеря.

Легионеры организованно сбивались в десятки и спешили на север, к преторским воротам. Но их было мало – слишком мало. Лагерь казался почти пустым. Пока Вита спала, большая часть войск куда-то ушла.

Пара военных врачей в сопровождении дюжего санитаря целенаправленно устремились к госпиталю – центральному и предположительно самому защищенному месту лагеря. Из палатки, отведенной гражданским медикам, выскочили полуодетые ученики, заматались в поисках наставников, точно обезглавленные курицы.

«Это потому, что их голова – ты!»

Вита решительно направилась к желторотым коллегам. И в этот момент меж палатками точно из воздуха соткались пятеро диких стремительных всадников. Локоть Виты пронзило болью: ушибла, падая на землю.

«В сторону, в тень, уйти из зоны видимости... Не ползи – катись!»

– Куоннгг! – слитно пропели тетивы.

Стрелы в полете растворились, превратились в вихри режущего воздуха. Стандартные пластинчатые доспехи они прошили, точно бумагу. Трое легионеров из десятка, бежавшего на звуки битвы, упали на землю выбитыми из строя куклами. Еще двое пошатнулись, поймав стрелы на щит.

– Стройся! – взревел декан. – Сомкнуть щиты! Перекрыть улицу!

– Урурарарарарара! – звуковой волной ударил по выжившим степной клич. Жуть его и неожиданность атаки дали нападающим ту секунду замешательства, что позволила выхватить из колчана по второй стреле. Снова слитная смертельная песня, на сей раз встретившая глухую стену. Лишь одна стрела нашла щель меж щитами. Молодой легионер, слишком замешавшийся с построением, отшатнулся, с криком упал на землю.

Всадники стремительно развернулись, не собираясь мериться силами с ошетинившимся копьей построением. Метнулись прочь. В последний момент один из них заставил коня совершить резкий скачок вбок. Кочевник левой рукой выхватил саблю и единым движением снес голову пожилой целительнице, что застыла на его пути в немом ужасе. Тело женщины стало медленно оседать. Лишенная волос голова покатилась, подпрыгивая, а кочевник все так же стремительно уклонился от брошенного в спину метательного копья. Скрылся из виду, оставив за собой смерть и крики.

Земля содрогнулась – Вита вдавленной в пыль грудью ощутила ее стон. С севера разлилось холодное сияние. Все вокруг оказалось расчерчено длинными режущими тенями. Благородная Валерия отвернула лицо. Поднялась на вытянутых руках, заставила себя встать на ноги. Повернулась.

Там, за лагерем, поднимала огромную голову змея очищающего белого пламени. Гадюка плавно повернулась, на миг застыла. Молниеносным движением бросилась на невидимого отсюда противника. В бой вступил символ когорты и несущий его, Кеол Ингвар.

Вита прищурилась на свет. Змея билась к северу от ограждающего вала. Если Ингвар там, то Аврелий тоже с ним, в такой ситуации он не отпустил бы от себя несущего сигну.

Трибун вместе с ядром боеспособных центурий вне территории лагеря, он атакует, атакует предельно жестко. И даже не пытается защитить подвергнувшийся нападению госпиталь. Значит, угроза такова, что по сравнению с ней потеря всех оставшихся здесь признана приемлемой. Значит...

«Авл», – медик сосредоточила все свое существо на образе Корнелия, чертах его характера и раздражающих привычках. Она не способна была почувствовать, принято ли сообщение, оставалось лишь прокричать свои слова со всей доступной силой и точностью.

И силы, и точности мысленному голосу Валерии Миноры хватало.

«Авл, собери всех, кого сможешь, отступай на запад, к левым главным воротам. Отступай в сторону крепости, Авл! Встретимся у ворот».

Медик резко развернулась. На способность ее воспринимать окружающий мир будто набросили завесу, сужающую поле зрения. Все виделось через линзы медицинской оценки: степень повреждений и шансы на выживание. Анализ этот был абсолютно лишен эмоций. И беспощаден.

Человек, мужчина, около ста тридцати лет, стрела в глазнице, мертв.

Человек (возможно, легкая примесь крови дэвир?), мужчина, около сорока, сослуживцы прикрывают щитами и пытаются стянуть рану. Стрела вошла над ключицей, потеря крови слишком велика. Без экстренной помощи и донорского вливания сердце остановится через полминуты. Мертв.

Человек, мужчина, нет и двадцати, стрела в бедро, артерия не задета, жизнь вне опасности, но без посторонней помощи идти не способен. В одиночку мне его не донести. С тем же успехом может быть мертв. Медик, не оглядываясь, прошла мимо мальчишки. Какой-то бессловесной и бесправной частью сознания вспомнив его имя. Летий.

Когда взгляд ее упал на одетую лишь в тонкую тунику целительницу, прямо на земле пытающуюся оказать помощь раненому, разум точно так же отметил: человек, женщина, семнадцать лет, в хорошей физической форме, не ранена. И ее пациент: человек, мужчина, за пятьдесят, стрела в области груди справа, коллапс легкого, кровотечение. Если бы она проводила сортировку при поступлении раненых в госпиталь, этот отправился бы к врачам в первую очередь. Опытный медик, пятнадцать-двадцать минут спокойного сосредоточения, и умирающий был бы стабилизирован, с перспективой полного выздоровления. Ни лазарета, ни сосредоточенности, ни тем более двадцати минут у Виты не было. Мертв.

Старший медик впиалась пальцами в плечо девушки, посылая вдоль кожи эмпатическую волну и разрывая ее связь с пациентом. Юная целительница резко развернулась: скованное неестественным спокойствием лицо, огромные серые глаза, бесцветные брови. Толстая пшеничная коса говорила о том, что ей пока не доверяли работу в зачумленной территории. Старший медик вспомнила имя: Ария. Ария из Мероны, неожиданное сокровище, родившееся в небогатой плебейской семье.

– Что? – попробовала вырваться Ария. – Почему? Я дышу за него!

– И если тебя тут заметят, то дышать вы не сможете уже вдвоем. – Вита рывком подняла девчонку на ноги, проволокла пару шагов. Второй молодой медик стоял на коленях над обезглавленным телом наставницы. Этот, по крайней мере, сообразил надеть обувь, но умирающих в двух шагах пациентов он, похоже, не замечал. Эмпатический шок. Вита залепила профилактическую пощечину.

– Это убийство! – шипела девица.

– Она убита! – вторил парень.

– Вас убьют, – пообещала Вита, – если не будете делать, что скажу.

Подтащила их к Летию. Глаза его были огромными, черными, совершенно сухими. Медик-прима наклонилась, пальцы ее обхватили древко стрелы. Перед взглядом тут же встала карта ранения: белый изгиб кости, повреждения мышц и сосудов. Перекрыть ток

крови, рывок, нанесший больше вреда, чем изначальное ранение, стянуть. На все ушла буквально пара секунд.

Вита вздернула почти бессознательного Летия на ноги и повесила его на плечи пошатнувшихся от такого груза учеников. Схватила руку Арии, прижала ее ладонь поверх раны.

– Не сможешь исцелять на ходу, хотя бы останови кровь. Идите за мной. Не отставайте. Остановится один – погибнут все трое.

Мысленно начала прокладывать дорогу. До ворот проще всего дойти по виа принципалис – широкой улице, рассекавшей лагерь из конца в конец. Но враги появились и исчезли, точно скрытые мороком, прямая дорога двоилась перед глазами, и Вита ей не доверяла.

Она резко повернулась и, точно на обнаженное лезвие, напоролась на бешеный взгляд декана. Какую-то долю секунды медик была уверена, что сейчас ей раскроют череп и оставят рядом с обреченным легионером.

– Опцион валетудинарии, – хрипло, полным званием обратился к ней ветеран. – Вы заберете раненых?

– Да.

Командир десятка подошел к задыхающемуся в собственной крови подчиненному. Короткий взмах меча, обмякшее тело, хриплый приказ:

– Что застыли? Сомкнуть щиты! Шевелитесь!

Больше не задерживаясь, Вита зашагала прочь. Качнуться в сторону, нагнуться, поднять с земли еще одну раненую. Вита перекинула через свое плечо руку бессвязно стонущей женщины-прислужницы из госпиталя, приняла на себя часть ее веса, без паузы и без слов продолжила путь.

В сторону от виа принципалис, вокруг пустых палаток. По пути их процессия собрала еще с полдюжины раненых. Вите также удалось перехватить группу медиков, пытавшихся пройти к госпиталю. Санитары, не выпуская оружия, взвалили на плечи тех, кто уже не мог идти самостоятельно. Инструментарий тащил на себе щит, короб с мазями, а также пребывавшего в шоке врача. Для тех, кто еще не потерял истинной чувствительности, эмоции, затопившие сейчас все вокруг, были подобны методичному избиению. Целители содрогались, словно от ударов, но сжимали зубы и продолжали шагать и даже на ходу оказывать помощь.

Время, время, время!.. В груди ее словно опрокинули песчаные часы, и каждый шаг отмечен был шорохом ускользающих секунд. Вита старалась дышать ровно и размеренно, но спина и плечи ее уже болели от навалившейся на них тяжести. В легких при глубоких вдохах появлялось мерзкое щекочущее ощущение – предвестник будущего кашля.

«Быстрее, – медик-прима мыслью ударила свою группу. – Еще быстрее!»

О приближающейся опасности ее предупредил хриплый крик атакующих легионеров. Командный голос ревел: «Щиты поднять!» и «Где лучники? Достаньте его стрелами!». Дрались совсем рядом, за ближайшей палаткой. А если есть сражение, значит, есть и противник. Которому нужно куда-то отступить.

– В сторону!

Вита буквально впихнула свою ношу в руки идущего рядом. Голова дюжего легионера была залита кровью и наскоро перевязана, неуверенность движений заставляла предположить, что возможны проблемы со зрением. Вита безжалостно вырвала у него копье.

Кожа, из которой была сделана палатка, содрогнулась, просела. Будто опрокинулась в глубь самой себя. Всадник двумя совершенно дикими, невозможными для имперских коней скачками преодолел препятствие. Как-то умудрился не запутаться в веревках и не сломать своему скакуну ноги. Вылетел на дорогу прямо перед ними. Каждое движение его пело дерзостью и упоением от собственной удали.

Кочевник развернулся – яростный, похожий на изображение мстящего кера. Шлем его в суматохе боя был потерян, черные косы крыльями били по плечам, лицо перечеркнуто окровавленной полосой. Зубы степняка оскалились в улыбке, стывшей торжеством и страхом. Из оружия у воина осталась лишь окровавленная сабля. Этого было довольно.

Вита шагнула вперед, опуская перед собой копье. Пальцы ее сжались на древке. Мысли провалились на узкую тропу полированного дерева. Устремились, набирая скорость, вперед. К наконечнику, созданному из многочисленных спрессованных слоев металла, острому, абсолютно смертоносному. Сорвались с него сконцентрированным ударом.

Медик полностью сосредоточилась на одном-единственном образе: она сама, угрожающая копьем летящему навстречу всаднику. Тощая фигура в балахоне. Жесткое лицо, наполовину скрытое шарфом, четкая линия скул, юная кожа, какая бывает лишь при регулярном использовании масел кау. Разрез глаз, их яркий карий оттенок, блик отраженного света на лишенной волос голове. Руки неуклюже упирают в землю копье, стараясь держать его между собой и неизбежной смертью.

Кочевник одними ногами послал своего скакуна в бок, изящным перестуком копыт уходя от дрожащего острия. Оказался внутри зоны, где ее слишком длинное оружие стало бесполезным. Ударил саблей наискось... и лезвие прошло сквозь пустой воздух.

Вита, отошедшая на два шага в сторону от того места, куда проецировалась ее иллюзия, нанесла удар. Одно спокойное, выверенное, обманчиво медленное движение. Она не могла позволить себе промахнуться мимо цели, и не позволила: острие на половину ладони утонуло в опрометчиво открытом горле. Кочевник не смог даже захрипеть. Из рта его хлынула кровь, спина выгнулась. Занесенная было сабля выскользнула из пальцев, что судорожно царапали воздух. Конь, хрипя, подался назад, и всадник медленно вывалился из седла.

Его товарищи почувствуют эту смерть. Если они еще живы, то примчатся так быстро, как только смогут. Скорее, скорее...

Медик снова сжала пальцы на древке, всю свою сфокусированную эмпатию направляя на степного скакуна. «Все хорошо, хозяин рядом, иди ко мне, мы положим на твою спину раненых...» Но длинноногий бегун лишь захрипел, отчаянно трясая гривой. Степные лошади славны были своим умом, отвагой и беззаветной преданностью. Конь не понимал, что именно случилось и почему из седла его пропало родное присутствие. Но он чувствовал, что произошло непоправимое, буквально сотрясаясь бессловесным горем и ужасом. Следующим должен был прийти гнев, удары копытами и яростные свечки. Вита выдохнула и ментальным толчком направила беднягу прочь. Туда, откуда его привели в это страшное, шумное, пахнущее дымом место. Туда, где остался родной табун.

Конь умчался, а Вита резким движением приказала своему отряду продолжать путь. Лишь сейчас она ощутила резкое жжение в плечах – нанесенный удар был слишком резок для не привыкших к нагрузке мышц. Дрожащими пальцами медик сорвала с запястья браслет в виде змеи. Обернула его вокруг копья, прижала к древку у самого основания наконечника. Полированное дерево, золотой гад и пальцы целительницы равно измазались в горячей красной жидкости. Кровь поверженного противника – последний компонент, что свяжет собой все прочие.

Символ силен лишь настолько, насколько сильна рука, его поднимающая. Да, это не созданный коллегией безупречный инструмент, его не благословляли жрецы и не вкладывали ей в руки сам император. Но знак целителя сопровождал медика десятки лет, а оружие, что сжимали ее пальцы, лишь минуту назад даровало жизнь и победу. Оно было надежно. И оно принадлежало ей.

Вита подняла над головой новую сигну. Когда, обогнув палатки, на улицу перед ними вылетело еще трое вражеских воинов, она спокойно направила им в лица волну иллюзий. Второй раз мысли ее прошли сквозь древко куда быстрее, словно по проложенной колее.

Фокусирующий эффект был четче, а общая сила внушения на выходе умножилась на порядок. Кочевники, глядя сквозь отступающий под самым их носом отряд, замешкались, остановились, принялись рыскать вокруг. И не успели ускользнуть от преследователей. Вита скрыла бегущих вдоль улицы легионеров иллюзиями. Всадники так и не поняли, откуда прилетели стрелы и дротики. Они просто умерли.

Медик выдохнула, опуская копье. И тут же согнулась в кашле. Заставила ноги все так же упрямо сделать следующий шаг. И еще один.

В небо взвился огненный метеор. Затем еще один и еще. Расчертив ночь по полугой дуге, они оставляли за собой огненные хвосты. Вита проследила направление полета, поняла, что пролился пламенный дождь прямо над палатками госпиталя. Общий щит, который должен был прикрывать лагерь от подобных атак, буквально растерзало ветром. Она представила себе, как легко зачарованное пламя проходит сквозь стены палаток, что оно творит с телами оказавшихся внутри. «Авл, не дай боги, ты меня не послушал. Убью своими руками!»

– Кочевники отходят, – раненный в голову легионер говорил нечетко, точно в подпитии. Стонущую женщину он взвалил на плечо, кажется, совсем не замечая лишнего веса. Однако лицо его отворачивалось от света, глаза подслеповато щурились. Под засохшей кровью Вита узнала верзилу, что выполнял этой ночью банный наряд. – Сигнал. Флейты. Слышите?

– Они уводят своих, чтобы можно было перебить нас с дистанции, – прохрипела медик. Повернулась к опциону, что командовал спасшим их отрядом: – Лагерь уже горит, ветер служит противнику. Мы задохнемся тут, как жуки в морилке. Нужно уходить.

Дальнейший путь она запомнила смутно. Идти до ворот было от силы минуту. Но лагерь действительно горел, волны жара и дыма разрывали легкие. Они бежали, подбирали выживших, раненых, оглушенных. Дважды Вита закрывала разросшийся отряд от боевых пятерок, рысущих подобно стаям. Нетерпеливо ждала, пока с ними будет покончено. Каждый следующий вздох и каждый следующий шаг давались все тяжелее.

Наконец они вышли к опоясывающей лагерь полосе чистого пространства и к возвышающемуся за ней валу. Вдоль земляной стены добрались до ворот. Массивные створки были закрыты, рядом с ними виднелись две недостроенные башни, наполовину отсыпанный скат, на который так и не успели поднять метательные машины. Однако изрядный кусок земляных укреплений у ворот просто-напросто отсутствовал. Видимо, хотя основная битва развернулась на севере, часть резвящихся в лагере диверсионных пятерок совершила обход.

– Нам не перетаскать раненых через ров. Нужно открыть ворота. Я проверю, нет ли ловушек-иллюзий. Прикройте. – Вита устремилась вперед.

У недостроенной башни стоял отряд, прикрываемый двумя почти полными десятками. Из-за щитов навстречу ей шагнула вооруженная фигура, перемазанная сажей, кровью и керы знают чем еще. Но даже слой грязи не мог скрыть приметных черт: выдающийся фамильный нос, резкие брови, разрез глаз, когда внутренние уголки подняты к переносице в выражении вечной меланхолии...

– Авл! – выдохнула Вита. Неожиданно обнаружила, что бежит. Ноги сами понесли ее вперед, свободная от копья рука обвила его за шею, нос уткнулся в доспехи, явно снятые с чужого плеча. От него пахло потом и гарью. Вита задержала дыхание, пытаясь остановить приступ кашля. Если ее сейчас скрутит, остановиться будет уже невозможно.

Они отстранились, и медик лишь сейчас заметила, что коллега сжимает окровавленный меч. Корнелий владел оружием весьма неплохо, но сейчас держал рукоять неуклюже, отставив острие в сторону и пытаясь не задеть коллегу. Сама она точно так же сжимала самодельную сигну.

– Нужно уходить.

– Куда? – нетерпеливо, словно продолжая спор, до того ведшийся без слов (и в отсутствие несогласной стороны), спросил Авл.

Вита не стала достаивать ответом нечто, столь очевидное. Обернулась, нетерпеливым жестом призывая своих людей двигаться.

– Скольких тебе удалось вывести?

– Всех, кто был в госпитале. Но, Вита...

– Всех? Военных и гражданских? Ты смог спасти госпиталь?

Авл против воли взглянул туда, где за ее спиной пролился на палатки огненный дождь.

– Ты сказала, уводить всех. Но...

– Отлично!

Вита чуть согнула колени, уперлась надежней ступнями в землю. Подняла копье, направляя его острием к запертым воротам.

«...насколько сильны сжимающие его руки...»

– Открыть! – медик-прима осажденного лагеря изо всех сил дернула створки на себя.

Золотой браслет на древке сжал кольца. Приказ зазвенел, словно отраженный сотнями линз, впился в ворота. Створки разлетелись в стороны.

– Керова семя! – воскликнул Авл. Повнимательней пригляделся к опоясанному змеей древку. – Самодельный фокус? Ты спятила? Это слишком опасно!

– Стрела между глаз опасна. Уходим.

Цепочка поддерживающих друг друга раненых потянулась прочь. Глаза Виты беспокойно обшаривали озаряемую вспышками тьму. Где-то за спиной вновь раздался рокот и рев сражающихся центурий.

– Твои люди у башен? Выводи их за ворота. Я прикрою отход иллюзиями, но придется бежать.

– Куда бежать, Вита? – Напряжение в голосе друга заставила ее обернуться. Судя по выражению лица Авла, он не сдвинется с места, пока не получит ответ.

– В крепость, Тир, – и, предупреждая возражения: – Я была там. Болезнь погашена керами. Заразы нет. Уводи людей, Корнелий, пока их не превратили в мишени для отработки дальней стрельбы.

Он простонал что-то вроде клокочущего ругательства и, развернувшись на пятках, поспешил выполнить приказ.

Соединившись, два отряда насчитывали более сотни душ. Это была бы впечатляющая цифра, если б к ней не прилагалась сотня ранений различной степени тяжести. Эвакуацию госпиталя Авл провел грамотно. Он как-то умудрился наложить лапу на сокровище логистов: две огромные низкие платформы, что скользили без полозьев и без колес в паре ладоней над поверхностью земли. Вместо ухоженных волов в них впрягли многострадального ослика, а также пару безусых новобранцев. Впрочем, груз был им по силам. Оборудование, которое обычно перевозили на платформах, Авл приказал сбросить, а на освободившееся место плотными рядами уложил раненых. Двое медиков забрались к ним наверх и прямо в движении пытались оказать помощь легионеру, получившему сильные ожоги. Доставали из склянки жирных слизней, одним движением вскрывали их, накладывали на очищенные раны. Если соединение проведено грамотно, то пульсирующая, еще живая плоть срасталась с телом пациента. Тонкая кожа слизняка заменяла потерянную человеческую кожу. По крайней мере на то время, пока под защитным покровом не вырастет новая.

Вита, глядя на слаженную работу коллег, вспомнила тех, кого оставила за спиной. И жестко приказала себе не отвлекаться. До безопасности было еще бежать и бежать.

Вопреки всем попыткам подгонять движение, скорость их была далека от желаемой. Если бы не возможность всех неходячих посадить на платформы, она вообще была бы черепашей. Тем не менее в дыхании Виты появился нехороший, сиплый свист.

В голове двоилось от необходимости поддерживать иллюзии. Полное отсутствие эмпатической чувствительности не давало почуять, не выскочит ли на них в следующий момент вражеская конница. Постоянное напряжение и неуверенность вытягивали энергию даже больше, нежели само магическое усилие.

Ария из Мероны, бежавшая рядом со старшим медиком, в очередной раз споткнулась, чуть не упала. Сквозь сжатые зубы девушки пробился короткий вскрик. Вита подхватила ее под руку, подняла на ноги. Пригляделась: босые ступни целительницы были сбиты камнями. Даже в относительной темноте можно было различить, что она оставляет за собой окровавленные следы. Замечательно надежный способ подхватить заразу. Даже если чума погашена керами, это ведь не единственная смертельная болезнь в округе. Не тратя дыхания на ругательства, Вита заставила девчонку забраться на перегруженную платформу. Они почти пришли.

По обе стороны дороги встали оставшиеся от города руины. Впереди темной тучей возвышалась крепость. Единственное надежное укрепление в округе. Оплот Луция Метелла по прозвищу Баяр. С орлом или без, в его способность защитить Вита верила больше, нежели в извергающего за спиной волны пламени золотого трибуна. И на весы этой веры она готова была бросить сотню жизней.

Обладатели упомянутых жизней уверенности старшего медика, увы, не разделяли. Когда стало невозможно притворяться, что, быть может, отряд идет совсем не в зачумленную ловушку, один за другим стали раздаваться неуверенные и вопрошающие голоса. Опцион, едва ли не хором с ней отдавший приказ, несколько ударов тупым концом копья и общая на всех всепоглощающая усталость позволили подавить восстание в зародыше.

Измученные беженцы подошли к воротам, и Вита с отчаянием думала о том, что нужно еще идти вдоль стены, до следующего угла, до секретной калитки. Но огромные створки дрогнули. Крепость Тир распахнула двери перед выжившими медицинской когорты.

Вита прошла внутрь, точно в темное горло сказочного чудовища. Тоннель, ведущий сквозь крепостную стену, все длился и длился. Пройдя его, они оказались отнюдь не во внутреннем дворе, а в прямом каменном коридоре. Еще один уровень защиты. Здесь удобно было запирать ворвавшихся захватчиков и бросать им на головы что-нибудь особенно раскаленное.

Последний поворот и крепость раскрылась перед ними, точно гранитный цветок. Навстречу уже бежали legionеры: те, кто оставлен был охранять выживших вперемешку со своими прячущими под одеждой чешую пленниками. Платформы с ранеными медленно скользнули в центр двора. Над суматохой поднялся голос Авла, собирающего медиков и направляющих их к наиболее тяжелым пациентам.

Вита качнулась было к ним... и в этот момент ее согнуло, наконец, приступом. Началось все с кашля, разрывающего грудь, бросающего на колени, заставляющего содрогаться все тело. На глаза навернулись слезы, она пыталась, пыталась выдохнуть, но воздух не проходил через иссушенное горло, легкие отказывались подчиняться. Вита судорожно сдернула с лица ставший более чем бесполезным шарф, постаралась сосредоточиться, постаралась направить свой дар *вовнутрь*...

– Свет-траву! – взревел над головой Авл. – У кого аптечка? Свет-траву! Жаровню, быстро!

Горячие ладони опустились на спину, тепло начало растекаться по мышцам, но медленно, слишком медленно. Легкие жгло расплавленной болью, в глазах темнело. В сознании всплыло вдруг воспоминание о ветеране, от которого она силой оттащила юную Арию. Божественная справедливость...

– Здесь, медик, – под нос ей сунули горшок с углями. – Вдохните!

Губы и язык окатило светом. Свет залил горло, скользнул внутрь, наполнил легкие пузырящимся сиянием и позволил им, наконец, расслабиться. Вита сделала несколько глубоких, судорожных вдохов. И ощутила, как все тело ее наполняется танцующими светлячками. Отвернулась, показывая, что горшок можно закрыть. Моргая, попыталась прогнать застилавшие взгляд слезы.

Над ней склонилась Лия Ливия. На плечах до боли сжал пальцы Авл – внимание коллеги захвачено было серебряными ручейками чешуи на коже спасительницы. Вита перевернула лопатками, пытаясь напомнить другу, что сейчас не время впадать в религиозную нетерпимость.

– Хорошо, – прохрипела Валерия. – Вы хорошо сделали, что принесли сюда свет-траву. Дайте подышать всем, кто наглотался дыма, даже если симптомы не будут заметны.

– Да, медик, – кивнула пожилая женщина.

Вита прочистила горло, пытаясь вернуть голосу командную уверенность:

– Авл, это прислужница госпиталя крепости. В последние недели Лия Ливия выполняла в Тире обязанности старшего врача. Работай с ней, чтобы помочь раненым. Я вчера оставила здесь полную аптечку, трех змей и все свои записи. Этого должно хватить хотя бы для самого неотложного.

Коллега, наконец, отвлекся от изучения серебристых чешуек, чтобы зловеще нахмуриться в ее сторону.

– А ты?

– От меня сейчас в лазарете толку не будет. – Вита нашарила выпавшее из рук копьё, опираясь на него, встала на ноги. Со второй попытки. – Попробую найти командующего гарнизоном. До крепости мы добрались. Кто-то должен придумать, как теперь отсюда выбраться.

– Лучше ты, чем я, – покладисто согласился благородный Корнелий.

– Несущий орла и сигнифер Фауст наблюдают за битвой с угловой башни, – Лия Ливия, не глядя, ухватила за рукав пронесившегося мимо Нерги. Поставила его перед шатающимся медиком. – Вас проводят.

Из-под взъерошенной белой шевелюры черно хмурились степные глаза. Лия была права. Ребенка надо убрать подальше от наводнивших двор чужаков. Вита бледно улыбнулась неодобрительно взирающему на нее снизу вверх провожатому.

Мальчишка скорчил гримасу, но стремительно развернулся и направился в глубь крепости. Вита коснулась напоследок руки Авла и захромала вслед за ним.

VII

Чтобы подняться на крепостную башню, пришлось преодолеть каскад крутых лестниц. Одна ступенька сменялась другой, и череда эта, казалось, уходила в бесконечность. Вита цеплялась за стены и то и дело останавливалась передохнуть. Нерги, напротив, забежал вперед, затем сломя голову несясь обратно вниз. С мученическим видом пинал ни в чем не повинные стены.

Точно и не он прошлой ночью лежал при смерти, честное слово. Откуда в детях берется столько энергии?

Дверь, на которую мальчишка навалился узким плечом, наконец распахнулась не на очередной лестничный проем, а в яростные степные небеса. Вита наклонила копьё, чтобы не задеть косяк, осторожно выскользнула на смотровую площадку. Нерги, сверкая пятками, подбежал к фигурам, что застыли над разворачивающимся в долине столкновением. Словно мрачные, выжидающие своего часа вороны, подумала Вита. Неохотно захромала вдоль каменного парапета.

Юный степняк остановился, наполовину прячась за спиной аквилифера. Впился взглядом в далекую битву. Кулаки его сжались, спина дрогнула, как от удара. Ребенок степей видел то же, что и беспощадные имперские взрослые. Но перспектива, открывающаяся с его невеликого роста, была иной. Во всех значениях слова.

Баяр, не открывая взгляда от разворачивающейся внизу панорамы, протянул руку к мальчишке, взъерошил и без того стоявшие дыбом волосы. Белые пряди отражали вспышки далекой битвы, почти светились в темноте. Нерги увернулся от прикосновения, точно хмурая аллегория ершистого подросткового достоинства, но плечи его неумовимо расслабились. Аквилифер наклонился, спросил что-то на степном наречии. Ребенок замер на миг. Зло, отрывисто кивнул.

Окаменевшие спины наблюдателей позволили Вите внутренне подготовиться. Она подошла к смотровой площадке. Опустила взгляд туда, где еще не так давно был разбит карантинный лагерь. И лишь усилием воли смогла заставить себя не отшатнуться.

«Мэйэрана Крылатая! Сюда что, собрались все кочевья Великой степи?»

Впервые она поняла, почему племенные войска называли словом «тьма». В сиянии взошедших лун ночь казалось прозрачной, темнота дышала и танцевала в такт военным маневрам. В стороне звездное небо застилало столбами дыма, что поднимались от тлеющего лагеря. А перед ним...

Это обман зрения, конечно, обман. Но казалось, что весь простор вокруг заполнили быстрые конные ряды. Дело было не столько в их количестве, а в том, что они пребывали в стремительном и целенаправленном движении. На долину словно опрокинули огромный муравейник. Одинокие всадники складывались в пятерки, движущиеся слаженно, точно пальцы одной руки. Затем в десятки и сотни, направляемые табунной магией. Отряды сливались в одну бурлящую реку. Потоком, исполинским водоворотом закручивались вокруг центра.

И в этом центре... В центре текли живыми спиралями две белопламенные змеи. Огромные, быстрые, яркие. В их кольцах укрылись выжившие. Ощетинились построением центурии: непроницаемые ряды щитов, искрящееся магией острия копий, развернутые защитным покровом штандарты.

Пока одна змея удерживала центр, вторая сделала резкий дугообразный бросок. В стремительных изгибах ее белого пламени прикрывала фланг тяжелая имперская кавалерия. По прикидкам Виты, там было от силы четыре турмы, по десять всадников в каждой. Где остальные? Потеряны?

– Почему трибун вышел из лагеря? – Старый сигнифер, что прошлой ночью пропустил ее в крепость, резким движением повернулся к медику: – На подготовленных позициях, на укрепленном магией вале обороняться было бы проще.

– Я не знаю, – честно ответила Вита, не в силах оторвать взгляд от сотрясающего дух противостояния. – Но центурии покинули лагерь еще до нападения. Думаю, нас и атаковали в основном для того, чтобы им некуда было отступать.

– Как противник смог подойти незамеченным? Куда смотрели дозоры?

Действительно, куда? Медик сглотнула. Сжала пальцы на древке копья.

– Возможно, дозорным отвели глаза? – Она прищурилась, вспоминая подлетевшего к палатке взмыленного всадника. – Или показали что-то такое, что заставило трибуна подорваться с места и броситься наперехват.

«Выживших Тира, которые пытаются под покровом ночи сбежать из долины? – Вита заставила себя не смотреть вопросительно в сторону Баяра. – В любом случае это было что-то убедительное. Хань тоже осведомлены о преимуществе укрепленных позиций. И составили план так, чтобы их не пришлось штурмовать».

– Обманный маневр, – неожиданно сказал несущий орла.

– Что?

– Это – войско рода Боржгон, значит, ведет его, скорее всего, сам Гэрэлбей, – Аквилер защитным и, похоже, неосознанным движением спрятал Нерги за своей спиной. – Хан любит свои обманные маневры. Ложные отступления. Невозможные засады. Если там Гэрэл, то он выманил противника, а теперь выбирает момент, не желая жертвовать людьми в лобовой атаке.

Сигнифер Фауст с рычанием повернулся обратно к безнадежной битве. Медик лишь сейчас сообразила, что там, внизу, сражались и умирали люди его центурии.

– Сколько их здесь? Десять тысяч? Полная тьма? – На взгляд Виты, вокруг белоламенных змей вились бессчетные орды. Но ее оценку нельзя было назвать профессиональной.

– Пять сотен изматывают врага, столько же в резерве, еще столько же хан Гэрэл прячет где-нибудь на случай неожиданностей. Род Боржгон, конечно, сотрясает небо копытами своих табунов, но и они не в силах за пару недель поднять полноценную тьму. Это всего лишь летучий отряд, вроде вашей когорты. Боевые тумены подтянутся позже.

То, что никаких непокорных крепостей на своем пути они не оставят, несущий орла не считал достойным упоминания. Всем и так все было ясно.

– Если трибун продержится до утра... – сжал зубы Фауст. – Если вызовет центурии, стоящие во внешнем карантине...

– Чтобы их тоже выманили на живца? – не менее гневно перебил Баяр. – Ну нет. Второй раз в одну и ту же западню Аврелий не попадет. Спорить готов, Ингвар уже передал приказ. Внешний карантин вцепится в перевал и носа не высунет из-за укреплений. Чем бы их ни выманивали.

Вита не знала, будет ли этого достаточно:

– Оборону лагеря смели – в буквальном смысле слова. Ловушки и заслоны на подходах не сработали. Защитный вал шаманы сровняли с землей, рва будто и не заметили, прикрывающие с воздуха щиты ветра сдули, точно семена одуванчика. У меня в глазах двоилось, опытные легионеры стыли в панике, забывая о сжимаемом в руках оружии. Не возьмусь судить, сколько у степняков воинов. Но у них серьезная магическая поддержка. Очень. Похоже на полный шаманский круг.

Несущий орла согласно кивнул. Повернулся к сослуживцу:

– Ингвар не вытянет. Как только колдуны меж собой договорятся, ему конец. Трибуну нужно отходить в крепость, причем немедленно.

– Крепость зачумлена.

– И желтые полотна на стенах – единственная причина, по которой нас до сих не тронули. – Баяр поднял лицо, и лунный свет соскользнул с пересекающих его скулы полос. – Аврелий не идиот. Но он должен принять решение, а не пытаться и дальше тянуть время. Такому противнику, как Гэрэлбей, нельзя дарить ни одной лишней минуты.

Вита неуверенно перевела взгляд с одного мага на другого. Чувствуя, как что-то изменится в давлении ночного воздуха, вновь повернулась к битве. В ушах у нее чуть зазвенело, как в термах, при нагревании разрушающего кау обсидиана.

– Гэрэл отводит сотни. Собирает силы в кулак. Сейчас начнется.

Медик даже не поняла, что именно произошло. В ушах бесшумно хлопнуло. И белоламенные змеи, вспыхнув напоследок агонией, рассыпались облаком беспомощных светлячков.

Даже на стенах крепости Вита отшатнулась от ледящего воя, с которым бросились в атаку кочевники.

– Ошма и холера!

Центурии лишь плотнее сомкнули строй. Щиты выстроились в упрямую стену.

Луций Метелл Баяр встал поустойчивей. Поднял руку над лежащей перед ним панорамой.

– Один шанс, – пообещал тихо. – Гай, не дури.

Аквилифер резко сжал кулак. На его смуглых костяшках предательски блеснула чешуя. А под ногами готовые схлестнуться ряды разорвало нечеловечески высоким криком.

Из самого сердца обреченных центурий взвилась в ночь расплавленная ярость. Птица живого металла, перья ее точно лезвия, глаза как неугасимое алтарное пламя, клекот ее подобен грому. Крылья заслонили небо, затмили луны, осветили землю. Огромный орел застыл на миг в точке наивысшего взлета и воплощенным возмездием упал вниз.

Лезвия-перья обрушились на атакующую конницу, точно дождь из мечей. Сопровождавшие Гэрэлбея шаманы действительно были сильны: стальные снаряды скользили мимо всадников, не касаясь ни конской, ни человеческой плоти. Но земля перед ними точно взшедшей травой оказалась усеяна серебряными клинками. Несколько всадников, летевших в первом ряду, кубарем покатались по заточенному смертью лугу. Атака, и без того замедлившаяся, совсем остановилась: кочевники, пуще душ своих берегшие коней, осторожно выводили их из ловушки.

Вита выдохнула. Неверяще уставилась на Баяра. Керова кровь! Несущий не только не держал своего орла в руках, он находился на другом конце долины. Что, похоже, ему совершенно не мешало. Аквилифер сделал еще одно резкое, повелительное движение. Гигантская птица описала над имперцами бдительный круг.

– Аврелий отступает.

Центурии действительно начали организованно и на удивление быстро перемещаться: не напрямую к крепости, но явно в ее направлении. То, что осталось от тяжелой конницы, собралось в хвосте в единый отряд, готовый прикрывать отход.

Несущий орла выдохнул. Положил руку на макушку бессильно наблюдающего за происходящим Нерги. Мальчишка молча тряхнул головой. Зло провел по глазам тыльной стороной ладони.

– А теперь посмотрим, как долго я смогу занимать старую Наран и ее друзей, – диковато усмехнулся Баяр.

– Всегда знал, что рано или поздно ты сцепишься с целым шаманским кругом. Оскорбленного ришийского мудреца и разъяренных жрецов Норанны было мало?

– Звонкая выйдет эпитафия, да? Спустись к воротам. Если потребуется поддержать их вылазкой, ты знаешь, что делать. И если меня тут все-таки оциплют – тоже...

– Понял.

Фауст развернулся по направлению к выходу. Затем замешкался, холодно оглянулся на замершего рядом с аквилифером Нерги. Ход его мыслей легко можно было прочитать по окаменевшему лицу: степняков сейчас от победы отделял один удар в неосмотрительно подставленную спину. Чтобы вонзить нож в почку Баяра, роста в мальчишке хватило бы в самый раз.

Все чувства и мысли несущего орла были, казалось, поглощены сражающейся в небе птицей. Тело его само сделало шаг в сторону, становясь между имперцем и зло нахмурившимся на него ребенком. Вита прочистила горло, ловя взгляд сигнифера, чуть кивнула. Ухватила Нерги за шиворот, оттащила в сторону, точно растопырившего лапы молодого кота. Старый офицер кивнул в ответ, явно доверяя медику-приме проследить и за чешуйчатым детенышем, и за позабывшим себя магом. Стремительно, почти переходя на бег, покинул смотровую площадку.

Дальнейший бой со стороны был почти невидим. Центурии Аврелия пятились к крепости. Кочевники продолжали кружить рядом, время от времени словно выпадая из поля зрения, однако на массированный удар так и не решались. Настоящая битва развернулась

в небе, где гигантский орел парил среди все сгущавшихся туч. Ветер трепал серебряные перья, бросал птицу из стороны в сторону, грозил ударить о землю. Звезды и луны скрыло непогодой, ночная чернота поднялась из углов, растеклась густым маслом. Пляшущий в небе магический свет расплосовал ее резким контрастом.

Черепаша когорты подползла уже почти к укреплениям. Сверху она напоминала скорее полысевшего ежа: сомкнутые щиты, утыканные редкими иголками стрел. Но, несмотря на столь весомые аргументы, у ворот движение замедлилось. Рев столкнувшегося с неподчинением центуриона было слышно даже с угловой башни. Судя по всему, его гнев оказался страшнее любой чумы. Когорта начала вползать в зачумленную крепость.

Баяр резко выдохнул, покачнулся. Вита положила руку ему на запястье. Сердце частит, давление такое, что в глазах, того и гляди, начнут лопаться сосуды. Физическое и нервное истощение...

«Не касайся колдующего мага» было одним из самых базовых правил безопасности. Вита не позволила бы себе его нарушить, не будь она абсолютно глуха эмпатически. Способность видеть чужими глазами и проживать чувства других медик утратила давным-давно. Она знала, что не провалится случайно в чужое восприятие и не помешает магии. И потому могла помочь.

Вита выровняла его дыхание и пульс, через кончики пальцев направила в тело тонкую струйку энергии. Маг встряхнулся, выпрямился, бросил мысли вперед.

Серебряный орел встревоженной насадкой бил крыльями над кавалерийским отрядом. Турмам все никак не удавалось завершить маневр и достичь укрытия. Ветер волнами пронесся над дальними степями, поднял в воздух пригоршни пепла, растрепал белые пряди Нерги. В небе над птицей начинало закручиваться что-то черное и недоброе. Аквилифер оскалился:

– Это серьезно? Они *меня* собираются связать грозой?

Баяр резко выдохнул, мышцы его под прикосновением медика окаменели, уровни энергии резко взвились вверх. Меж серебряными перьями полыхнули ветвистые молнии. Гром грянул так близко, что звуковую волну они ощутили как удар, всем телом.

Орел вскинулся, разрывая невидимые сети, грозовыми порывами расчистил дорогу к крепости. Потрепанные турмы устремились к воротам. Кони и всадники были измотаны, каждый второй взял в седло раненого.

– Аврелий с телохранителями уже в крепости, – едва удерживаясь на ногах, пробормотал маг.

«Это хорошо или плохо?» – подумала Вита. Отступила в сторону.

Повинуясь движению мага, грозовой орел взмыл над стенами. Завис, сбивая крыльями тяжелые тучи. Затем, когда ворота крепости глухо хлопнули, начал снижаться. Медик даже не сразу сообразила, что, теряя высоту, птица уменьшается и в размере. Когда символ легиона пронесся рядом, едва не задев по щеке кончиком крыльев, был он не крупнее обычного горного хищника и вполне уместился бы на подставленной руке. Баяр, однако, покосился на копьё, которое удерживала Вита.

– Прима, вы позволите?

Она без слов передала магу оружие. Тот сжал на древке загорелые пальцы, прикрыл глаза. Короткие темные пряди танцевали вокруг лица, не столько повинуясь ветру, сколько вопреки ему. Нерги с шипением отступил на пару шагов.

Орел нырнул к ним, с хлопком распахнул крылья. Птица опустилась на протянутый насест, по-хозяйски обхватывая когтями острие копья. И, конечно, первым делом попыталась склевать обвившуюся вокруг древка золотую змею.

– Аквилифер! – возмутилась Вита. – Это моя профессиональная сигнала!

Губы мага дрогнули в поспешно спрятанной усмешке:

– Прошу прощения, медик.

Баяр пару раз взмахнул свободной рукой, точно шугая нацелившуюся на червяка курицу. Птица возмущенно раскинула крылья, да так и застыла, с взъерошенными перьями и выражением оскорбленного достоинства в каждой линии клюва. Серебряный орел V Легиона венчал теперь обычное солдатское копье, в ногах у него извивалось женское украшение, а посылающая его в бой рука была украшена чешуей. Вита прикусила губу, чтобы удержать рвущийся наружу смех.

Башня под их ногами содрогнулась, и это заставило вмиг посерьезнеть. Медик едва удержалась на ногах, но следующий толчок швырнул тело в сторону парашюта. Аквиллифер перехватил ее, отступил от края. Нерги мягколапым грациозным котом протанцевал над бездной, без видимого труда удерживая равновесие.

Сквозь подошвы ступнями можно было почувствовать поднимающееся от земли напряжение. Камень, из которого сложены были крепостные башни и стены, налился силой. На поверхности его огненной вязью проступили ришійские письмена. Узор четкими колоннами пересекали выбитые на камне доимперские руны. Часть охранных знаков оторвалась, поднимаясь в небо многослойным защитным ожерельем.

Темноту разбил крик сигнальной флейты. Штурмовые отряды, под покровом иллюзий подобравшиеся к самым стенам, дисциплинированно отхлынули прочь. Где-то далеко, невидимые, низко рокотали барабаны.

– Гэрэлбей пробует укрепления на зуб, – сказал несущий орла, перебрасывая копье в другую руку и разминая сведенные судорогой пальцы. – Не обращайтесь внимания. До рассвета настоящей атаки не будет.

– А после рассвета? – Вита заставила себя выпрямиться. Ноги под ней предательски подгибались, но голос был тверд.

– Нужно спуститься вниз, – маг великодушно проигнорировал вопрос. Не оглядываясь на таящиеся в темноте орды, зашагал к лестнице. – Мне надо поговорить с трибуном.

«Больше всего тебе сейчас надо впечатать обитый чешуей кулак в его породистый нос. Но мы не можем позволить себе раскол. Не теряйте головы, несущий орла. Пожалуйста».

Держа при себе готовые сорваться с языка вопросы и страхи, Вита начала спуск. При взгляде сверху пролеты и лестницы казались еще более крутыми, а перспективы – более безнадежными, чем виделось при подъеме.

VIII

Внутренний двор крепости был заполнен одетыми в доспехи легионерами когорты и закованным в чешую гарнизоном Тира. И те и другие были V Легионом, и этого пока хватало, чтобы не тянуться к оружию. Но напряжение в воздухе можно было попробовать на вкус, точно разлитый над камнями дым.

Вита первым делом окинула происходящее пристальным взглядом медика. И была приятно удивлена. Центурионы не спешили уводить людей внутрь крепости – что бы там ни говорили маги, у легионеров полные пепла и сажи помещения доверия не вызывали. Десятки организованно размещали во дворе, создавая на нем привычный узор лагерной стоянки. Легкораненым оказывалась помощь прямо под открытым небом, а вот всех более серьезно пострадавших все же унесли в глубь укреплений. Судя по тому, что ни единого врача во дворе не осталось, Авл уже наладил работу временного госпиталя.

Баяр взрезал вооруженные ряды, как нос корабля разрезает беспокойное море. Древко увенчанного серебряным орлом копья постукивало по каменным плитам. Препятствия исчезали с дороги целенаправленно шагающего аквиллифера незаметно и без лишней суеты. Вита в его фарватере плыла, словно увенчанная парусами яхта. Она успела заметить, как рука

мага вдруг ухватила за шиворот наступающего ему на пятки Нерги. Прицельный толчок – и мальчишка кувырком полетел в чьи-то объятия. На сомкнувшихся вокруг детских плеч руках блеснула чешуя, и беловолосый степняк растворился в столпотворении.

Под навесом, где не так давно Вита проводила осмотры, собрались офицеры. Гай Аврелий отдал приказ сидящему опциону. Повернулся к Фаусту, кивком приглашая того завершить доклад.

Рядом с командующим прислонен был потрепанный штандарт. И немым укором вышались три осиротевших копыя. Одно было украшено императорскими медальонами, второе пусто, и несложно было догадаться, что именно на нем еще недавно красовался серебряный орел.

Третье древко было обвито змеями белого золота. Кеол Игнвар исчез с привычного места на шаг позади трибуна. Отсутствие его ощущалось, как открытая рана.

– ...вода не иссякнет, но запасы продовольствия при очищении крепости были обращены в пепел. Гарнизон Тира сумел скрыть кладовую с оружием, которое вы сейчас видите в их руках...

– Я лично обработал эту сталь, на ней нет заразы, – вмешался самовольный командующий означенного гарнизона. Особого раскаяния в нем заметно не было.

На мгновение все застыло в равновесии. Затем Луций Метелл Баяр четко, по уставу отсалютовал. Вита вновь вспомнила о ломающем патрицианский нос кулаке.

– Трибун.

– Аквилифер.

– Ваше мнение?

– Гэлэрбею нет необходимости всерьез готовиться к осаде и морить нас голодом. Шаманский круг ведет сама Наранцэцэг, Цветок Солнца рода Боржгон. Перепутать ее силу с чем-то еще невозможно. Если Наран будет верна себе, то просто дождется полудня и соткет из лучей покров-линзу. Остальное светило сделает само. Нас поджарят, точно угрей на сковороде.

Трибун кивнул без тени удивления.

– Несущий орла, займите место старшего мага.

Еще один салют. «Нет. Этот будет бить не раньше, чем все закончится. И скорее всего не Аврелия».

Трибун, чье золото несколько поблекло под потеками крови, повернулся к Вите. Взгляд светло-карих глаз был страшен.

– Прима! Мне доложили о том, как вы вывели людей из лагеря. Вероятно, и в дальнейшем потребуется... мне придется просить вас о помощи. – Даже командующий легионом не имел права бросить целителей в бой. Он мог лишь просить.

Вита поклонилась, не связывая себя, впрочем, никакими обещаниями. Пара брошенных вслепую иллюзий не станут выходом из этой западни. Благородная Валерия прекрасно понимала, сколько она стоит против тысячи конников и полного шаманского круга с легендарной колдуньей во главе. Место медика там, где она полезна более всего: в госпитале.

Она боялась, что ни у кого здесь нет стоящего плана, как нет и особой надежды. Разве что Баяр придумает что-нибудь. Он еще не утратил эту способность – думать.

Медик незаметно выскользнула из круга готовящихся к последней обороне. Направилась в сторону, где в прошлый раз был организован лазарет. Когда Вита шагнула под ставшие уже знакомыми низкие своды, ее встретили крики, запахи смерти, стоны. На сей раз ранеными заполнен был не один лишь зал, а вся уходящая вдаль галерея. Меж покрывал слаженно работали медики когорты. У них на подхвате было изрядное число чешуйчатых помощников.

– Вита! – перехватил ее у входа Авл. Благородный Корнелий царил над упорядоченным хаосом, точно лишенный жалости судия. – Наконец-то! Ты нужна.

– У тебя здесь, похоже, все под контролем, – что впечатляло, учитывая, в каком состоянии медики добрались до крепости.

– Гарнизон помог. Они здорово поднаторели в уходе и простейшей помощи.

– Ну, еще бы.

Благородный Корнелий втолкнул ее в затемненное помещение, куда после первичной сортировки приносили умирать безнадежных. Медики лишили их способности ощущать боль и оставили в надежде, что рано или поздно появится лишнее время. Или лишний целитель, искусный настолько, чтоб взяться за подобные раны.

Авл, понизив голос, спросил:

– Насколько все плохо?

– В историю мы войдем героями. Заслоном, погибшим на пути орды. Поэты восславят оборону Тира в веках.

– Вот лживые мыши! – высказал свое мнение потомственный всадник. Вековая слава его не прельщала. – Ты была права, моя прима. Не надо было тащить за собой Квинта.

Валерия Минора, когда ее подняли посреди ночи и попросили направиться в эпицентр эпидемии, запретила кому бы то ни было за собой следовать. Благородный Корнелий, напротив, к когорте присоединился в окружении должной свиты. Авла сопровождали: трое учеников, стареющий слуга по имени Квинт (в медицине разбиравшийся лучше, нежели те трое, вместе взятые), личный серпентарий, гора поклажи и прилагающийся к оной грузовой ослик. Всех их, что характерно, коллега сумел вытащить из пылающего лагеря. Даже змеи с ослом были как бы между делом доставлены в крепость и пристроены в безопасном месте.

Вита вежливо отвела взгляд, давая коллеге возможность вновь нацепить на лицо циничную маску.

– Надо было требовать тройной оклад, – мрачно подытожил Авл, надевая свою профессиональную роль, как воины надевают доспехи. Коснулся ее плеча, направил к длинному ряду умирающих:

– Начать нужно с него.

У Виты перехватило дыхание. Первым среди безнадежных угасал перед ней Кеол Ингвар.

Его завернули в окровавленный штандарт, да так, судя по всему, и вынесли с поля боя. Медик опустилась на колени перед несущим змей, осторожно отвела пропитанную болью и магией ткань. Смуглая кожа пациента еще больше потемнела от синяков, изящное телосложение полуриши обернулось вдруг впечатлением детской хрупкости. Доспехи не давали понять, сколь сильный урон нанесен скрываемому ими телу. Волосы слиплись от крови настолько, что невозможно было различить, где там седые пряди, а где – иссиня-черные. Но самые серьезные раны глазами все равно не увидишь. Чтобы вывести из строя мага империи, шаманы прежде всего атаковали бы его разум.

Вита кончиками пальцев нашла нетронутую вену на шее, коснулась. И к собственному изумлению поняла, что тут еще можно что-то сделать.

Медик глубоко вздохнула, успокаивая разум и чувства, поднимая из глубин тела новые силы. И приступила к работе.

IX

Ночь слилась для нее в вереницу ранений и травм, с которыми следовало разобраться. Команды, сколоченные из медиков когорты и направляемых Лией Ливией добровольцев, работали вполне слаженно. Вита отдавала приказы, распределяла операции и пациентов,

ругалась из-за скудных запасов. У них закончились перевязочные листья, показали дно склянки с противоожоговыми слизняками. От запаха свет-травы по бронхам гуляли быстрые светлячки.

Сводьы наполнены были звуками четкого сосредоточенного хаоса. Пару раз Вита слышала также рокот и крики битвы и, приложив ладонь к стене, ощущала сжимающее камни напряжение. Но, судя по тому, что ее так и не попросили подняться на укрепления, Баяр оказался прав: ночью настоящего штурма не будет.

Когда небо в бойницах начало светлеть, а над башнями забрезжили первые отблески зари, Вита поняла, что начинает путать диагнозы. Голова ее была звеняще легкой. Следующий пациент этой легкости мог и не пережить.

Медик с трудом поднялась с затекших коленей. Сказала, что отправляется на отдых. С минуту она стояла над свободным матрасом, созерцая открывающиеся перспективы. Затем бесшумно выскользнула из лазарета.

Колени ныли. Как и шея, спина, ягодицы. Медик прошла по двору, пытаясь размять мышцы. Обнаружила, что ноги сами несут ее к чередке знакомых лестниц.

Дозорных поставили над воротами, на стенах, а также на центральной, самой высокой из обзорных площадок. Здесь же, на угловой башне, было тихо и безветренно. Вита запрокинула голову к почти уже невидимым звездам. Медленно опустила взгляд к наливающемуся светом горизонту.

Степь раскинулась вдалеке, насколько хватало глаз. Она похожа была на серебристо-сизый, туманный океан. Мягкие линии, пастельные тона, хрустальная утренняя нежность. Сложно было представить себе вид более обманчивый и предательский, нежели растянулся на север от пограничной крепости.

Вита обернулась, посмотрела на высившиеся за спиной горы. Долина Тира вырезана была в их склонах подобно чаше, один бок которой отломился. В самой западной точке этого слома во времена риши-дэвирских войн возвели крепость. С ее стен можно было увидеть и самую восточную точку: скалу, на которой чернел обгоревший остов наблюдательной башни. Чтобы перекрыть такое расстояние войсками, нужно много людей и серьезные укрепления. Однако при поддержке крепостных заклинаний по-настоящему сильный маг способен был накрыть атакой любого, попавшего в поле его зрения. Что, скорее всего, и стало причиной назначения сюда Баяра. Стиль аквилифера прекрасно подходил для обороны подобной позиции.

Благородная Валерия обежала взглядом чашу долины. С горных склонов спускались ручьи, образовывали небольшое озеро. Было заметно, что за последние недели оно здорово обмелело: дорога шла в стороне от воды. Рядом можно было разглядеть то, что осталось от небольшой усадьбы. Когда карантинные войска дошли до нее, выживших там не нашли.

На дальнем берегу виднелись пожарища, оставшиеся на месте редких ферм. Тир всегда был сравнительно безлюден, но кто-то пытался высадить на этих склонах рощи. Даже разбил молодые виноградники.

Над ними можно было различить вал и заставы внутреннего карантина, откуда три дня назад спустилась когорта Аврелия. Там, вдали, долина резко сужалась и поворачивала на запад. Дальше с крепостных стен дорогу было уже не разглядеть. Вита знала, что какое-то время путь еще следовал вдоль речного русла, пока, где-то на расстоянии дневного перехода, не взбирался к укрепленному перевалу и лагерю внешнего карантина. Блокада Тира была весьма плотной. Ни одному зараженному не позволили проскользнуть в сторону метрополии.

А вот те, кто бежал в степь, судя по всему, проблемой империи уже не считались. Медик до боли сжала зубы. Заставила себя найти взглядом результат, в который вылилось подобное отношение.

Кочевники остановились на им одним ведомой границе между степью и имперской территорией. В сумерках еще можно было различить красные отблески их костров. Точно кто-то зачерпнул углей и швырнул на фреску, в ожидании, пока все вокруг вспыхнет яростным пламенем.

Чуть в стороне, над дорогой, землю будто прижгли клеймом. Поверх холма, где разбит был лагерь когорты, чернела темная, уродливая рана. Вита отвернулась, опуская взгляд, к иссушенным костям мертвого города.

Дальние кварталы, более бедные и построенные из менее прочных материалов, были развеяны в пыль. Об их существовании напоминали лишь редкие фундаменты да ограда, некогда охватывавшая рынок. Чем ближе к крепости, тем больше сохранилось домов. В крупных поместьях выгорела лишь обстановка. Сами же здания так и стояли, точно выброшенные на берег раковины. Для того чтобы возродить эти владения, новым обитателям не потребуется сильно тратиться: привезти мебель, предметы роскоши. Научиться не обращать внимания на призраков.

Глаза сами нашли дом Руфинов. Массивный прямоугольник основного здания, затененный внутренний дворик в обрамлении тонких колонн. Там, в центре, атриум, где она осматривала тела детей. Личные покои чуть дальше. Спальня, где рыжеволосый хозяин навсегда остался рядом со своей супругой.

Плечи Виты поникли, уголки ее губ опустились в горьком изгибе. Здесь, глядя на расцвеченный восходом степной горизонт, слишком легко позабыть обо всем остальном мире. Боль и смерть за спиной, смерть и пепел у ног. И осаждающая армия, что оцепила стены. По сравнению с этим все прочее кажется столь незначительным...

Возможно, на этой самой башне стоял комендант Блазий. Смотрел на дом своего брата, на пустую, бескрайнюю степь. Ощущал тяжесть вверенных ему жизней. Принимал решение.

И совершал ошибку.

Сколь бы одинокой, сколь бы изолированной она себя ни чувствовала, за пустотой этого горизонта остался целый мир. Нельзя упускать из виду общую картину. Блазий остановил эпидемию. И подставил под удар тех, кого пытался спасти.

Вита нахмурилась, глядя на руины. Вспомнила об алтаре семейных духов, о возложенной на него крылатой статуе. Какова теперь будет судьба старшей Руфины? Благородного рода, одаренная умом, волей, магией. Племянница Коменданта-который-заключил-сделку-с-тьмой.

Все, кто хоть что-то понимал в этой жизни, будут знать, чем обязаны Блазию. Мор не чтит границ. Зараза могла просочиться через степь, опустошить империю, ударить и по праведным дэвир, и по ришам, этим самопровозглашенным служителям добра и света. Но угроза не имела значения. Цена не имела значения. Тот, кто продался врагу, сам становился врагом.

Могущественным. Непостижимым. Наводящим ужас.

Завещание Тита Руфина вдруг обрело новый смысл. «Да падет на них мое посмертное проклятье». Последняя воля становится куда более весомой, когда за исполнением ее может проследить терзаемый виной младший брат.

Руфину Маджору не тронут. Просто не посмеют. Потому что в любой момент – через год, десятилетие, через сотни лет – дядя ее, беспощадный темный кер, может подняться со своих подводных рубежей. Заглянет на пару дней домой, разомнет ноги на твердой земле, проведает родичей... и их обидчиков. Прецеденты в прошлом были. Проверенные, задокументированные случаи можно пересчитать по пальцам. Однако ужас и непостижимая, нечеловеческая справедливость подобных историй легли в основу бесчисленных легенд. А также песен, поэм, сказаний, притч и законов. Красота и беспощадность тьмы вплетены были в ткань бытия не менее прочно, нежели воля сотворивших мир светлых богов.

Последней в семье Руфинов с этого момента грозила жизнь прокаженной. Среди гремучей смеси из страха и благодарности, когда и то и другое оборачивается враждой. Под внимательными взглядами, что отслеживали любую активность Ланки. Одни увидят в девушке рычаг, через который тьму можно использовать для своих целей. Другие – кто знает, как тщательно керы выбирают своих новобранцев, – станут искать в племяннице те качества, что отличали ее дядю. Третьи...

Вита подняла руку, разглядывая в неверном свете свои тонкие пальцы.

Рыжеволосой отличнице придется очень сложно. Отец сделал для нее все, что мог – дал независимость и лишил любых иллюзий относительно семейной поддержки. Остальное – в ее собственных руках.

Медик сжала ладонь в кулак. Посмотрела тоскливо на просыпающийся лагерь кочевников. В ее руках. Ее решение. Ее судьба.

– Только скажи слово, Приносящая жизнь. – Голос за ее спиной был богат обертонами, точно песнь моря. – Эти славные воины вдруг вспомнят о деле, совершенно неотложном. И далеко. Где-нибудь на другом конце великих равнин.

Благородная Валерия обреченно закрыла глаза.

Его присутствие она чувствовала спиной. Не касаясь, но так близко, что кожей ощущаешь живое тепло. Сосредоточие силы, власти, бесчисленных возможностей. И легкий, едва ощутимый запах соли. Запах океана, столь неуместный в глубине континентальных массивов.

– Ради праздного любопытства, – ей удалось найти интонации почти безмятежные, – почему вы тянули недели, прежде чем вмешаться? Ждали, пока они сами попросят о помощи?

Собеседник фыркнул. Горячий от чужого дыхания воздух мимолетно поцеловал ей затылок.

– Чтобы дожидаться от смертных мольбы о спасении, особого терпения не требуется. Эпидемия еще и не разгорелась, а каждый второй уже готов был взывать к бездонной тьме.

– И что же?

– Каков прок от балласта, что ждет, будто мы разрешим все их беды? У Ланки и своих хватает. Нам нужны те, кто поможет с ними разобраться. Блазий ни о чем не просил. Он действовал, как считал нужным. Мы посмотрели на коменданта Тира в ситуации безвыходного отчаяния. И, когда увидели достаточно, ему было сделано предложение.

Вита кожей ощутила: тот, кто был рядом, поднял руку. На спину ей легла теплая ладонь. Медленным, ласкающим движением поднялась к основанию шеи. От прикосновения по телу растеклись горячие волны.

У нее перехватило дыхание смесью блаженства, слез и злости. До чего же ты довела себя, благородная Валерия. Как изголодалась по обычному человеческому теплу, что готова от всего отказаться ради одного только поддерживающего прикосновения. И, во имя бездонной, беспамятной тьмы, керы действительно мастера искушения. Уязвимая точка была учтена безошибочно.

– Блазий – человек действия, он долго не раздумывал. – Напоминающие о дальнем прибое слова текли по ее коже. – Однако в некоторых случаях ожидание уместно. Четыре десятка лет – не великий срок, Вита. Ты можешь назвать свою цену в любой момент. Не обязательно все здесь должно закончиться бойней.

– Нет? – Медик заставила голос свой звучать легко, чуть насмешливо. – Если судить по «спасенному» гарнизону Тира, я, пожалуй, предпочту стрелу в горло. Так будет быстрее. И чище.

Ладонь поверх ее шеи без предупреждения сжалась, пальцы окаменели. Впервые за долгое время Вита физически, прямо сквозь кожу ощущала чужую ярость. Шутки закончились.

«Да помогут нам боги. Ланка и правда оплошала, причем публично. Как же он зол!»

– Вербовкой коменданта Тира занимались боевые части из ожерелья защитных крепостей. Накейтах увидела годного новобранца и не стала особо вдаваться в детали. Больше подобного не повторится.

Упомянутое вскользь имя владычицы морских легионов и героини жутчайших из мифов заставило мысли споткнуться. Будто взгляд из-под воды: перспектива исказилась. Мир стал на мгновение странным местом, где княгиня тьмы могла сесть в лужу. Где сама Неистовая Накейтах вынуждена была оправдываться перед равными, точно медик перед жреческой коллегией. Вита представила сюрреалистическую картину: «Разбор полетов на Совете отчаяния». И поспешно сосредоточилась на собственных бедах.

Хватка на ее шее вновь стала нежной-нежной.

– Не бойся, моя Вита. Твоим случаем я занимаюсь лично.

Медик вцепилась в ритм своего пульса, удерживая его от заполошного бега. С нарочитым раздражением дернула плечом, показывая, что хочет свободы. Большой палец в последний раз скользнул поверх ее артерии, но ладонь с загибкой исчезла.

Выдох. Шаг вперед. Поворот. Будь спокойна, будь равна, будь уверена. Главное – не показывать страха. Кер все равно учует, но они ценят умение властвовать над страстями.

Вита подняла взгляд на то, что ждало за ее спиной.

Загорелая кожа, светлые, выгоревшие на солнце волосы. Глаза цвета темной морской синевы. Чтобы смотреть в них, не нужно слишком далеко запрокидывать голову: для мужчины он был не так уж высок. Почти по-ришійски легкий, со стремительным обтекаемым сложением пловца.

Стоя на расстоянии вытянутой руки, легко было поверить, что перед тобой – почти человек. Моряк, рыбак, житель побережья. Один из бесчисленных пленников, утащенный в подводную Ланку. Вита знала, сколь обманчиво это впечатление. Князь лана Амин родился чистокровным кером, и не было в нем ничего человеческого. Да и быть не могло.

От горла и до кончиков пальцев прищелец был закован в доспехи облегающей чешуи. В рассветных лучах бронзовые пластины горели, почти обжигая глаза. Но еще сильнее жгла ирония: то, что Баяру и его людям грозило смертным приговором, для настоящего кера было чем-то вроде сменной туники. Клятый оборотень способен был избавиться от чешуи одной лишь мыслью. Он просто не считал нужным выглядеть, как сухопутные аборигены.

Дессамин, правитель подводного лана и, как она подозревала, величайший из медиков их мира, с вызовом поднял бровь.

– Вы совсем не изменились, всецелый князь, – вынуждена была признать Вита. Ирония обращения «вселемый» к существу, на которое смотреть больно из-за отраженных лучей, от нее не укрылась.

– А ты все взрослел, – признал он, судя по всему, вполне этим фактом довольный. – Исполним еще раз привычный танец?

Вита молчала.

– Я могу предложить тебе жизни всех в этой крепости. И всех, кто стоит перед ней на равнине, – небрежное движение левой рукой обозначило оцепившие стены войска. Кисть кера была обнажена – должно быть, именно ее прикосновение Вита и ощутила на собственной шее. Без чешуи кожа подводного владыки казалась слишком бледной, но ногти на солнце блеснули бронзой.

– Князь, вы щедры.

– Но мы ведь это проходили, не так ли? Ты отказалась выкупить жениха, вылечила его своими силами. Сын жабы показал, насколько он того не достоин. Ты отказалась принять средство от бесплодия, сумела выносить двух сыновей. Один не выжил, другой не простил. Ты входила в зачумленные города, на себе испытывала лекарства, выступала перед сенатом. Но даже от побед тебе оставался лишь пепел. Не пора ли попробовать что-то новое?

– Продать душу просто разнообразия ради. Действительно, ново.

– Вита, проблема ведь не в тебе. Проблема в том мире, что тебя окружает.

– Вы предлагаете новый мир?

– Я предлагаю тебе Ланку.

На это она не могла не рассмеяться. И если в смехе звенели истерические нотки, кто посмел бы судить?

– Ланку? Всетемный князь, помилуйте. Если совесть вам по должности не положена, остается еще и честь. – Вита прищурилась: она годами собирала сведения, пыталась из путанных сказок выжать твердые цифры. – Сколькие из новобранцев, бросаемых на защитное ожерелье, переживают первый год службы? Первое десятилетие? Я не воин. Моя Ланка, со всеми ее чудесами, закончится в первом же бою.

– В каком бою? – Удивление морского гада казалось вполне настоящим. – Кто тебя туда пустит? Во имя ваших лицемерных богов, Вита, что ты несешь?.. – Он тряхнул головой. – Даже Накейтах не отправила бы медика в ранге прима на передовую. Но позволь напомнить: с тобой сейчас говорит не стража защитного ожерелья. Тебе, Вита, прямая дорога во внутренние владения. В лан Амин, с его лабораториями, тестовыми полигонами, архивами. Я ищу целителя-практика в свою команду. Ты вступишь к нам, точно давно потерянная сестра. Возможно, впервые в жизни.

Такого... не поминалось ни в одной из летописей. Совершенно точно. Вита качнулась назад. Глаза ее своей волей проследили путь солнца, что с беспощадной неизбежностью поднималось все выше.

Кер шагнул почти вплотную. Бережно, но непреклонно взял в ладони ее лицо, повернул к себе, заслоняя все прочие беды. Кожа левой руки была мягкой, даже нежной. Чешуя, покрывавшая правую, ощущалась, точно пластинки полированного металла. Обе ладони равной степени излучали живое тепло.

– Только представь, прима. Сейчас ты используешь перевязочные листья, свет-траву, цветы Леты. Хочешь понять, как они были созданы? Сотворить новые, лучшие, свои собственные? – Шелест голоса затягивал, точно омут. – Не пить вслепую лекарства, а точно знать, как работает твой организм. Что в нем сломалось. Что можно улучшить.

Голова шла кругом, и кружился беззвучно ставший вдруг блеклым мир. Вита поняла, что дрожит, балансирует на краю пропасти – и не только той, где обрывался парашют башни. Искуситель. Воистину, искуситель. Уязвимая точка найдена безошибочно.

– Какой смысл сражаться с болезнью, гася лишь симптомы? Неужели тебе не хочется вникнуть в природу недуга? Разобраться, что его вызывает? Понять суть? Работать с причиной?

«Общая картина, – как молитву, оглушенно повторяла себе. – Помни об общей картине. Ты не видишь дальше его слов и своего страха. Но мир не кончается за линией горизонта. Как не кончается само время».

Вечность – это очень долго, если провести ее в рабстве.

– Всетемный князь, отпустите меня, – сказала Вита.

На мгновение показалось, что сейчас ее сбросят с башни. Но нет. Кер, лицо которого превратилось в бесстрастную маску, отвел руки. И даже шагнул назад.

– Я разочарован. Валерия Минора Вита, медик ты или нет?

– Прошу простить мое несоответствие вашим ожиданиям.

Вита была медиком. Более того, она знала себя в достаточной мере, чтобы в этом не сомневаться. Требования керов и их представления были, откровенно говоря, их же проблемой. Тянуться к неведомой планке и прыгать с обрыва «на слабо» – для тех, чье самоуважение строится на чужих похвалах.

– «Где бы ты ни был, там будешь именно ты», – процитировала благородная Валерия. – Я польщена высокой оценкой со стороны лана Амин. Но никогда не понимала его критериев. Всетемный князь, я не пойду с вами.

И, не без оснований полагая, что окончательного отказа может не пережить, добавила: – Не сегодня.

Уголок его губ пополз вверх: кер без труда разгадал причину последнего уточнения.

– Я все же задержусь пока. Посмотрю, чем закончится столь занимательная история. Кто знает, вдруг к полудню что-то изменится?

– Возможно. – Вита знала, что чем ближе к зениту солнце, тем более убедительными будут казаться его аргументы. Когда с неба обрушится обжигающая волна и выбор встанет во всей своей уродливой неприглядности, кер будет рядом. На расстоянии протянутой руки. От этого хотелось кричать.

– Прошу вас меня оставить.

Не трата больше слов, Дессамин сделал полшага назад. Пол под его ногами вдруг плеснул, точно разбившаяся о лодыжки волна. Вот только что князь тьмы стоял в лучах отраженного бронзой солнца – а затем канул вниз. Нырнул в камень, что стал для него на мгновение послушной воды.

И хотя бы одна защитная руна взблеснула на поверхности. Хоть одна.

Вита какое-то время стояла, по инерции держа спину ровной, а голову – высоко поднятой. Затем ноги ее медленно подогнулись. Медик где была, там и опустилась на колени. Осела прямо на камни, спиной к открывающейся с башни панораме. Оперлась на ладони. Начавшее припекать солнце грело голый затылок. Разум метался в попытках просчитать варианты. С каждой минутой они становились все скуднее.

«Сделки с Ланкой слишком дорого обходятся тем, кого мы оставляем за спиной. – Ей было ради кого жить. Все еще – было. – Соберись. Выход есть. В чем заключаются интересы каждой из сторон этого противостояния? В чем их цели?»

В нескольких шагах от склоненной головы прошелестели по камню подошвы. Вита застыла. В груди у нее тихим хрустом надломилось что-то неосязаемое, но от этого не менее стержневое.

– Убирайтесь в бездну! – Медик подорвалась с пола разъяренной змеей. – Я сказала, что никуда не пойду!..

Крик примы зазвенел, грозя сорваться на визг.

Вместо самодовольного кера перед ней замер, недоуменно моргая, аквилифер Баяр. Несущий орла где-то раздобыл пластинчатый доспех, дополненный коротким легионерским мечом. Линии чешуи на его лице казались татуировками текучего оникса.

– Медик?

– Я, – она с трудом, болезненно сглотнула, – прошу прощения. Я приняла вас за другого.

Ответная пауза длилась не дольше секунды.

– Понимаю, – кивнул несущий орла. Учитывая, что сотворил последний комендант Тира, офицер этой крепости мог действительно понять.

Баяр поднялся на башню по единственной лестнице и по пути ни с кем, кроме часовых, не разминуся. На смотровой площадке, отведенной для магов, Вита была одна. Если при этом она здесь с кем-то разговаривала, напрашивались два очевидных вывода. И лучше бы аквилифер решил, что бедняжка медик под давлением страха сходит с ума.

Если пойдут слухи, будто Валерию Минору Виту преследует князь лана Амин, предлагая ей свои лаборатории и библиотеки, жизнь благородной примы здорово осложнится.

– Трибун Аврелий собирает силы для атаки? – спросила она в попытке отвлечь.

– Сидеть на сковородке, ожидая, пока всех поджарят, бессмысленно, – кивнул несущий орла. – Шансов в открытом поле у нас мало. Но не делать совсем ничего – худшее из решений.

Баяр подошел к краю, хмуро оглядывая порядки врага.

– Да, – присоединилась к нему Вита. – Я как раз об этом размышляла.

– М-мм?

– Доступное нам поле выбора по форме напоминает воронку. Широкую в начале пути, но стремительно истончающуюся к концу. Каждый раз, когда мы принимаем решение, призванное сохранить статус-кво и оттянуть развязку, пространство для маневра сужается. Часть доступных ответвлений отсекается. Варианты исчезают. Каждый последующий выбор – еще менее приемлем, чем предыдущий.

Если слишком долго тянуть, даже керы не в силах будут остановить катастрофу. За секунды до солнечного удара Дессамин успеет разве что эвакуировать саму Виту. Не больше.

– Нас затянуло в водоворот и продолжает чудовищной силой увлекать вниз. Нужен рывок вверх и в сторону. Но я никак не могу сообразить, где здесь верх. И что это должна быть за сторона.

Маг смотрел на нее так, будто благородная Валерия стала вдруг интересней вражеской армии.

– Вы, похоже, не в первый раз оказались в подобной воронке.

– Она знакома любому медику. – Вита бледно улыбнулась. – Но, честно говоря, более всего происходящее напоминает последние годы моего замужества.

К ее удивлению, подобное сравнение не оборвало разговор на корню.

– Вы ведь были супругой сенатора Вития, не так ли? Он через вас получил столь звонкое имя?

– Он был болен. Каскадная лихорадка смертельна, но он выжил, последний в роду, что и было отражено в имени. Войдя в дом супруга, я стала называться по его когномену. Как и принято.

Она говорила с рассеянным безразличием, которое последние годы уже не требовало притворства. Воспоминания поблекли: установленная в нарушение всех приказов связь жизненных сил, долгие часы борьбы, когда юная целительница пыталась вытащить с того света двоих. Вита была медиком. Она ни о чем не жалела. Но почему-то продолжила:

– Оказалось, что одно из осложнений каскадной заразы – перенесшая ее женщина не в силах выносить ребенка до срока. Супруг мой был старинного патрицианского рода. Ему нужен был сильный наследник. Мы расстались.

Она не винила Вития за развод: на тот момент Валерия Минора превратилась в такой клубок горя, вины и одержимости, что, будь ее воля, сама бы от себя сбежала. Но благородный сенатор отказался признавать сыновей, что родились недостаточно крепкими для его древнего рода. Это заставило ее, наконец, посмотреть правде в глаза. Ну и Дессамин, впервые удостоивший ее личного визита, оставил после себя такой прилив злости, что ей хватило для приведения себя и своей жизни в порядок. Клятый кер, вновь разбередил старые раны...

Вита сжала зубы:

– В той ситуации интересы Вития были просты: он хотел здорового наследника. Я позволила себе раствориться в его интересах. И едва не поплатилась жизнью, душой и разумом. Сейчас расклад более четок. Наша цель – не позволить себя убить. Собственному страху, имперским начальникам, степнякам – не принципиально. Согласны?

– Хотел бы я назвать нечто более... стратегическое. Но в ближней перспективе? Да. Наши интересы довольно точно отражаются словом «выживание».

Медик прищурилась на степные кибитки:

– Вопрос в том, какое слово отражает интересы кочевников? Самосохранение? Или месть? Последнее с нашим выживанием не совместимо. Но с первым еще можно найти общие точки...

– Месть? – Баяр довольно искренне изобразил недоумение. – Почему месть? Степь, конечно, всегда рада вспомнить былые обиды...

Вита обожгла его взглядом, полным такой бессильной ярости, что маг отступил. Инстинктивно перевел копьё в защитную позицию. Взгляд медика взлетел по древку, остановился на венчающем острие орле. Гордая птица раскинула крылья, золотая змея оплела ее когти подобно ленте.

Символ имперской власти и символ медицинской чести. Соединенные, чтобы создать оружие. Прелестно.

– Да поздно уже охранять государственные тайны, аквилифер. И бессмысленно. Любой более-менее компетентный медик способен узнать заразу, созданную нарочно. – Она протянула ладонь, кончиком пальца постучала по его окованным чешуей костяшкам. От прикосновения пальцы мага сжались на древке, но рука не дрогнула. – Чума, которая вас разукрасила, собрана из компонентов, совершенно несочетаемых. Они никогда не смогли бы соединиться в химеру без посторонней помощи. От всего расклада на пол-империи несет очередной попыткой превратить болезнь в оружие. На сей раз – повернутое против кочевых племен.

– Вы не правы.

– Нет? Первый случай болезни был вызван врачами крепости Тир. Здесь, в военном госпитале. Вы «помогли» караванщикам рода Боржгон, которые затем ушли в степь. И разнесли заразу. За три недели могло обезлюдеть целое кочевье. А потом пришел дождь, щедро разлитый тьмой над всеми окрестными землями. И те, кто выжил, скорее всего, пали от сабель своих же родичей.

– Медик...

– Почему под стены Тира заявилась обозленная армия? Почему кочевники, так чтящие целителей, во время атаки именно врачей превратили в свои основные мишени? – Она слепым жестом простерла руку над выжидающими сотнями. – Да потому что они считают, что мы наслали на них мор! Вот почему!

– Медик, вы ошибаетесь! – с полным самообладанием отрезал Баяр. – Степь всегда неспокойна, но последние годы конфликтов стало куда меньше. При коменданте Блазие открылись караванные пути в Дэввию. Он развернул торговлю, выгодную кочевникам не меньше нашего. Меня самого почти усыновил род Боржгон. Нет никаких причин...

– Хватит врать! – Вита услышала дребезжание металла в своем голосе и поняла, что сейчас сорвется. – Хватит уже. Да, нет никаких причин. Ни стратегических, ни экономических. Граница стабильна, какой не была уже очень давно. Даже мне ясно, что племена не были готовы к войне. Так почему же здесь сам хан Гэрэл? Какая еще может быть причина?

Несущий орла ухватил ее за руку, жестами которой Вита по всем канонам ораторского искусства подчеркивала риторические вопросы. Медика довольно бесцеремонно утанули подальше от края площадки. Слова Баяра звучали успокаивающе. И на диво логично:

– Благородная Валерия, в Тире не создавали болезней-оружия. Я знаю совершенно точно. Комендант допросил Лию Ливию. Она была прислужницей в госпитале, находилась там неотлучно.

Вита смотрела неверяще, и маг повторил, уже более настойчиво:

– Лия Ливия помогала заболевшим из того каравана. Она каждую минуту была рядом с целителями. Видела все своими глазами. Старший врач крепости пытался создать яд жизни, но что-то пошло не так. Он не знал, что именно. До самого конца пытался понять. Он где-то допустил ошибку.

Это было как удар. Валерия Минора Вита ощутила, что сознание ее выскальзывает за пределы бытия. Разрозненные части головоломки смешались в мыслях, царапая острыми гранями.

Проклятье, которое ее чутье медика восприняло, как на редкость кривое благословение плодородия.

Имперский врач, пытающийся лечить от степной магии, будто от особо тяжелого случая насморка.

Боевики защитного ожерелья Ланки, что, не особо раздумывая, опрокинули на проблему ливень своих трансформирующих зелий.

– Ошибка... Они *все* ошиблись.

Чешуя, улучшенная реакция, мышцы, ставшие более эластичными и эффективными. «Табунное» надсознание там, где его быть не могло просто по определению. Картина сложилась. Все детали встали на место.

– Мэйэрана Крылатая, – прошептала, не веря, – неужели во всей этой истории не нашлось *никого* компетентного?

Вита сжала виски, пытаясь упорядочить причины и следствия. Что на самом деле произошло. Что это означает для них в настоящий момент. Какие последствия каждое из каскада событий будет иметь в будущем.

Краем сознания отметила, что несущий орла, глядя в ее слепые глаза, вдруг оскалился, бешено и торжествующе.

– Трибу... Я хотел сказать, медик! Вы что-то поняли. Да не молчите же!

– Боги, столько смертей! Так глупо.

Баяр схватил ее свободной рукой за плечо, хорошенько встряхнул. Вита смотрела сквозь него. Мысли неслись, точно воды лавирующей меж порогов реки. Река. Воронка. Водопад. Как вырваться из потока, набравшего такую чудовищную инерцию?

Заставив тех, кто пока еще на берегу, протянуть тебе руку. Как еще?

Вита со свистом втянула воздух. Змеей вывернулась из хватки мага. Метнулась к выходу из башни.

Она едва вписалась в дверной проем. Почти не ощущая боли в ушибленном плече, бросилась вперед. По лестницам разменявшая шестой десяток матрона неслась, аки газель горная. Усталость ее смыло потоком открывшихся вдруг путей.

– Спорить готов, вы – рыжая. Еще одна на мою голову. – Баяр схватил ее за руку, не давая упасть.

Благородная Валерия, в редких случаях, когда ей удавалось отпустить волосы, была чернокоса. Однако аквилифер явно говорил не об оттенке ее кудрей.

– Медик, потише!

– У меня есть план.

– Да я уже понял. – Баяр, вопреки неторопливому тону, сам летел через три ступеньки. Взятое наперевес копьё ему в том совсем не мешало. – Надеюсь, в него не входит сломанная шея?

– Смотря чья!

Валерия Минора Вита обрушилась на заполненный легионерами двор, точно дэвир на оплот тьмы.

«Будь спокойна, будь ровна, будь... да провались оно все в бездну! Нет времени на эту чушь!»

– Авл! – эхом метнулся меж стенами ее голос. – Авл Корнелий! – И, не давая себе опомниться: – Куда ты упрятал свой серпентарий? Мне нужна змея белого бреда! Срочно!

Х

К счастью, редкая гадюка, на медицинском жаргоне именуемая «белой горячкой», в походный набор целителя Корнелия и правда входила. Еще более к счастью, яд ее обладал настолько специфическим действием, что прошлой ночью для борьбы с боевыми ранами он не понадобился. Гадюка была полна свежайшей отравы. Вита не могла не улыбнуться, глядя, как свиваются в корзине белые кольца.

– Она уже месяц не доена, – сказал Авл, закрывая крышку. – Яда хватит, чтобы свалить с ног полгарнизона. И характер у змеи соответствующий. Уверен, вы отлично сработаетесь.

Вита кивнула. Охватившее ее лихорадочное возбуждение схлынуло, оставив после себя упрямую решимость. И страх. Не будем забывать о страхе.

Старый Квинт где-то достал для Валерии строгую чистую тунику и высокие, пересекающие икры ремнями сандалии. Вита тщательно оправила складки одежды. Взяла все еще влажный после стирки шарф, соорудила вокруг лишенной волос головы тюрбан.

– Позволь мне, – благородный Корнелий отбросил ее руки в стороны. Снял с себя змеюфибулу тонкого черного металла. Обманчивая в своей простоте вещь сочетала строгую красоту и редкую силу.

– Авл, – попыталась возразить Вита. – Это твоя личная медицинская сигнала.

– И поэтому я рассчитываю получить ее назад, – он тщательно закрепил шарф, – в целости и сохранности.

Благодарная улыбка Виты вышла довольно кривой.

Походную малую аптечку – на левое бедро. Корзину со змеями – на правое плечо. Авл нагнулся, помогая ей закрепить ремни.

– Хочу еще раз повторить, – заявил он. – Твой план – безумие.

– Сама знаю, – со вздохом согласилась Вита. – Ты, кстати, мог бы вызваться занять мое место.

– Ха! Вот именно ради таких случаев ты у нас – медик в ранге прима. А у меня всего лишь самые высокие в провинции гонорары.

– Но ты мог хоть раз в жизни проявить благородство!

– Учитывая, что такой «раз» в жизни скорее всего будет последним, я не смею переходить дорогу обожаемому начальству.

Коллега похлопал ее по лопаткам, проверяя крепления. И если руки его задержались, в немой поддержке сжимая плечи, то Вита сделала вид, что это тоже часть ритуала.

– Не понимаю, каким образом я каждый раз оказываюсь в подобных ситуациях. Ведь каждый же раз, Авл! Почему всегда я?

– Ради чести своих благородных предков?

Полвека тому назад родители Валерии Миноры были в ужасе, когда их дочь в первый раз вошла в оцепленное карантинном поселение. Дед даже пытался расторгнуть ее ученический контракт. Император, впрочем, быстро положил этому конец. Целителей с таким талантом было слишком мало. Род Валериев оказался недостаточно влиятелен, чтобы отозвать дочь со службы. Тем более она была младшей.

– Самодовольный ты мерзавец, Корнелий. Хоть и отменный врач.

Вита повела плечами, приноравливаясь к знакомому весу. Авл в последний раз сжал ее руку. Шепнул:

– Боги с тобой. А если нет, то всегда остается тот спятивший кер. За твоими внуками я пригляжу, – и он неохотно отступил на шаг.

Медики вышли из-под навеса. Под пристальными, полными надежд и жажды взглядами направились к воротам.

– Слишком стара для таких авантур, – пробормотала себе под нос Вита.

– Мы ровесники! – возмутился коллега. – Я, к твоему сведению, едва достиг расцвета своих сил. И цвести собираюсь долго.

На это оставалось лишь презрительно хмыкнуть.

У привратной башни их уже ожидал трибун со всей своей свитой. Убедить Аврелия согласиться с ее предложением было первым и едва ли не самым сомнительным этапом плана. В конце концов, в спор вынужден был вмешаться несущий орла. Баяр предложил дополнительные меры предосторожности. Увидев возможность получить для своей безнадежной атаки хоть какие-то преимущества, трибун сдался. Вита подозревала, что ее собственную миссию командующий рассматривал как отвлекающий маневр. Оставалось надеяться, что более трезвые головы удержат его от поспешных действий.

– Медик! – Гай Аврелий сжал губы. За минувшую ночь в коротких волосах его прибавилось седых нитей. Под светло-кариими глазами залегли круги, но взгляд оставался по-прежнему хищным. Трибун смотрел на нее сверху вниз, массивный, вооруженный, широкоплечий. Желание никуда не пускать читалось в каждой линии тела.

Командующий неохотно, преодолевая себя, протянул ей копье, увитое металлическими змеями. Пальцы Виты сомкнулись на древке, но трибун не спешил выпускать из рук символ когорты. Потеря сигны означала гибель и бесчестие всего подразделения.

Если б не Кеол Ингвар, командующий никогда б не согласился доверить медику бесценный артефакт. Но зеленоглазый маг вновь занял место на пару шагов позади своего трибуна. Темную кожу полуриши почти не видно было из-под перевязочных листьев. Несущий змей не столько стоял, сколько висел на плечах двух дюжих легионеров.

То, что израненный маг вообще пришел в сознание, можно было считать чудом. Как лечащий врач, Вита больше всего хотела рывкнуть, чтобы он немедленно возвращался в лазарет и не смел вставать. Но Ингвар прочистил горло, трибун отпустил, наконец, древко сигны, а медик проглотила свое профессиональное мнение. Все здесь вынуждены были пойти на уступки.

– Уложите его в тени и суньте под нос сон-цветок, – вполголоса пробормотала Вита, проходя мимо трибуна.

Некоторые были склонны к уступкам в меньшей степени, чем другие.

Валерия Минора вступила в идущий вдоль крепостной стены каменный коридор. Древко постукивало по плитам в такт ее шагам. Вита остановилась, ожидая, пока поднимут внутреннюю решетку. Ведущий к выходу из крепости проем напоминал гулкий черный тоннель.

Медик заставила себя двинуться вперед. Прохлада и тьма. Эхо ее одиноких шагов отражалось от сводов. Потолок с каждым ударом сердца казался все ниже и ниже.

Чтобы не удариться носом в ворота, она вынуждена была протянуть вперед руку. Темнота была такой, что ладони своей она не видела. Пальцы ощутили холод кованого металла. Створка дрогнула под ее прикосновением. Поползла в сторону.

Хлынувшее из-за открывающегося прохода солнце ударило по глазам, ослепило. Вита щурилась, смаргивая слезы, пытаясь разглядеть, что ее ждет. За пару минут, что потребовались, дабы выйти из крепости, вражеская конница не появилась чудесным образом перед самым носом. Навстречу ей не неслись оголившие сабли кочевые войны. Тело не пронзило выпущенными в одинокий силуэт стрелами. По крайней мере, пока. Стоит ей чуть отойти из-под прикрытия стен, расклад будет уже совсем иным.

Продолжаем действовать по плану.

Для того чтобы заставить ноги сделать первый шаг, потребовалось какое-то совершенно титаническое усилие. Вита, не торопясь, но и не слишком медленно, направилась по дороге. Дойдя до точки, с которой видно было угловую башню, обернулась.

Смотровая площадка была спланирована с умом: снизу разглядеть стоявших на ней не представлялось возможным. Но вот одинокая фигура в сверкающем на солнце доспехе вспрыгнула на парапет. Взмах копьем, и с древка сорвалась серебряная птица. Взвилась в воздух, в несколько взмахов крыльев набирая высоту, увеличиваясь в размере. Когда орел описал круг и вернулся к выпустившему его магу, тот без труда вспрыгнул на широкую спину. Взмыл в небо, и только тень его пронеслась над запрокинувшей голову Витой.

Пролетая мимо, Баяр отсалютовал копьем. На наконечнике блеснула золотая искра.

– Пока по плану, – пробормотала себе под нос медик. И решительно зашагала через мертвый город.

До полудня было еще далеко, но солнце не стояло на месте. Выйдя за границы, которыми было очерчено поселение, Вита прищурилась на утреннее светило, затем на кажущиеся далеким миражом кибитки. Еще больше прибавила шаг. Орел над головой описал ограждающий круг.

Ей пришлось свернуть с имперской дороги. Ровную поверхность под ногами сменили вытопанные копытами травы. Солнце припекало. По спине вдоль позвоночника медленно стекала капелька пота. Перед тем как выйти из крепости, нужно было напиться. И чего-нибудь съесть. Хотя тогда она не могла бы говорить себе, что тени перед глазами и идущая кругом голова – это от утомления, а вовсе не от ужаса.

Где-то в небесах парил имперский орел, готовый обрушить громы и молнии на любую угрожающую ей опасность. Но он был далеко, а горло перехватывало от пыли здесь, на земле. Вита чувствовала себя так, будто она осталась одна против целого мира, и чувство это оказалось знакомым.

А ведь так уже было. Почти точно так. Зной, степь, с каждым шагом все приближающиеся кибитки. Даже тяжесть змеиной корзины и посох в руке – это было. Но тогда, направляясь в охваченную эпидемией кочевую стоянку, медик была облачена в двойной слой каупленки. Знакомая защита успокаивала. От стрел она, конечно, не спасла бы, но Вита подумала, что сейчас не отказалась бы и от иллюзорных доспехов. Просто ради чувства неуязвимости, сколь угодно обманчивого. Она ведь даже верхнюю накидку с собой не взяла, чтоб никто не подумал, будто под ней оружие. Помимо очевидного, разумеется.

Низким рокотом зазвучали копыта. Медик перевела дух. А вот и встречающие.

Несущаяся на тебя разъяренным галопом вооруженная сотня – зрелище не для слабонервных. Валерия Минора уперла конец древка рядом с ногой, встала поустойчивей, каким-то образом умудрилась не покоситься на небо.

«Смотри только вперед».

В последний момент ведущие всадники отвернули коней, обдав ее удушающей пылью. Кочевники описывали вокруг стремительные круги, пару раз они почти задели ее плечи. От напряжения спину свело болью. Вита, как никогда, четко осознала, сколь стремителен может быть удар сабли. Она даже понять ничего не успеет. Тело начнет оседать на землю, а оружие уже вернется в ножны.

Прима прочистила горло. Чуть-чуть приподняла сигну, ударила древком по земле.

Скорость, с которой всадники подались вдруг в стороны, откровенно льстила. Чудесным образом вокруг образовалось гораздо больше свободного места.

– Имперский медик, – пророкотал степняк на дивной красоты сером жеребце. – Под каким именем приветствовать тебя на землях рода Боржгон?

На языке цивилизованных людей он говорил почти без акцента. Вита пригляделась: доспехи всадника были великолепны. Явно работа дэвир, и украшены лазуритом, нефритом, яшмой. Даже более богатая отделка седла и уздечки.

– Гэрэлбей из рода Боржгон, – она рисковала, делая предположение, но не слишком. – Я целитель из рода Валериев. В империи, на земле которой мы стоим сейчас, меня знают под именем Вита. Под небесами Великой степи называют Приносящей жизнь. Твои родичи могли слышать обо мне.

– Я слышал это имя, – черты кочевника были скрыты личиной шлема. Вита могла разглядеть лишь гневные черные глаза. Судя по ним, хан был отнюдь не рад видеть перед собой называемую столь почтительно.

– Я иду, чтобы говорить с шаманами, хан Гэрэл.

Серый конь тряхнул роскошной гривой. Бьющее оземь копыто опустилось слишком близко от ноги Виты. Пальцы, защищенные лишь тонкой сандалией, ощущались, как никогда, хрупкими.

– О чем тебе говорить с мудрыми, имперский медик?

Вопрос был грубым нарушением степного этикета. Вита позволила себе сухую улыбку:

– Я должна бы ответить, что не воину вмешиваться в дела шаманов. Но хану лучше знать, какие вопросы его касаются, а какие – нет. Я иду говорить с шаманами о болезни, которую должна исцелить.

Она не увидела его движения. Не увидела, как он выхватил из ножен саблю. Только вдруг поняла, что полоса отточенного металла впилась в горло, заставляя судорожно запрокинуть голову. А бешеные степные глаза оказались близко-близко.

«Керова кровь. Они и правда считают, что мы наслали эпидемию. Они пришли мстить».

Хан почти рычал, но на своем родном языке. В его речи Вита уловила лишь обилие ругательств. Женщина аморальных привычек, самка степного падалыщика, маг, состоящий в интимных сношениях с керами... Наконец слова полузабытого языка сложились во фразу:

– ...наслать на нас еще одну чуму?

Медик попыталась обратить свой ужас в праведный гнев:

– Не смей!

Вита выкрикнула это на его наречии (произношение ее, после стольких лет, было совершенно ужасным).

– Я – Приносящая жизнь. Я давала клятвы. Повиновение этих змей – порука тому, что они не нарушены. Возьми назад свое оскорбление!

Две металлические змеи потянулись вдоль древка, с шипением обернулись в сторону угрозы. Конь прятнул в сторону, меч соскользнул с горла. Вита почувствовала, как по шее потекла горячая струйка. Глядя в бешеные глаза, она не сомневалась: хан отвел оружие своей волей. Он мог вспороть ей горло и сделать это так, что со стороны все показалось бы несчастным случаем. Но решил иначе.

На мгновение их обоих накрыло тенью. Когда крылья орла перестали заслонять солнце, кочевник начал медленно вытирать оружие. Кровь на металле Вите показалась почему-то особенно яркой.

– Имперские медики не насылали этот недуг. – Она плохо помнила язык, а потому выбирала простые слова. – Болезнь не знает границ. Не знает семей и народов. Она ударила и по Тиру. Вы видели: город мертв.

– И теперь имперский медик хочет подарить нам избавление от этой болезни? – последовал язвительный вопрос.

– От нее уже избавились, – отрезала Вита. – Вы не хуже меня знаете как. Я иду, чтобы говорить об исцелении другого недуга. Того, что был причиной.

Кочевник не счел нужным презрительно фыркать. Вместо него это сделал конь. Получилось куда более впечатляюще.

– Еще один недуг? И какой же?

– А вот это и правда дело шаманского круга. Я хочу говорить с Наранцэцэг. А она захочет говорить со мной. Обещаю.

Звук, с которым сабля вернулась в ножны, вышел каким-то на удивление... неутешительным.

– Если ты думаешь, что сумеешь убить Цветок Солнца, забудь об этом. Не выйдет.

На этот раз был ее черед выказать презрение:

– Медики империи не убивают. Для этого есть воины.

Точно в подтверждение ее слов их снова накрыло быстрой тенью. Вите удалось не покоситься в сторону неба. А вот глаза хана на мгновение метнулись вверх. Прищурились:

– Радость Тира сегодня беспокоен.

Медик не сразу сообразила, о чем он говорит. И о ком. «Радость» – дословный перевод имени Баяр на имперское наречие. Мысли благородной Валерии текли на двух языках одновременно, ни на одном из них толком не поспевая за событиями. Медик заставила себя философски пожать плечами:

– Воины всегда беспокоятся.

Воин, нависающий сейчас над ней, рассмеялся, хрипло и совсем не весело. Рядом задвигались другие всадники, зафыркали кони, и Вита вздрогнула. Она умудрилась забыть, что они с Гэрэлбеем были здесь не одни.

Хан вдруг наклонился, протянул руку, одетую в легкую кольчужную перчатку. Не давая себе задуматься, Вита ухватила ладонь, подняла ногу, опираясь на его стремя. Взлетела в седло позади всадника – тем единым слитным движением, что тело заучило когда-то в молодости. Она даже умудрилась не уронить никому на голову ни копыя, ни змей, что беспокойно шевелились у его наконечника.

Спина и бедра протестующе взвыли в ответ на неожиданную акробатику. Прежде чем благородная Валерия успела подумать что-нибудь о старости и авантюрах, кочевник пришпорил своего жеребца. Серый скакун сорвался с места ураганным вихрем. После этого оставалось лишь цепляться за хана свободной рукой и делать вид, что она не слышит, как хохочут летящие рядом нукеры.

Гэрэлбей остановился у просторной белой кибитки. Плотная ткань расшита была золотой нитью, и Вита без труда узнала в повторяющихся узорах сложные круги и спирали, символизирующие солнце.

Хан легко прыгнул на землю. Посмотрел на Виту и, кажется, понял, что та после скачки просто не в силах пошевелиться. Окованные в кольчугу руки сомкнулись на талии, легко выдернули имперку из седла. Кочевник с вызывающим уважением безразличием проигнорировал чуть не ударившую его по уху змею шипящего белого золота. Не заметил ответное шипение из корзины, что висела на плече медика.

Вита поспешно навалилась на древко копыя: сведенные судорогой ноги, едва коснувшись земли, подогнулись. Она заставила себя выпрямиться. Поправила съехавший в сторону тюрбан.

– Моя благодарность хану и его скакуну, – сквозь зубы произнесла предписанную обычаем фразу. – Конь этот воистину обгоняет ветер.

Гэрэлбей смотрел на откинутый в сторону полог.

– Ты была права, медик империи, – сказал он. – Цветок Солнца хочет с тобой говорить.

Вите сей факт был очевиден с того момента, когда идущую к стоянке целительницу не расстреляли с безопасного расстояния. Она молча поклонилась хану. В последний момент

не удержалась-таки от короткого взгляда на небо. Осторожно придерживая корзину, нырнула в кибитку.

Внутри было на удивление светло и просторно. Солнце пронзало стены насквозь, заставляя гадать, кто же соткал эту странную ткань. Лучи играли на узорах, золотые тени складывались в знаки и письма. Кожу грело наполнившей воздух магией.

Медик низко поклонилась царственным фигурам, что сидели на разбросанных по белому ковру подушках. Это был не полный шаманский круг: в кибитке ждали лишь четверо. И не было ни малейшего сомнения, кто из них являлся легендарной Наранцэцэг.

Она была стара. Действительно стара. Высушенная временем, со смуглой кожей, испещренной многочисленными морщинами, и седыми косами, столь белыми, что они почти терялись в узорах ковра. Одета она была в платье, цвет которого с трудом угадывался под наброшенными сверху многочисленными золотыми украшениями. В ожерельях, тяжелых браслетах, монистах и серьгах повторялся один и тот же узор: солнце, распутившее подобные лепесткам золотые лучи.

Но не царский выкуп, носимый в качестве украшений, и даже не знойная обжигающая магия больше всего поражали в старой шаманке. Ее черно-черные яркие глаза. Ее лицо характерной удлинённой формы. Ее острые скулы, резко взмывающие к вискам брови, не совсем пропорциональные кисти. Медик готова была поспорить, что, если она прикоснется к запястью, то температура тела колдуньи будет заметно ниже человеческой нормы. В Наранцэцэг явно текла кровь дэвир. Это не было редкостью: здесь, на границе, многие могли похвастаться подобным родством. Просто обычно оно было очень и очень дальним. Наследие Дэввии сильно: даже через дюжины поколений медику не составляло труда прочесть на лицах печать всесветлого воинства.

А вот истинную полукровку Вита видела перед собой впервые. Одним из родителей Наран был чистый дэв. А может быть, даже дэви. Учитывая, что продолжительность их жизни гораздо длиннее человеческой, точный возраст шаманки угадать было сложно. Цветок солнца рода Боржгон мог распуститься как двести, так и две тысячи лет назад.

Сидящая на подушках женщина когда-то вполне могла быть подругой царице Хэйиамите, могла знать императрицу Ирэну и помнить саму Майю. Старшая шаманка являлась одной из немногих смертных, кто способен был на равных спорить с князьями тьмы и правителями риши. Валерия Минора Вита, стоя перед ней, ощутила себя странно беспомощной. И ощущение это ей не понравилось.

«Надеюсь, полудэви не учует на моей коже запах кера. В противном случае этот разговор выйдет очень коротким!»

Медик поклонилась. Назвала свое имя. Поинтересовалась именами собеседников, похвалила их. Перед гостьей поставили поднос с травяным чаем. Валерия почтила обычай, сделав горький глоток. Далее следовало завязать вежливый разговор о здоровье и погоде. Ни то ни другое в сложившихся обстоятельствах не было традиционной «нейтральной» темой. Вита вздохнула и бросилась в бой.

– Мудрые рода Боржгон, – сказала она, – я пришла говорить о благословлении, которое один из вас подарил своему племени. Оно должно было принести плодородие. Но принесло лишь смерть.

Реакция последовала незамедлительно. Сидевшая рядом с Наран женщина взвилась с подушек, заклинание-нож соткалось в руке ее из дневного света и пустого воздуха. Колдунья бросилась без слов и без крика, одним звоном монист предвещая убийство.

Старшая шаманка тоже не стала тратить слова, лишь взмахнула рукой, и женщина, даже не видя этого жеста, застыла посреди атаки.

– Оставьте нас.

Двое седых мужчин поднялись с ковра. Молча выскользнули вслед за той, что, в нарушение всех запретов, осквернила кибитку оружием. Наранцэцэг дождалась, пока упадет полог. Сложила перед собой унизанные золотом удлиненные кисти.

– Валерия, прозванная Приносящей жизнь, – произнесла она, будто вспоминая. – Когда-то ты получала от племен подобное благословение.

– Да. – Вита не видела смысла отпираться. – Не узнать его невозможно. Но то, что было наложено на пришедших в Тир, благословением назвать язык не поворачивается. Их тела будто с ума сошли, умножая сами себя. Не знаю, о чем думал шаман, чтобы так ошибиться.

– Больше он ошибаться не будет, – холодно перебила Наран. – И думать тоже.

Иного Вита и не ожидала.

– Наказание не вернет мертвых. Вы знаете, что скверное благословение стало причиной болезни. Вы не сказали об этом хану, – выхваченный нож был тому самым лучшим подтверждением. – Полный шаманский круг и сама Наранцэцэг явились сюда, чтобы скрыть следы единственного рокового просчета.

– Жар солнца способен скрыть многое. – Улыбка колдуньи, по контрасту с ее угрозой, была совершенно ледяной.

– Но не вернуть мертвых. И не исцелить живых. Я знаю, что скверное благословение еще в силе. Оно, точно жирное масло, липнет ко всем, кого коснулось. Если оставить как есть, оно будет продолжать приносить беды. И с этим я могу помочь.

– Ты? – пронизывающий взгляд. – Ты не шаманка. И даже не маг империи.

– Верно. Наложить благословение я не в силах. Но исцелить то, что уже существует? – Руки медика ласкающе скользнули по древку сигны. – Это возможно.

– Ты готова так сделать?

– Да.

– Если мы заплатим твою цену.

– Да.

Горящие черные глаза впились в ее лицо.

– Где ты видела скверну?

Вита не хотела сообщать полудэвир о выживших Тира, но врать было нельзя:

– На одном из детей рода Боржгон. Его родители остались в крепости, когда караван ушел в степь.

Пальцы старой женщины медленно сжались. Кожа под кольцами побелела. Это было первым признаком человеческих эмоций, которые Вита увидела в древней колдунье.

– Он живет?

После секундного колебания медик ответила:

– Да.

Наран прикрыла глаза, точно от боли.

– Мои правнуки, которых сразила болезнь. Моя младшая ученица, Дождь-Цветок рода Боржгон, – тихим, пугающим до дрожи шепотом признала колдунья свою боль. – Они живут тоже.

Только въевшаяся в кости муштра позволила медику не показать своей реакции. Живут? Заболевшие, измененные, покрытые чешуей – они живут. Среди нетерпимых к тьме кочевников. Перед глазами старой полудэвир. Да, степняки вынуждены были бы поднять руку не на сослуживцев, а на близких родичей. Но племена не стали б колебаться. Если только за измененных не вступился кто-то очень уважаемый. Глава шаманского круга, например.

Для полудэвир присутствие тьмы было бы физически невыносимо. Если Наран не обрушилась на измененных всей своей солнечной силой, значит, она не чуяла в них Ланки. Значит, чешуя – это только внешнее.

Вита увидела шанс. И не стала его упускать:

– Они живут. Но им нет теперь места под небом Великой степи.

Черные глаза полыхнули бешенством. Прима, точно не заметив, продолжила:

– В империи несущим на теле такую печать тоже не найдется места. Цветок солнца, ты не спросила, какова будет цена за исцеление. Я назову ее сейчас. Я хочу, чтобы степь забрала у моего народа долину Тир.

Седые брови медленно поползли вверх.

– Забрала?

– Изъяла. Взяла. Одолжила, – медик взмахнула рукой, не в силах подобрать слово на степном диалекте. Попыталась вспомнить древний язык дэвир. – Провозгласила добычей?

– Украла, – подсказала Наран. На чистейшем имперском.

Вита с облегчением перешла на родной язык:

– Мы не будем драться за крепость. А если Аврелий попробует, его побьет костью собственным сигнифер. Вы не будете ее штурмовать. Направьте легату посланника с сообщением: вы очень оскорблены, а потому долина и все укрепления теперь принадлежат степи. Он отправит гонца императору. Тот отправит посла на совет родов. Война сейчас никому не нужна. Переговоры могут быть сколь угодно долгими. А в крепости тем временем смогут жить те, кому не осталось иного места.

Пока не успокоятся страхи. Пока не угаснут слухи. Пока чистокровные дэвир не приносятся к обитателям Тира и не признают их очередной человеческой расой. А они признают. В подобных вопросах воины, что созданы были для борьбы с бездонной тьмой, врать просто не способны.

Униженные перстнями длинные пальцы сложились в задумчивом жесте:

– Что за прок тебе во всем этом, медик империи? Почему не назначить цену в золоте?

– Золото не купит жизни моих пациентов или твоих родичей. Нарушенных клятв оно не искупит тем более.

Нечеловеческие черные глаза, казалось, выворачивали душу. От солнечного жара предательские легкие в любой момент грозили взбунтоваться. Наранцэцэг говорила медленно. Подбирая каждое слово:

– Ты хочешь, чтобы мои внуки поселились в этой долине?

Не идеальный вариант для привыкших к полной свободе степняков, но какой у них есть выбор? Вита пожала плечами:

– Город не может пустовать вечно. Торговля будет продолжена. Если не твоими внуками, то кем-то еще.

– Да. Если посмотреть с такой стороны...

Вита позволила себе чуть расслабленно осесть на подушки. Утомленно прикрыла глаза. Почему-то она совсем не удивилась, что именно этот аргумент оказался решающим.

Теперь оставалось самое сложное. То, что и стало причиной чумы. Что, когда это попытались проделать врачи Тира, послужило толчком к эпидемии. Она должна была исцелить степную магию. И при этом не убить всех тех, кто чудом пережил последнюю такую попытку.

«Будь спокойна, будь равна, будь уверена». Медик улыбнулась в черные глаза собеседницы. Положила руку на крышку корзины.

Пальцы ее мелко дрожали.

XI

Вита вышла на середину вытоптанной копытами площади. Низкие кибитки окружали ее неровным кольцом. Второе кольцо, куда меньшее по размеру, но гораздо более плотное,

составили выстроившиеся кругом шаманы. За их спинами мелькали силуэты воинов, раздавалось конское ржание. Кожу жгло от направленных со всех сторон взглядов.

А может, она просто обгорела. Медик покосилась на покрасневшие плечо, что было едва прикрыто тканью туники. Запрокинула голову, щурясь на солнце. Дневное светило еще не достигло зенита, но воздух раскалился уже почти невыносимо. В побелевшем от жара небе завершала круг огромная птица.

Подобные ритуалы принято было совершать в полночь, при свете костров, под танцем лун. Но кочевники наотрез отказались ждать: если к полудню благородная Валерия не выполнит клятвы, степь обрушит на крепость свой солнечный гнев. Упомянутая Валерия посмотрела на хана поверх благородного носа. И предложила степи подумать о своих собственных обещаниях.

Теперь она сосредоточилась, собирая магию в центре своего тела. Послала вверх: от бедра, волной. Через плечо, через руку, в хлесткое движение запястья. Вита с размаху вскинула копье и всадила его тупым концом в землю. Истоптанная поверхность расступилась перед ударом. Древко погрузилось вглубь более чем на локоть.

Вита сбросила с плеча корзину, поставила ее на землю. Опустилась рядом сама, начала разматывать фиксирующие крышку ремни. На сей раз в плетении пряталась одна лишь скромных размеров гадюка. После тряского путешествия она пребывала в изрядном раздражении. Медик ухватила пленницу за шею движением столь привычным и уверенным, что оно опередило змеиный бросок. Вынула на свет. Белое гибкое тело извивалось бешеными кольцами, пытаясь задушить удерживающее его запястье.

На несколько секунд все застыло в равновесии: ставшая осью сигнала, медик империи, преклонившая подле нее колено, оплетающая ее руку змея. Грянули неровным рокотом шаманские бубны, воздух задрожал от низкого горлового пения. Женский голос, высокий и горький, взмыл к небесам в песне-молитве.

Вита выдохнула. Перед подобными ритуалами принято было очищаться, поститься, по трое суток не спать. В этом чудилась усмешка богов: напряжение последних дней привело ее в то самое состояние, которое с таким трудом находили желающие видеть духов шаманы. На грани сна и яви. На краю. Остался лишь последний шаг.

Медик поднесла к предплечью левой руки шипящую тварь. И расслабила пальцы.

Бросок был стремителен. Тело медика дернулось в сторону, будто от сотрясшего все ее существо удара. Небо вдруг стало черным, а тени побелели: от дикой боли окружающий мир обернулся изнанкой. Два изогнутых длинных клыка впились в плоть. Вита пальцами правой руки ощущала, как содрогается змеиное тело, закачивая в рану все новый яд.левой стороны своего тела она уже почти не чувствовала.

Рядом кто-то скулил, и эти звуки не могли иметь ничего общего с медиком в ранге прима. Вита вырвала змею из раны, уже почти ничего не видя, вернула ее в корзину. На ощупь закрыла крышку. Она двигалась без всякой мысли, повинувшись одной лишь вколотенной с детства привычке. Глупая тварь уползет из круга и будет зарублена всего лишь за то, что тяпнула чью-то ногу. Объясняйся потом с потерявшим редкий экземпляр Авлом...

Яд болью и немотой растекался по телу. Загнанно дыша, Вита привалилась к копыю. Сомкнула на нем руки.

Гадюки белой горячки получили свое название не зря. Яд их, помимо прочих свойств, был едва ли не сильнейшим из известных человечеству проводников видений. Та доза, которую получила Вита, должна была стать смертельной. Но не зря же она, в конце концов, носила титул примы.

Медик собрала расплывающуюся волю. Сетью набросила ее на магию, что поднималась из разбуженных ядом глубин.

«Используй. Измени. Исцели».

Вита потянулась к благословению, что подарил ей когда-то в благодарность степной шаман. Давнее, но все еще чистое, все еще живое. А затем она коснулась того темного, что должно было бы называть проклятием, и втянула его в глубь себя. Собрала через поры, как растение собирает солнечный свет.

Это приготовление еще одной чаши с лекарством. Яд жизни, знакомый, как дыхание. Просто вместо зелья – ее собственная кровь. Вместо серебряного бокала – ее тонкая кожа.

«Исцели, исцели, исцели их. Детей рода Боржгон».

Медленно, качаясь в такт барабанам своего сердца, Вита поднялась на ноги. И раскрыла глаза.

Мир духов и видений раскинулся перед ней бескрайним туманом. Черное солнце стояло в зените, и зеркалом его, отраженным светилом стояла перед ней старая шаманка. Прочие степняки клубились вокруг, точно манящие вдаль маяки. Вита рассеянно подумала, что сияние их, должно быть, тем ярче, тем больше магическая сила. За заслоном ритмичных бубнов собрались фигуры более плотные, более связанные с землей и более острые. Это, должно быть, воины. Похожие на кружева прихотливые плетения вокруг – действующие заклятия.

Вита прищурилась, ища испорченное благословение. То, зачем она пришла сюда. То, что следовало исправить. Едва лишь медик так для себя сформулировала, как цель возникла перед ней, будто спала с глаз очередная вуаль. Черная жидкость, липкая, как паутина. Она цеплялась за отдельных шаманов круга, венами-лозами оплетала воинов, проникала даже в коней. Черные разводы пятнали степь, причудливыми сетями уходили к горизонту, к другим стоянкам и дальним кочевьям.

«Боги, сколько же их? Как дотянуться до всех, не забыть никого?»

Медик выдохнула. Сжала руки на сигне. Полированное древко под ее ладонями было осью, было опорой, было центром Вселенной. Оно возвышалась нерушимым столпом. Оно проросло мировым деревом, и его корни уходили глубоко в землю, а ветви поддерживали небеса. Огромные сонные змеи свивали среди этих ветвей свои кольца. Чешуя их сияла очищающей белизной, а в глазах стыла мудрость времени.

Через ладони, через кожу и волю направила Вита магию, что переполненной чашей затопила ее тело. Исцеляющая сила поднялась по стволу, золотя кору, распуская зелеными листьями и огоньками цветов. Когда волна дошла до дремлющих змей, они вспыхнули белым пламенем. Подняли узкие головы. Грაციозными лентами соскользнули с ветвей, точно по водам морским заскользили по воздуху.

Вита следила за этим полетом и знала, что остался один только шаг. Но сил на него не было.

Перед взглядом ее встал легионер, от которого прима оттащила юную Арию. Медик оставила пациента за спиной задыхаться в собственной крови, оставила и не обернулась.

Засмеялся кочевник, потерявший в бою шлем, расплескавший по плечам косы. Наконечник копья так легко вошел в горло. Руки медика ощущали, как раскрылась под лезвием плоть, как хлынула на древко горячая влага.

Три рыжеволосые девочки с бледными, фарфорово-тонкими лицами. Старый врач, с длинной седой бородой и искалеченными пыткой пальцами... Много. Их было так много.

Вита словно заново вернулась в тот вечер, когда хоронили ее сына. Мир вокруг – пустыня и пепел. Самое страшное уже случилось, и поздно плакать. Бросаться за помощью к керам – поздно. Сотворенного не вернуть.

Все, что произошло в долине Тир, развернулось перед внутренним взглядом. Все события, что привели их к этому мигу, осветились с беспощадной, ядовитой ясностью. Ошибки, страх, неизвестность. Порождаемые ими неисправимые, злые решения. И смерти. Столько смертей. Разве можно исправить?..

Если нет, остается не жить. Либо как-то жить дальше.

Слезы в этом пространстве были черными, едкой горечью пятная кожу. Вита тыльной стороной ладони размазала их по лицу. Затем подняла руку, зная, что в реальном мире пальцы ее легли на острие. Нашла отточенный край. Сжала. Яд ее жизни алой струйкой потек по магической сигне.

Змеи, получив последний приказ, метнулись в атаку. Призрачным пламенем пронеслись сквозь шаманский круг, развернулись среди всадников хана Гэрэла. Были они огромны, яркие и для смертных беспомощных глаз почти что невидимы. Там, где касался их очищающий огонь, паутина благословения вспыхивала, дрожала, менялась. Светлела, захваченная внутренним изменением. Обретала свою изначальную форму.

Вита покачнулась, пытаясь не дать сознанию расщепиться на тысячи мыслей-осколков. До конца было еще далеко. Медик направляла змей вдоль черной вязи, вдоль клякс и разводов, отслеживая очаги заразы. Перед внутренним взглядом мелькали ожерелья огоньков. Это, должно быть, кочующие в степи племена. Одна за другой чернильные лужи исчезали, сменяясь приглушенным перламутровым переливом. У пары стоянок она замешкалась, сбитая с толку чудным, ни на что не похожим оттенком душ. Они изгнаны были в дальние кибитки. Должно быть, те степняки, которых избавило от болезни вмешательство керов. Вита очистила и их тоже. И это навело ее на мысль об еще одном месте, которое следовало проверить.

Крепость Тир в пространстве видений выглядела монолитом, созданным из огненных букв и знаков. Магическая цитадель, сама суть и значение которой была в том, чтоб стоять нерушимо перед любым вторжением. Медик попыталась проникнуть за ришийскую вязь раз, другой. Послала через змей повелительную надменную команду. Письмена скользнули в сторону, позволяя взгляду войти внутрь.

После проведенной Фаустом очистки от степного «проклятья» в крепости осталось лишь пара жидких островков. Прима добросовестно их убрала. Огляделась не без любопытства. Испуганная Ария, безмятежная Лия Ливия и съедаемый беспокойством Авл были в области, которую Вита тут же мысленно определила как лазарет. Имея точку отсчета, ориентироваться стало легче. Трибун обнаружился у ворот: его решительность и упрямство горели золотом во главе выстроившихся во дворе рядов. За спиной командующего разливалось куда более яркое ришийское сияние. Кеол Ингвар, упрямец! Ведь свалится же со своими ранами. А после медики вновь окажутся виноватыми.

Вита, злая на всех легионеров в целом и тех, кого ей приходилось лечить в особенности, заставила белопламенного змея вспыхнуть. На мгновение огромный силуэт стал видимым для смертных глаз. И тут же растворился, возвращаясь в оковы металла.

Прима из последних сил вцепилась в копьё, чувствуя, как ее физическое тело оседает вдоль древка.

Запрокинув голову, она все еще могла видеть ветви мирового дерева, вплетенные в небо. На одной из них стоял князь лана Амин. Смотрел задумчиво на расстилающуюся до горизонта степь. Затем перевел пристальный, оценивающий взгляд на Виту. Кивнул.

Тихим шелестом таяли могучие ветви, растворялись под лучами полудня листья. Она закрыла глаза, снова открыла. Обнаружила, что полусидит-полулежит в истоптанной копытами пыли. В землю рядом было воткнуто копьё, украшенное двумя змеями белого золота. Палило солнце, голова кружилась, надрывались бубны. Огромные крылья спускающейся птицы накрыли на миг тенью.

Медик без сил опустила голову. Прижалась щекой к раскаленной земле. Она лишь на миг прикрыла ресницы. И провалилась во тьму.

XII

Пробуждение было долгим. Точнее, пробуждение происходило раз за разом, чтобы вновь смениться прохладной тьмой. Ее несли куда-то, удерживая на руках. Раздевали, укладывали, точно ребенка. Рокотали над головой знакомые голоса, и медик заставила себя подняться над забытием. Пробормотала:

– Сигна когорты?

– Никто не в силах извлечь копье из земли. Ни шаманы, ни маги, ни инженеры с лопатами, – рассмеялась старая Наран. – Имперский трибун оставил рядом десяток легионеров и назвал их почетной стражей. Мой хан вокруг них поставил своих нукеров и назвал их стражей еще более почетной. Ничья рука не тронет этих змей без твоего позволения, Приносящая жизнь. Спи.

И Луций Метелл Баяр эхом повторил:

– Спите спокойно, медик.

Вита подчинилась.

Она плыла меж снов и воспоминаний, не в силах отличить одно от другого. Кеол Ингвар потрясал лопатой, кричал, что его обокрали. Легионеры и степняки водили хоровод вокруг огромного дерева.

Теплая влажная ткань скользила по лицу, по телу. Стирала пыль и усталость, а с ними и боль. Знакомая рука приподняла ей голову, губ коснулось горло походной фляги.

– Авл? – пробормотала она. – Что с ожоговыми?

– У кочевников нашлась пара лишних склянок со слизнями. Мы никого не потеряли.

– Ингвар?

– А что ему сделается? Мотает медикам нервы. Помог юной Арии освоить, наконец, древнее и безотказное успокаивающее заклятье, именуемое «Два дюжих санитаров». Вот что значит маг в ранге принцепс!

– Не давайте ему лопату...

На мгновение повисла задумчивая пауза. Затем, с восхищением:

– То была на редкость забористая гадюка, – и тоном, не терпящим возражений: – А ну-ка, выпей вот это!

Она послушно сделала несколько глотков.

– Ты нашел свою змею? Редкий экземпляр?

– А как же! Знаешь, сколько она стоит? Такие деньги не под каждым камнем ползают. А ну, поднимайся. Давай, давай! Надо дойти до горшка. Помочь? Квинт пока перестелит покрывала.

Очередное пробуждение. И вновь вызванное незванным посетителем.

Вита потянулась – с хрустом, с наслаждением, радуясь возвращающейся к телу силе. Подняла ресницы. Увидела лицо того, кто стоял над ней, сложив на груди руки, и созерцал, словно самую недоступную из тайн бытия.

Благородная Валерия со стоном перевернулась на бок, к нему спиной. И для пущей надежности накрыла голову подушкой.

Вместо того чтоб уловить намек, гость нетерпеливо вздохнул. Присел на край ложа, для чего ему пришлось бесцеремонно подвинуть в сторону ее завернутые в одеяло ноги и бедра. Вита попыталась его лягнуть. Без особого, впрочем, энтузиазма.

– Я никуда не пойду.

– Знаю, – ответил Дессамин, темный князь из бездонной Ланки. Утешающе похлопал ее по изгибу бедра: – Как рука? Очень болит?

Рука не болела совсем, но речь ведь была не об этом. Вита раздраженно выпуталась из вороха подушек и одеял. Села, удерживая сползающую с плеч тунику.

Она обнаружила себя на низкой широкой постели, среди ширм, ковров и занавесей. Вита узнала убранство по-царски богатой кибитки. Стены и потолок были сделаны из той же странной, прозрачной изнутри ткани, что позволяла свету свободно проникать внутрь. Поверх дымчато-розового фона вытканы были легкие весенние узоры: цветы, листья, птицы. Зеленые, травяные, золотистые, они словно парили бликами света над рассветным небом.

Обстановку дополняли кованая жаровня, низкая мебель, драгоценная посуда. Богатое убранство и великолепные ковры наводили на мысль о том, что ради удобства медика потеснился чуть ли не сам хан. Правда, Вите с трудом верилось, что несгибаемый Гэрэл выбрал бы для своего шатра подобные цветовые сочетания.

– Всетемный князь, да ты разум утратил! – Лишь когда с губ ее сорвалось менее формальное обращение, благородная Валерия сообразила, что опасность действительно позади. Момент, когда она могла поддаться и правда уйти за ним, миновал. Понимание этого заставило Виту расслабиться.

Дессамин, конечно, не считал нужным изменять свое поведение из-за каких-то там обстоятельств.

– Я разумен в той же мере, что и всегда, – смеялись морские глаза.

– Мы посреди стоянки кочевников! За стеной шатра может в этот самый момент прогуливаться шаманка-дэвир. Если Наранцэцэг учует кера...

– Я получу прекрасный повод украсть тебя!

– Она получит прекрасный повод убить тебя! И меня, кстати, тоже.

Смех исчез из глаз, полных синей тьмой. Окованная чешуей ладонь поднялась к ее лицу. Так и не коснувшись щеки.

– Не беспокойся, Вита. Сюда никто не войдет. Меня не заметит.

Заверение это совсем не успокаивало. И даже наоборот.

– Ты нашла интересное решение, – сказал задумчиво князь лана Амин. – Я, признаться, этот вариант упустил. Запутать вопрос юрисдикции. Степь в кои-то веки не хочет воевать с империей, а империи сейчас не до происходящего в степи. Пока они выяснят, чья же это на самом деле долина...

Вита медленно покачала головой.

– Дело не том, чья долина. А в том, чья ответственность. – Вита беспокойно комкала в ладонях простыни, вспоминая события последних недель. – С самого начала эпидемии каждый, кто должен был отвечать за происходящее, спихивал трудные решения на других. Каждый, начиная от императора и заканчивая стоящим в оцеплении легионером. Даже я упиралась, когда легат предложил бросить все и отправляться на границу. Лечить там неведомо кого, от неведомо какой напасти? Почему обязательно я?

Кер хмыкнул. Вита нетерпеливо дернула головой:

– Империя видит в Тире проблему, которая неизбежно замарает любого, к ней прикоснувшегося. Нужен был лишь повод объявить, что проблема эта принадлежит кому-то еще. Остальное – вопрос бюрократии.

– А степь?

– Род Боржгон хотел избавиться от проклятья. – Медик загибала пальцы, отсчитывая пункты в порядке их важности. – Сохранить лицо перед прочими кланами, которые не должны были узнать о подобном промахе. По возможности избежать войны, к которой клан после недавних потерь просто не готов. А еще им не хотелось убивать своих детей.

– И ты готова им верить?

Вита подняла бровь:

– Не стоит подвергать сомнению честь столь славного рода. – Благородная Валерия улыбнулась невесело: – Я верю, что они будут честно преследовать свои интересы. Хотя, признаться, наполовину я ждала, что проснусь в цепях. Или вообще не проснусь.

Кер провел рукой по выгоревшим на солнце светлым волосам. Взгляд его был направлен куда-то вдаль.

– Баяр показал себя хорошим дипломатом. – Тон князя был таким вдумчиво-заинтересованным, что у Виты мурашки пошли по коже. – Как ты думаешь, как долго продержится это странное перемирие?

– Столько, сколько продержится, – отрезала Вита.

– Рано или поздно одна из сторон заметит, что на границе стоит прекрасная ничейная крепость. И приберет ее к рукам.

– С этим жителям Тира придется разбираться самим. Я всего лишь купила немного времени. Спасение утопающих – дело их собственных рук. В данном случае – чешуйчатых. Тиранцы справятся. Или нет. Все зависит от них самих.

Князь тьмы кивнул, судя по всему, считая подобный ответ очевидным и достаточным. И это его принятие в который раз заставило ее сердце дрогнуть.

– Тиранцы? Ты пытаешься создать новый народ?

– Пф!

Вита с размаху упала обратно на подушки. Злыми пинками отбросила в сторону одеяла. Подняла руку, закрывая от света глаза.

– Их слишком мало, чтобы создать полноценный народ. Разве что смогут основать независимый полис. Превратить убежище в дом, а дом – в силу, с которой придется считаться.

Она полагала, что Баяр мог бы справиться с подобной задачей. Оседлать торговые пути, основать пограничное государство, заключить союзы. Ему потребуется привлечь множество новых людей, найти новые источники ресурсов и прибыли. Однако ничего из этого несущий орла не сумеет, если будет утащен под воду жадными керами. Вита не видела смысла вслух повторять нечто столь очевидное.

– Я сказала: все в их руках. И довольно об этом.

Дессамин сжал ее пальцы в своей ладони, отвел в сторону. Он стоял, опираясь на ложе коленом, чуть склонившись вперед. Светлые пряди падали вокруг загорелого лица. Пахло солью и йодом. И тонуть можно было бесконечно в темно-синих глазах, ибо не было им ни берега, ни дна.

Медик протянула свободную руку. Обхватила его за шею. Улыбнулась.

Со всей силы дернула вниз, опрокидывая на себя.

Когда кер упал, ища ее тело ладонями и губами, чешуя уже исчезла. Вместо бронзового покрывала осталась разгоряченная кожа. Несколько минут Вита нежилась: в роскоши прикосновений, в тепле его присутствия, в столь редкой для себя возможности чувствовать чужие эмоции.

Затем медик в ранге прима откинулась, вновь ища темно-синий взгляд.

– Десс? – спросила она князя всемогущей Ланки. – Ты расскажешь мне о библиотеках лана Амин?

И он, накрывая губами ее губы, пообещал:

– Не сегодня.

Елена Шилова Дуракам везет

– Мрр?

Кошка лениво приоткрыла изумрудно-зеленый глаз и покосилась на дверь. Она всегда чувствовала приближение гостей, извещая о нем за пару мгновений до назойливого треньканья висевшего у входа колокольчика. Чутье не подвело и в этот раз: не прошло и нескольких секунд, как ступени крыльца заскрипели под чьими-то шагами. Еще через некоторое время подал голос и колокольчик.

– Открыто, – буркнул Конрад, отодвигая книгу.

– Здрассьте...

Рыжего детину, возникшего на пороге, он, несомненно, видел, но вот вспомнить, как зовут гостя, не получилось. Почему-то это вызвало досаду, хотя Конрад никогда и не пытался запоминать имена то и дело наведывавшихся к нему селян. Сегодня с утра его раздражало вообще все, начиная от жужжания залетевшей в дом пчелы и заканчивая слишком ярким солнцем, которое нахально просачивалось сквозь наглухо задернутые занавески. Ну как можно работать в такой обстановке?

– Чего тебе?

Парень потупил взор не хуже юной барышни, взлохматил и без того спутанные вихры и смущенно пробасил:

– Мне бы того... Зелье. Любовное.

Конрад устало вздохнул. Ну конечно. За любовным зельем к нему приходили с завидной регулярностью – не реже раза в неделю, правда, каждый из визитеров понимал под этим названием нечто свое. Интересно, чего желает нынешний гость: подкрепить мужскую силушку, приворожить приглянувшуюся девицу или стать первым парнем на деревне?

– Конкретнее?

Детина испуганно захлопал глазами и отступил на полшажка к двери. Ах да, он же и слова-то такого не знает. Решил небось, что хозяин ругаться вздумал, и сглаза испугался. Креститься хоть не стал – и на том спасибо.

– Для чего зелье-то?

– Ну... – снова замялся рыжий, – чтоб девки любили. А то ж окромя Марыськи не глядит никто, а мамка все талдычит, что жениться мне пора... А я не хочу на Марыське!

Конраду стало скучно. Невыносимо, до оскотины скучно, как становилось всякий раз, когда к нему приходил кто-то из живущих на другой стороне широкого оврага соседей. Он понятия не имел, кто такая Марыська и чем она не угодила так и оставшемуся безымянным жениху, но от подобных историй у него начинали ныть зубы. Радовало одно: по совсем уж пустяковым поводам его не беспокоили – боялись. Да и как тут не бояться – живет себе в одиночку на краю леса, в село не ходит, по ночам свечи жжет, слова странные под нос бормочет, еще и зверюгу эту завел... Как зыркнет – душа в пятки!

Словно прочитав его мысли, зеленоглазая бестия поднялась на все четыре лапы и сладко потянулась, изящно выгнув угольно-черную спинку. Парень наблюдал за этим действием с суеверным ужасом. Возможно, он уже сожалел о том, что сунулся в логово страшного лесного чародея и его зверюги, и лишь нежелание жениться на неведомой Марыське удерживало его по эту сторону двери. Что ж, смелость должна быть вознаграждена.

– Сейчас.

Нужная склянка нашлась почти сразу, но Конрад еще некоторое время громыхал выставленными в несколько рядов пузырьками. Добавлял моменту значительности, чтобы гость не подумал, что вожаемое «любовное зелье» – пустяковина вроде отвара ромашки

или настоящей на спирту калины. Иначе разболтает, что у чародея от чудодейственного эликсира полки ломаются, а завтра сюда все село сбежится.

– Держи. Пять капель на стакан воды. Умываться утром и вечером.

Трясущимися руками взяв протянутый ему пузырек, рыжий просиял счастливой улыбкой и впервые взглянул на Конрада прямо:

– Спасибо, ваше чародейство! Век благодарен буду! А мамка завтра поросю режет, так, может, вам подогнать ляжку? И малина у нас уродилась, так что варенья полный погреб... За зиму точно все не съесть.

– Неси, – милостиво разрешил Конрад, пропустив мимо ушей дурацкое «ваше чародейство». – Да, вот еще совет: поезжай-ка ты в город. Там девок побольше будет, да и деньги подзаработать не помешает. Ясно?

– Ох, доброго здоровья вам да лет долгих...

– Хватит, иди уже.

– Ухожу, ухожу...

Дверь закрылась, взметнув стайку пылинок, весело затанцевавших в широком солнечном луче. Еще один ненужный гость ушел довольным, обретя, как ему казалось, именно то, за чем приходил. Откуда недалекому парнишке двадцати лет от роду было знать, что бывший лейб-медик, профессор медицины и фармацевтической химии Конрад Бреннер вместо волшебного любовного эликсира подсунул ему всего-навсего средство от прыщей...

Конрад знал: оно подействует. За пятнадцать лет обитания в этой дыре еще ни один человек не подвергал сомнению эффективность его зелий.

Пожалуй, это раздражало больше всего.

Следующий гость объявился после полудня. Конрад как раз закончил переводить прелюбопытный трактат о свойствах некоторых редких растений и теперь прибирал на столе, который в зависимости от желания хозяина становился то письменным, то обеденным. Недостатка в провизии Конрад не испытывал: благодарные селяне снабжали его всем необходимым.

– Тебе тоже любовное зелье? – вскользь взглянув на посетителя, бросил Конрад. Куда больше его сейчас занимал запеченный в сметане и укропе карп, доставшийся ему в благодарность за чудесное излечение сына кузнеца.

– Что вы сказали?

Это было неправильно. Деревенский увалень вроде утреннего лохмача должен был бы оторопело промолчать, проблеять нечто невразумительное или же выдать сакраментальное «Шо?!». Мало того, что в голосе вошедшего не прозвучало священного трепета, характерного для всех поголовно селян, в нем также не было ни малейшей примеси неподражаемого деревенского говора. Гость говорил на чистейшем релгийском, и это настораживало.

Прервав свое занятие, Конрад внимательно осмотрел стоявшего у порога юношу. Перед ним был самый обычный паренек лет семнадцати, разве что слегка низковатый. Коротко стриженные каштановые волосы, аккуратный нос с горбинкой, чуть скошенный подбородок, недобритый пушок над верхней губой... Встретишь еще раз – не узнаешь, но Конрад и не пытался узнать. Гость не был одним из селян. Помимо правильной речи, его выдавала добротная одежда, сшитая явно по городской моде, и висящий на поясе кинжал.

– Перепутал с одним обалдуюем, – кратко пояснил Конрад, прочитав в зеленых глазах вопрос. – Ну, проходи. Звать-то как?

– Эрих, – сухо представился юноша.

– И зачем ты пришел, Эрих?

Быстрого ответа он не ждал. Парень держался слишком холодно, но не нагло и не надменно, а значит, скорее всего, пытался скрыть волнение. Подобные гости случались у

Конрада редко – в деревеньку с чудесным названием Гнилушки даже торговцы заезжали не чаще раза в месяц, а уж путники поприветней и вовсе обходили забытое богом село десятой дорогой. Лишь изредка сюда заворачивали одиночки из тех, у кого захромал конь или кончились дорожные припасы. Некоторых из них Конрад лечил от подхваченных в лесу хворей, остальных же расспрашивал о том, что творится в большом мире. Однако Эрих не походил ни на больного, ни на спешащего поделиться новостями болтуна.

Как он и предполагал, державшийся безупречно юноша после его вопроса стушевался и принялся шарить взглядом по ничем не примечательному полу. Пожав плечами, Конрад продолжил убирать со стола драгоценные свитки, за многими из которых вот уже много лет безуспешно охотились лучшие библиотеки Рельтии.

– Может, за стол присядешь? – Видя, что гость продолжает подавленно молчать, Конрад проявил несвойственную ему любезность. Глядишь, на сытый желудок разговорчивей станет, а припасов у него при желании на дюжину таких, как Эрих, хватит.

– Благодарю, – слишком поспешно согласился юноша.

– Тогда накрывай. Вот скатерть, вон тарелки, а я в погреб...

Карп был превосходен. Конрад вообще любил рыбу, и красавица Ядвиня, похоже, это знала, регулярно балуя благодетеля то жарким, то заливным, то ухой. Кулинарным талантам длиннокосой селянки могли бы позавидовать придворные повара, но Эрих, похоже, не был гурманом. Конрад успел пообедать сам и покормить разделявшую его любовь к стряпне Ядвини кошку, а юноша все ковырялся в своей тарелке, лишь для приличия двигая челюстями.

– Может, расскажешь, кто ты, как оказался здесь? – бодрым тоном осведомился Конрад, устав созерцать угрюмую физиономию Эриха.

– Я слышал о вас от одного путника, – сообщил парень останкам карпа. – Он был здесь проездом и едва не слег от какой-то странной болезни... Вы вылечили его.

Последний подобный «путник» был здесь четыре года назад, а «странная болезнь» его заключалась в том, что дурень не удосужился как следует промыть и перевязать глубокий порез на предплечье. Тем не менее Конрад сделал вид, что поверил. Пусть мальчишка расскажет свою душераздирающую историю до конца, а там уж видно будет, ради чего он так безыскусно врет.

– И где ты встретил этого путника?

– В одной таверне... Я как раз искал лекаря, а ему, наверное, просто хотелось поболтать.

– Искать лекаря в таверне – это дальновидно, – с серьезным видом кивнул Конрад.

Эрих покраснел и снова принялся потрошить несчастную рыбину. Наверняка он понимал всю глупость происходящего, но зачем-то продолжал ломать комедию. Что ж, его воля.

– Нет, искал я не там, конечно. Я обошел всех городских лекарей и магов, даже к цыганам ходил... Но мне никто не мог помочь.

– А из какого ты города?

– Из Мерна.

В этом не было ничего удивительного – Гнилушки находились не так уж далеко от столицы Рельтии, но по спине Конрада поползли мурашки. Дурное предчувствие, которое проснулось после первых же слов Эриха, не желало поддаваться доводам рассудка. Напротив, оно постепенно крепло, пуская в сердце все новые и новые корни. Конрад уже жалел, что пригласил парня за стол. Он бы выставил его за дверь прямо сейчас, если б не странное желание дослушать его рассказ.

– Неужели в Мерне не нашлось ни одного лекаря, которой мог бы помочь тебе?

– Не нашлось. К тому же помощь нужна не мне...

Это Конрад и так прекрасно понял. Юноша выглядел совершенно здоровым, разве что слегка невыспавшимся. Многозначительно склонив голову к плечу, Бреннер принялся ждать дальнейших откровений.

– Моя сестра, – наконец выдохнул юноша. – Она... ей очень плохо.

Конрад лишь хмыкнул, прекрасно поняв, что на самом деле имел в виду Эрих. Его сестра умирает. В таком трудно признаться даже себе, не то что произнести вслух перед другим человеком... Хотя себе Эрих, кажется, уже признался. В таком возрасте люди редко теряют надежду, значит, на то был повод.

– Ты знаешь, чем она больна? – не то спросил, не то предположил Конрад.

– Да. – Эрих все же справился с собой, оторвавшись от созерцания содержимого тарелки и переведя взгляд на Бреннера. – Зеррийская лихорадка.

Ему удалось сохранить лицо. Удалось даже удивленно поднять бровь, обозначив вполне закономерный интерес. Действительно, зачем Эрих проделал столь непростой путь, ведь каждому дураку известно, что зеррийская лихорадка неизлечима. Это проклятие выжженных солнцем земель Хар-Иллама, откуда возвращаются лишь единицы. Возвращаются затем, чтобы тайно принести на Северный материк страшную болезнь, лекарства от которой нет. Неизвестно даже, как она распространяется. Болезнь находит своих жертв везде: во дворцах и беднейших трущобах, в людных городах и небольших поселках... Зеррийская лихорадка не заразна, иначе единичные случаи давно переросли бы в эпидемию, но это не мешает ей каждый год уносить все новые и новые жизни.

– Лекарства нет, – вслух повторил Конрад. – Мне жаль.

– Нет! – упрямо воскликнул вышедший вдруг из оцепенения юноша.

– Я бессилен. Как и другие лекари.

– Лекарство есть! Пятнадцать лет назад...

– О, нашумевшая история! – фыркнул Конрад. – Обычные байки. Нельзя верить этим всезнайкам.

– Я знаю, кто вы.

Он так и не успел произнести вслух уже заготовленную фразу о столичных умниках, которые только и умеют, что лягушек резать да колбы взрывать. Слова замерли на языке, не осмелившись разрушить тяжелое молчание. Не говоря больше ни слова, Эрих ждал, а Конрад не знал, что отвечать.

– Я знаю, кто вы, – тверже повторил юноша. – Я учусь в Мернском университете, я читал ваши книги, повторял описанные в них опыты, зубрил формулы... Вы были правы! Вы нашли лекарство.

Осколки тарелки заплясали на полу, заставив отпрыгнуть задремавшую было кошку. Не стоило так резко вскакивать из-за стола, не стоило давать волю гневу, который больше похож на страх, как не стоило раньше отмахиваться от предчувствия, требовавшего гнать этого непонятного мальчишку в три шеи. Конрад думал, что пятнадцать лет – достаточный срок, чтобы разрушить человеческую память. Он заблуждался.

– Пошел вон! – сдерживаться вдруг стало выше его сил. – Думаешь, запугать удастся? Поздно, слишком поздно ты явился, мальчик. Это уже не я, не моя жизнь, не мое время. Полоумный дед с седой бородой – вот кто я теперь, и мне плевать, что думают по этому поводу чьи-то ищейки.

– Вы не поняли... Вы были правы! Это какая-то ошибка! Я видел ваши записи. То, что произошло, невыносимо, ваш рецепт не мог привести к такому...

– Все мои записи уничтожены. Я сам их сжег, вот этими руками, чтобы такие умники, как ты, не лезли не в свое дело. Ты не мог их видеть!

– Вы сожгли не все! Только то, что было в вашем кабинете и у вас дома. Я был в архиве, я знаю ваш почерк, вашу манеру изложения... И то, что я нашел...

– Кто тебя прислал, гаденыш?

– Никто, я сам...

– Ну конечно, сам. Что? Что тебе от меня нужно? Выманить, как крысу из убежища? Я слишком опытная и старая крыса, чтобы попасться на твои уловки! Сестра у него... Убейся, откуда пришел.

– Да, сестра! – почти выкрикнул Эрих, от волнения дав «петуха». – Она правда больна! И я правда верю, что вы можете...

– Ничего я не могу! Я старый дурак, место которого здесь. В этой дыре, в этом лесу и в этой избе. Я лечу поносы, косоглазие и пустые головы. У тебя, по всей видимости, последнее, но все равно пошел вон, сегодня не приемный день.

– Но...

Терпение Конрада лопнуло. Рывком распахнув дверь, он вышвырнул наружу дорожную сумку Эриха, которую тот опрометчиво оставил возле входа. Завтра тело не скажет ему за это спасибо, но лому в костях он как-нибудь переживет. В отличие от общества настырного юнца.

– Убейся, – сквозь зубы повторил он, сверля взглядом вцепившегося в лавку Эриха. Кажется, в глазах юноши стояли слезы, но Конрад был далек от жалости. Пытаясь унять нахлынувшую ярость, он смотрел за тем, как Эрих поспешно собирает разлетевшиеся по траве пожитки, а затем едва ли не бегом спускается по склону оврага. Лишь когда юноша полностью скрылся из виду, Конрад вполголоса выругался и вернулся в дом.

Женщина больше не кричала. Хриплое дыхание с трудом вырывалось из исхудавшей груди, на лбу выступила кровавая испарина. Он прекрасно знал, что это означает, но не верил. До сих пор не верил, хотя все стало понятно еще несколько часов назад, когда худенькое тельце забилося в страшных судорогах. Не придерживай больную двое крепких мужчин, она свалилась бы на пол. Эльза всегда была хрупкой, воздушной, легкой, как лесная фея, но перед смертью ее силы удесятерились...

Перед смертью. Вот ты и поверил, Конрад. Не в свою ошибку, еще нет, а в то, что болезнь победила и дальнейшая борьба принесет лишь страдание. Через несколько часов все будет кончено... И для Эльзы, и для тебя. Если Лейднер не убьет тебя на месте, жизнь тебе сохранят, но будешь ли ты рад такой жизни? Сможешь ли со смирением наблюдать за тем, как рушится твоя карьера, как все, что ты делал в последние годы, подвергается тщательному расследованию, а ты сам становишься добычей сплетен и домыслов? От позора не избавиться, даже если в конце концов тебя признают невиновным. За свои ошибки нужно платить, и для врачей и ученых эта плата всегда была высока...

Бледное лицо, выхваченное из полумрака тусклым светом прикроватной свечи, уже в который раз за сутки исказила гримаса боли. В который? Не в последний ли? Это мучение следовало прервать, ведь надежды не осталось, ее не было уже тогда, когда начались эти припадки, превратившие мужественную Эльзу в полубезумное существо... Где ты допустил промах, Конрад? Ведь формула работала, она уже спасла нескольких человек! Тебя боготворили, носили на руках, обещали золотые горы и собственную академию, в которой ты был бы полноправным хозяином, набирая учеников и выстраивая занятия по своему усмотрению... Все это не могло быть совпадением, случайной удачей... Или все же могло? Что, если ты ошибся не сейчас, а раньше, решив, что сумел победить смерть? Как бы то ни было, из спасителя ты превратился в убийцу. Из гения – в преступника. Так всегда бывает с теми, кто поднялся выше той ступени, которой заслуживал, но ты никогда не предполагал, что подобное случится и с тобой...

– Ей недолго осталось, – прошепел из угла голос Карла. Помощник тоже все понимал, но почему-то не уходил, хотя Конрад приказывал, и не раз. Нервно сплетая пальцы

сложенных рук, он смотрел из темноты огромными от страха глазами и беззвучно что-то шептал. Молится? Он же никогда не был набожным...

– Можешь идти. Ты здесь больше не нужен.

– Мужа позвать?

– Еще рано.

– Но сколько еще ждать?

– Сколько нужно! – рявкнул Конрад, заставив парня испуганно съежиться на стуле. – Я сказал, ты свободен, иди.

– Нет. Я... я с вами, мастер, – трясущимися губами прошептал Карл.

– Тебе же хуже.

Мальчишка быстро закивал и уставился на свои руки. Он не мог не понимать, что его ждет в случае неудачи Конрада. Ученик опального лейб-медика разделит участь наставника, став таким же изгоем. Наверное, ему будет проще: Карл молод и сможет подыскать себе другую профессию, к тому же он никогда не демонстрировал выдающихся успехов. Конраду было довольно того, что ученик не мешал ему в его работе. Он привык делать все в одиночку... Может, это тоже было ошибкой, и своевременное вмешательство коллеги смогло бы предотвратить трагедию... Что толку в этих «бы»! Здесь и сейчас все его измышления не стоят ломаного гроша. Так зачем медлить? Зачем продлять ненужные страдания? Не проще ли сохранить лицо и жалкие остатки уважения к себе, признав свое поражение и безропотно приняв любую кару?

Нет, не проще... Потому что ты боишься, Конрад. Боишься взглянуть в глаза Артуру Лейднеру, боишься смотреть, как будут рыться в твоих вещах, боишься представить себя – жалкого, униженного, в сотый раз повторяющего одни и те же показания перед равнодушными судьями. Ты знаешь, что не выдержишь этого, и потому тянешь время, надеясь найти хоть какой-нибудь выход... Или ты уже нашел его и теперь набираешься решимости? Ведь это не так уж и сложно... Написать прошение об отставке, признать изобретенное тобой лекарство пустышкой, ни на что не годным плацебо, взять всю вину на себя, оправдав помощника, отнести бумагу в кабинет Лейднера... Наврать в глаза Карлу и торчащим возле входной двери людям Артура, сказать, что тебе нужно снадобье, которое хранится у тебя дома в тайнике, что важна каждая секунда, поэтому ты поедешь за ним сам... Замести следы, уничтожив до капли то лекарство, которое давали Эльзе, спуститься по лестнице, вздрагивая при каждом звуке и надеясь, что Лейднер не вернется хотя бы в ближайшие полчаса, на улице вскочить в первый попавшийся экипаж, добраться до дома, за считанные минуты собраться, взяв с собой самое ценное и уничтожив то, что забрать не получится... Ты обдумываешь детали, значит, ты уже решился, и нет смысла мешкать. Ты не готов платить за содеянное сполна, но ты можешь не позволить другим допустить подобное... Пусть так и будет.

Конрад склонился над больной, зачем-то коснувшись тыльной стороной ладони впадой щеки. Нелепая попытка попрощаться, которая не нужна ни ему, ни ей, но просто взять и уйти было бы не по-людски. Эльза со свистом втянула в себя воздух и приоткрыла глаза. Когда-то ярко-зеленые, как весенняя листва, теперь же – почти серые. Кажется, она ненадолго пришла в сознание и теперь пыталась что-то сказать, беззвучно шевеля опухшими, искусанными в кровь губами. Конрад наклонился еще ниже, напрягая слух, но так ничего и не расслышал. А в следующую секунду Эльза снова закричала...

Он поднялся на постели рывком, сбросив на пол сбившееся в комок одеяло. Руки тряслись, но Конрад все же нащупал стоящую возле кровати кружку с водой и в несколько глотков осушил ее. Встревоженная столь внезапным пробуждением хозяина кошка спрыгнула на пол и слилась с ночной темнотой.

Зажечь свечу удалось лишь с третьей попытки. Маленький язычок пламени слегка отогнал удушающую черноту, тянущуюся к нему со всех сторон. Конрад вглядывался в огонек до рези в глазах, пока сдавившая верх груди боль не разжала когти. В его возрасте следует беречь сердце, и он старался не нагружать себя лишней работой и физическими усилиями, но перед лицом ночного кошмара оказался совершенно безоружен. В последний раз подобный сон приходил к нему давно, к тому же он не был столь безжалостно точен. Это был всего лишь сон, а не ожившее воспоминание, заставившее заново прожить минуты, которые вряд ли удастся когда-нибудь забыть. Всего лишь сон...

Лицо Эльзы до сих пор стояло у него перед глазами. Болезнь исказила его почти до неузнаваемости, в нем с трудом угадывались черты миловидной улыбчивой женщины, по примеру Карла называвшей Конрада мастером и увлеченно внимавшей его рассказам о природе различных веществ и явлений... Она даже собиралась ходить к нему на лекции, но Артур со смехом отменил эту идею, посоветовав жене побольше заботиться о пеленках и распашонках для будущего малыша. Вскоре она родила двойню, и о столь экстравагантных фантазиях было забыто, но это отнюдь не уменьшило взаимной симпатии между женой капитана королевской гвардии и немолодым лейб-медиком. Все было прекрасно, пока однажды Эльза не слегла с какой-то хворью, которую поначалу приняли за обычную простуду. Когда же стал известен настоящий диагноз, Конрад почти не нервничал, напротив, он сам успокаивал Артура, уверяя, что совсем недавно нашел способ излечить болезнь... Каким же самонадеянным болваном он был тогда. И каким невнимательным тупицей – вчера днем.

Ложиться вновь Конрад не стал. До утра оставалось не так уж много времени, и тратить его на бесполезные душевные терзания он не собирался. Безжалостно выпотрошив ящик письменного стола, бывший лейб-медик принялся разбирать бумаги. Необходимо было решить, какие из них могут пригодиться в столице, а какие лучше отдать селянам для растопки печи.

Мальчишка вернулся к избе поздним утром, должно быть, решив, что столь видному ученому не пристало подниматься с первыми петухами. Сегодня он выглядел еще жалобней и вместе с тем еще решительнее. По крайней мере, заговорить сподобился куда быстрее, чем вчера.

– Мастер Конрад...

– Какой я тебе, к черту, мастер? – тихо и зло произнес Конрад, спускаясь с невысоких ступеней крыльца. Юноша испуганно вскинул глаза и попятился, но за калитку так и не вышел.

– А к-как... мне называть вас?

– А как мне называть тебя, Эрих?

– Что вы имеете в виду?

– Зачем было придумывать фальшивое имя, если в итоге я все равно узнал бы правду? Почему ты не сказал, чей ты сын?!

Огорошенный таким напором, лже-Эрих, казалось, потерял дар речи, но в данный момент Конрад и не требовал ответа.

– Ты сын Эльзы и Артура, тебя зовут Себастьян, тебе шестнадцать, у тебя есть сестра-двойняшка Мартина, и это она сейчас умирает, ведь так?

Мальчишка дернул уголком рта и быстро кивнул. Вчера Конрад недостаточно внимательно рассмотрел его, чтобы увидеть сходство, но обмануть сон оказалось куда труднее, чем глаза. Себастьян не унаследовал от отца почти ничего, быть может, лишь форму носа, в остальном же паренек был похож на мать. На хрупкую зеленоглазую Эльзу Лейднер, которую пятнадцать лет назад Конрад убил...

– Вы правы, – выдавил из себя Себастьян. – Я соврал, чтобы вы не прогнали меня сразу, надеялся довести вас до столицы и лишь потом рассказать... Отец сказал, что вы не поедете, если я скажу, кто я.

– Отец?! – не поверил своим ушам Конрад. – Он знал, где я нахожусь?

– Да... Я все ему объяснил. Доказал, что вы были правы. Что это какая-то жуткая случайность... Что иного выхода у нас нет. Он долго не соглашался отпускать меня, но потом все же понял и согласился.

Выходит, Артур все эти годы знал, где скрывается убийца его жены... И теперь шестнадцатилетний сопляк убедил Лейднера обратиться к Бреннеру за помощью, чтобы тот угробил еще и дочь?! Конраду показалось, что кто-то из них спятил.

– Твой отец должен меня ненавидеть.

Себастьян поджал губы, даже не пытаясь спорить. Значит, он не ошибся. Но что заставило Артура пойти на это безумие? Отчаяние или жажда мести?

– Он все понял, – зачем-то повторил Себастьян. – Если вы не поможете, Марти все равно умрет. И с мамой было так же... Вы не виноваты.

Он больше не лгал и не притворялся, пытаясь задобрить единственного человека, имеющего шанс спасти его сестру. Мальчишка говорил совершенно искренне, и это потрясло Конрада больше, чем внезапно открывшаяся правда или разбудивший ее кошмар.

– Заходи в дом, – чужим голосом произнес он. – Поможешь собрать вещи.

Отпускать его не хотели. То ли не желали терять хорошего лекаря, спасшего не одну жизнь, то ли опасались, что чем-то обидели его. По крайней мере, на кошку, которую Конрад напоследок вручил Ядвине, селяне косились весьма подозрительно, словно опасались, будто на ней лежит проклятие, которое чародей, уезжая, решил оставить им. Именно это подозрение и заставило Бреннера сунуть в мешок царапающийся меховой комок и притащить его к избе кузнеца. Норов Ядвини мало в чем уступал силе ее мужа, да и с головой у нее, в отличие от столпившихся вокруг суеверных теток, все было в порядке.

– Она уже старая, – смущенно сообщил Конрад, ощущая спиной настороженные взгляды соседей. – В избе жить привыкла. Пропадет без меня.

– Так вы не вернетесь? – расстроилась Ядвиня, сгребая в охапку извлеченную из мешка, но все еще недовольную кошку.

– Не знаю.

– Так зачем едете?

– Не знаю... – тихо повторил Конрад. – Не могу иначе.

Ядвиня понимающе кивнула. Не стала отговаривать, убеждать остаться, расспрашивать о том, откуда взялся этот молчаливый хмурый мальчик и что за весть он принес... Просто вдруг глубоко поклонилась Конраду, мазнув косами по земле:

– В добрый путь.

Пробормотав что-то невразумительное, Конрад поспешил к ожидающему его чуть поодаль Себастьяну. Известие о том, что Бреннер все-таки поедет с ним, произвело на мальчика поистине чудодейственный эффект: отчаянье в его взгляде сменилось надеждой, и это изрядно беспокоило Конрада.

– А вас здесь полюбили, – слегка улыбнулся Себастьян. – И голова с таким сожалением прощался, и эта женщина...

– Они не расстроены, а напуганы, – срезал его радость Конрад. – Теперь некому будет лечить их от белой горячки и заворота кишок. А еще они боятся, что я их прокляну на прощанье.

– Неправда. Они вам благодарны. Мне рассказывали, что с тех пор, как вы появились тут, ни одна женщина не умерла родами, да и болезней стали бояться меньше.

- Перестань, а? Хватит убеждать меня в том, что я лучше, чем есть на самом деле.
- Но вы же согласились поехать со мной.
- Если б я не догадался, кем была твоя мать, не поехал бы. Это раз. И я совсем не уверен в том, что смогу помочь твоей сестре. Это два.
- Кроме вас, точно никто не сможет...
- Почему ты так думаешь? – угрюмо поинтересовался Бреннер. Он не хотел давать мальчику ложную надежду, но тот и так уже увяз в ней, как в болоте, и теперь старательно тащил туда еще и Конрада.
- Многие пытались. Безуспешно.
- А нынешний лейб-медик? Твой отец обращался к нему?
- Мэтр Швайгер? Он сказал, что тоже ничем не может помочь...
- Ульрих? Ульрих Швайгер? – удивился Конрад.
- Вы знаете его?
- Да. Мы же с ним коллеги, когда-то учились вместе, да и работали тоже. Не ожидал, что он когда-нибудь займет эту должность...
- Почему? – искренне удивился Себастьян. – Его Величество доволен им, да и преподаватель он хороший... Хотя и немного скучный.
- Хорошо, что я у тебя не преподавал, – хмыкнул Конрад.
- Это пока, – с великолепной наивностью заявил Себастьян. – Когда вы вылечите Марти...
- Не «когда», – оборвал его Конрад. – Если вылечу, а пока и говорить не о чем.
- Себастьян вновь сник, но Конрад успел заметить мелькнувшую в его глазах упрямую злость. Это хорошо. Сын Артура унаследовал отцовскую цепкость и дотошность, а значит, он не примчался бы сюда, не имея веских оснований верить в то, что у Марти есть шанс. И неважно, что шанс этот в руках у состарившегося в изгнании труса, который когда-то сбежал от сломившей его безысходности. В этот раз он не побежит. Потому что просто не сможет вернуться в маленький, стоящий на отшибе домик с резным крыльцом и скрипучим полом, который все эти годы был для него не то убежищем, не то тюрьмой.
- Лесная тропинка встретила их звонкими птичьими трелями и насыщенным запахом хвои. Ранняя осень в этих местах всегда была теплой и солнечной, как и в Мерне. Конрад всю жизнь думал, что любит город – шумный, никогда не находящийся в покое муравейник. Теперь же он вдруг понял, что привык к здешним местам, к их умиротворяющей красоте, к размеренности и неторопливости сельского быта...
- Ты учишься в Мернском университете? – Молчать среди вызолоченных солнцем сосновых стволов почему-то было невозможно. Хотелось говорить о чем угодно, лишь бы не о деле и не о больной девочке, ожидающей их в столице.
- Да. Уже два года. Я самый младший из студентов, но преподаватели мной довольны, – не без гордости сообщил Себастьян.
- И на какой кафедре?
- На вашей... – Он осекся. – То есть на бывшей вашей... Фармацевтической химии.
- Понятно. Нравится?
- Да.
- Что интереснее всего?
- Медицина, – не раздумывая, ответил юноша. Потом, заметив его иронично приподнятую бровь, быстро поправился: – Хотя химические науки тоже весьма занимательны...
- Не подлизывайся. А почему в маги не пошел? Прибыльное, говорят, дело. И уважения к ним больше. Заклинания творить – это вам не во внутренностях ковыряться.
- Вы ведь шутите?

– Ну отчего же. Местные вон, похоже, меня всерьез чародеем считали. Видел, какой почет и трепет?

– Это все внешнее, – с очень серьезным видом качнул головой Себастьян. – Для магии нужен талант.

– Азам любого бездаря выучить можно, – возразил Конрад.

– А я не хочу знать только азы. Медицина – это наука, а магия?..

– Такая же наука, ничем не хуже.

– Я не об этом. Магия – это волшебство. Дар, взятый взаймы у неведомого. Чудо... А чудесам нельзя научиться. То есть можно, конечно, но это уже другое... Это как повторять что-то, не вникая в суть. Я так не хочу. Я хочу понимать, что, как и зачем я делаю, чтобы...

– Довольно, мне все ясно, – вздохнул Конрад. Надо же, какой идеалист ему попался... Почти как он сам в юности. Тогда он тоже восхищался магией, но учиться пошел медицине. Она представлялась ему безупречной системой, сродни математике, и он верил, что в этой системе задачи не могут не иметь ответов. Ему казалось, что он может найти эти ответы... Иллюзии развеялись быстро: после того, как у него на руках умер первый пациент. Мальчишка тоже скоро поймет, что идеалы недостижимы. Есть только путь к ним. Бесконечная, тяжелая, каменистая дорога, с которой сворачивают очень многие. И сам Конрад в том числе...

– Профессор, я изучил ваши работы...

– Довольно. – Он предпочел сменить тему: – Ты пришел один?

– Нет. Отец приставил ко мне троих гвардейцев. Они разбили лагерь неподалеку от тракта, мы скоро доберемся. Там же и лошади. Вас не затруднит ехать до Мерна верхом?

– Затруднит, – сварливо сообщил Конрад. – Но выхода-то нет. Карета будет тащиться медленнее. Сколько у нас времени?

– Четыре дня.

– До конца? – похолодел Конрад.

– Нет. До момента, когда процесс станет необратимым, – отчеканил научную формулировку Себастьян, словно речь шла не о его сестре, а о какой-нибудь химической реакции. – По вашим расчетам.

– До Мерна три дня. Это в худшем случае. Для моей работы все готово?

– Да. Ингредиенты, ваши записи, весь необходимый инструментарий... Помощники тоже будут, если вы скажете, но отец...

– Нет! – отрезал Конрад. – Помогать мне будешь ты.

– Да, мастер.

– Я тебе не мастер.

– Я помню.

Оставшийся до лагеря путь они прошагали молча.

Дорога давалась Конраду тяжело. В седле он держался снсно, но хорошим наездником не был никогда, а годы покоя и отсутствия практики лишь усугубили этот изъян. Поначалу он просил Себастьяна делать остановки через каждые пару часов, потом перестал, понимая, что если сойдет с коня сейчас, то больше в этот день в седло не сядет. К счастью, имеющееся в запасе время позволило им остановиться на ночь в одной из придорожных гостиниц.

После не слишком обильного ужина вконец обессиливший Бреннер отправился в свою комнату, но отдохнуть ему не дали. У порога ожидаемо торчал настырный Себастьян. Казалось, многочасовая дорога ничуть не утомила юношу.

– Мастер Конрад, я должен рассказать вам...

Усталость мешала даже раскрыть рот, поэтому он неопределенно мотнул головой, давая понять, что мало склонен выслушивать Себастьяна. К несчастью, тот воспринял это как согласие.

– Я хотел бы обсудить формулу и процесс изготовления препарата.

– Зачем?

– Мне кажется, я знаю, из-за чего все пошло не так.

Ключ тихо щелкнул в замке, и в лицо Конраду пахнуло лавандой и еще какими-то травами. Он нарочито неторопливо осмотрел комнату, потом одну за другой зажег стоящие на прикроватной тумбочке свечи и все так же не спеша принялся распаковывать свои небогатые пожитки. Старческие кости умоляли о снисхождении, и Конрад возблагодарил свою предусмотрительность, заставившую его взять в путешествие хотя бы часть лекарств и мазей.

– Вы понимаете?

Себастьян все так же суетливо переступал с ноги на ногу, пытаясь поймать его взгляд. Конрад только сейчас заметил в его руках продолговатый футляр для бумаг.

– Я не глухой. Что там у тебя?

– Ваши записи... И кое-какие мои дополнения. – Не устояв на месте, он принялся мерить комнату шагами.

– Перестань мельтешить. Садись вот сюда, доставай свои бумажки.

– Я не уверен, что смогу объяснить все четко...

– А придется. Но сначала смешай-ка вот это с вот тем... Если, конечно, не хочешь завтра с утра искать для меня экипаж.

Себастьян не захотел. Напротив, он так рьяно взялся за протянутые ступку и пестик, что Конрад испугался за их целостность. К счастью, все обошлось: похоже, юноша и впрямь имел некоторый опыт в фармацевтическом деле. Уже через полчаса Конрад смог блаженно откинуться на спинку кресла, чувствуя приятное жжение в спине и коленях.

– Вот теперь можешь начинать, – великодушно разрешил он, глядя, как Себастьян возится со своими бумажками. За неимением стола парнишка раскладывал их на крышке массивного сундука, в котором он сам при желании мог бы поместиться целиком. Слегка сощуриив глаза, Конрад с удивлением отметил, что выцветшие, желтоватые листы действительно исписаны его почерком. Значит, сгорело не все...

Закончив подготовку, Себастьян вытянулся перед ним в струнку и отбросил со лба непослушную каштановую челку. Несколько секунд он молчал, собираясь с мыслями, а потом, словно в омут, бросился в мутную пучину большой науки:

– Смотрите, мэтр, вот в этом месте вы обуславливаете действие препарата сочетанием таких компонентов, как экстракт алионии и пятипроцентный раствор керрадия. Сами по себе они смертельно опасны, но в правильной консистенции нейтрализуют друг друга, создавая новый эффект. Но они могут вступать в связи и с другими компонентами, и тогда...

Они проспорили почти до рассвета. Ругались, орали друг на друга, тыкая испачканными чернилами пальцами в устрашающее нагромождение цифр и формул, которое ближе к концу беседы стало занимать четыре листа. Иногда успокаивались и начинали заново, обосновывая необходимость и правомерность каждой закорючки, каждого почти незаметного штриха, хоть немного меняющего смысл написанного. Временами заходили в тупик и искали выход: уже молча, без лишних слов, каждый сам для себя, чтобы потом вместе выбрать единственно верный ответ. Это могло продолжаться бесконечно, но посветлевший квадрат окна напомнил о том, что им следует беречь силы, а для этого нужно хоть немного поспать.

– Ты молодец. Ума не приложу, как ты смог что-то понять по этим записям, ведь это всего лишь черновики, в них даже конечной формулы нет...

Себастьян вскинул на него сияющий взгляд. Сейчас он ничем не напоминал того сдержанного и чересчур серьезного паренька, который постучался к Конраду позавчера. Взыерошенные лохмы торчали в разные стороны, как у набегавшегося по лугу щенка, для еще большего сходства не хватало только высунутого языка.

– Правда? Значит, шанс есть?!

Конраду вдруг стало смешно. До слез. В этом вопросе прозвучало столько надежды, столько пережитого страха, что тщательно скрываемая Себастьяном правда стала очевидна. Он блефовал. Отчаянно, вдохновенно и оттого безупречно. Он обманул отца, обманул и самого Конрада, накормив их басней о якобы найденной разгадке трагедии лишь затем, чтобы его сестра, которую все считали обреченной, получила шанс. И теперь не может поверить в то, что этот шанс действительно есть.

– Ты ведь сочинил все это наугад, – со смесью изумления и восхищения произнес Конрад. – Ты не знал, где на самом деле зацепка, но ты заставил меня размышлять об этом... И спорил лишь для того, чтобы я нашел правильный ответ...

– Но... вы же не передумаете? Простите, но у меня не было выхода... Один мой друг, Густав, он учится со мной... Плохо учится, на тройки, но это он мне посоветовал. Сказал, что дуракам везет. Когда он сдает экзамены, то специально говорит какую-нибудь глупость наугад, а преподаватели от возмущения перебивают его и сами все рассказывают. Я действительно изучал ваши записи, много раз их перечитывал... И, честно говоря, почти ничего не понял. Но я решил, что, если выскажу какое-то предположение, пусть даже неправильное, вы постараетесь объяснить мне...

Что ж, иногда друзья-троечники оказываются чрезвычайно полезны... Конрад представил, как юные обалдуи изобретают хитроумный план, призванный заманить в их сети матерого профессора, и не смог сдержать смеха. Все его затворничество, долгие годы одиночества, убежденность в том, что он совершил страшную ошибку, и намерение никогда не возвращаться к прошлому пошли коту под хвост из-за двух отчаянных мальчишек, которые не побоялись обхитрить судьбу. И ведь они выиграли, черт возьми, выиграли! Решение найдено. Неважно, откуда в тинктуре, которой поили Эльзу, взялся один-единственный лишний ингредиент. Неважно, что он разрушил формулу, тщательно создававшуюся Конрадом многие годы. Неважно, что эта оплошность погубила его карьеру... Важно то, что, если они окажутся правы, Марти будет жить... К черту «если»! Они правы.

В Мерн они въехали через полтора дня на закате.

За время отсутствия Конрада город почти не изменился. Извилистые улочки, по которым он бегал еще школяром, не стали прямее, прежними остались и дома с выставленными за окна цветочными горшками и крытыми красной черепицей крышами. Мерн никогда не походил на столицу: в нем не было монументальности и строгости, присущих другим крупным городам Рельтии, но именно это и нравилось Конраду. Неторопливая, но вместе с тем ни на миг не замирающая жизнь наиболее полно воплощала его представление о счастье и гармонии. Когда-то он мечтал, что, уйдя на покой, купит маленький домик на окраине и будет каждое утро спускаться в гавань, чтобы смотреть, как солнце просвечивает паруса выходящих из нее кораблей. Мечта не сбылась, как и многие другие, пришедшие ей на смену, но сейчас это уже не было важно. Важно было другое, которое становилось ближе, страшнее и в то же время желанней с каждым шагом, с каждым ударом подкованного копыта по мостовой...

К счастью, Лейднера не оказалось дома. Немолодая служанка, встретившая их, сообщила, что хозяин уехал во дворец и вряд ли вернется раньше завтрашнего утра. Конрада это не удивило: когда была больна Эльза, Артур тоже прятался ото всех в якобы неотложные дела государственной важности. Быстро выяснив у служанки, что Мартина еще жива и не

так давно приходила в сознание, Бреннер потребовал принести горячую воду и полотенца. Тщательно вымыв и вытерев лицо и руки, Конрад подумал о том, что неплохо бы заодно сменить пыльную дорожную одежду, однако, взглянув на Себастьяна, решил повременить с этим. Юноша разве что на стенку не лез, разрываясь между желанием немедленно бежать наверх, к сестре, и страхом узнать, что уже поздно. Если он ошибся со сроками, Марти уже не помочь, а это значит, что все зря. Выдуманный обман, скачка сквозь осенний лес, безумные ночные разговоры, вспыхнувшая заново надежда... Все зря. Конрад слишком хорошо знал, что это значит. По лестнице, ведущей к комнате девушки, он поднялся первым.

Как он и боялся, Марти оказалась похожа на мать. Быть может, ему лишь показалось так: мягкие черты лица и зеленые глаза действительно напоминали Эльзу, но довершала сходство стремящаяся стать настоящим память. Разве что комната выглядела иначе да вместо Карла в углу сидел другой человек. Вскочив, он поспешно убрал за спину недоплетенный венок из каких-то мелких бордовых цветов и судорожно начал поправлять безупречно сидящий на нем камзол. Вероятно, это и был тот самый Густав, совету которого Конрад обязан внезапным прозрением. Помимо него, в комнате находилась пожилая сиделка и невысокий круглолицый мужчина, в котором Бреннер безошибочно признал коллегу. При виде вошедших лекарь понимающе кивнул и посторонился, пропуская Конрада к изголовью кровати.

– Как она? Какие симптомы? – быстро спросил он, убрав со лба девушки мокрую повязку и приложив свою ладонь. У Марти был довольно сильный жар, но, к счастью, еще не было бреда, а это значило, что Себастьян ошибся не больше чем на сутки. Время еще есть.

– Жар держится. Сухой кашель. Иногда подолгу. Вчера приходила в сознание и жаловалась на давящую боль в груди, – деловито доложил медик.

– Вы давали ей какие-то лекарства?

– Нет. Господин Лейднер запретил. Даже самые безобидные травки. Он ждал вас.

Конрад заставил себя не задумываться над его последними словами. Мало ли, чего или кого ждал Артур, сейчас речь не об этом, а о том, что приставленный к Марти медик все сделал правильно. От него требовалось одно – не вмешиваться, и он с этим прекрасно справился. По крайней мере, Конраду очень хотелось на это надеяться.

– Спасибо вам, можете передохнуть, – объявил он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Со мной останется Себастьян. Если мне понадобится помощь, я позову вас.

Наверное, он был излишне резок, к тому же забыл представиться и узнать имя своего коллеги, но тот принял это как должное. Медик с достоинством кивнул и неторопливо удалился, пропустив вперед не скрывавшую своего облегчения сиделку. Густав не тронулся с места. Конрад хотел было выставить и его, но подумал, что препирательства с настырным троечником отнимут слишком много времени, и махнул на упряма рукой.

Он все же присел рядом с кроватью, взял Марти за руку, чтобы прощупать пульс. Чуть курносый профиль казался восковым, вокруг закрытых глаз лежали серовато-бурые тени, но горе-лекари выглядели ненамного лучше. За себя Конрад поручиться не мог, а вот Себастьян с Густавом напоминали обретших плоть призраков. Ничего, выспятся, когда все закончится. И закончится хорошо!

– Все в порядке, – как можно более уверенно произнес он. – Болезнь еще не перешла в конечную стадию. На приготовление препарата мне понадобится около часа. Вы будете при этом присутствовать... Только присутствовать! – уточнил он, видя, как друзья одновременно раскрыли рты, намереваясь предложить любую помощь. – В этот раз я все буду делать сам. Если что-то покажется вам неверным – скажите, но не пытайтесь исправлять сами. От этого зависит ее жизнь. Все ясно?

Себастьян кивнул сразу же, не раздумывая, а вот Густав помедлил. Все правильно: это не он мчался за много миль, чтобы найти давно наплевавшего на все и вся отшельника, не он спорил с ним до хрипоты, помогая поймать за хвост ускользающую разгадку, не он наблюдал

за терзающими Конрада сомнениями... Он остался здесь, рядом с умирающей девушкой, которая даже не была ему сестрой. Бреннер не знал, кому из них пришлось тяжелее.

– Вы вылечите ее? – Он не спрашивал, он требовал и оттого казался в этот миг старше своих не то семнадцати, не то восемнадцати лет. Симпатичный парень, куда представительней того же Себастьяна, и взгляд умеет держать лучше. Только голос дрожит, выдавая тайну, которая, быть может, неизвестна даже его другу.

– Вылечу. И вы мне поможете. Ведь дуракам везет...

«Особенно влюбленным», – додумал Конрад про себя.

Спина снова начала болеть. Позвоночник словно подтачивало изнутри, заставляя Конрада ерзать на твердом стуле в попытках отыскать удобную позу. Пока все эти попытки заканчивались неудачно, но Бреннер с непонятным ему самому упрямством отказывался от предложений пересест в более удобное кресло. Он должен быть рядом с Марти. Должен постоянно смотреть на нее, чтобы заметить хоть малейшее изменение в состоянии девушки. Симптомом может оказаться любая мелочь, любая не видная на первый взгляд деталь: изменение цвета лица, учатившееся дыхание, движение глаз под опущенными веками...

Изменений не было. Никаких. А ведь с тех пор, как Марти приняла лекарство, прошло почти четыре часа... Болезнь зашла дальше, чем ему показалось, и потому сопротивляется отчаянней? Или... снова?

Из окна потянуло гарью. Осенью на окраинах Мерна жгут сухую листву, и горький запах пронизывает город. Казалось, он впитывается в стены, в серые булыжники мостовой, даже в небо, которое в сентябре кажется выше и прозрачней. Конрад никогда не любил запах горелой листвы, но сейчас никак не мог им надышаться. Он только теперь понял, что вернулся, что назад дороги нет, а есть ли она впереди... Не так уж важно. Он прожил не самую короткую и не самую дрянную жизнь, чтобы о чем-то жалеть. А на старости лет еще и перестал быть трусом. Благодаря страшной шутке судьбы и двум смелым мальчишкам, не смирившимся с ее приговором. Он все сделал правильно. Даже если Марти умрет. Он больше не побежит, потому что должен дожидаться Артура и сказать ему... Сказать что? Это тоже неважно...

Длинные волосы рассыпались по подушке темными волнистыми прядями. Будто ветви ползучей орхидеи... Эльза всегда любила экзотические цветы, но в это время года Артур дарил ей астры и только астры. Они пахли так же, как мернская осень: дымом и горечью, но Эльза лишь смеялась и говорила, что весны в их доме и так хватает. Весна жила в ее глазах, в мелодичном смехе, журчащем, будто ручеек, в лукавой и таинственной улыбке, перед которой не мог устоять даже вечно серьезный и озабоченный Артур... Теперь эта улыбка погасла, превратив милое и живое личико в фарфоровую маску. Умирающие не улыбаются... И теперь осень будет жить здесь всегда...

– Мастер Конрад!

Он так резко выпрямился, что боль вцепилась в спину с утроенным азартом. Сердце тоже кольнуло, но отпустило почти сразу. Конрад вспомнил, где находится и что делает, и немедленно обругал себя. Угораздило же заснуть на стуле, да еще в такой важный момент...

– Мастер Конрад, она пришла в себя!

Старый дурак, надо же было вместо того, чтоб обратить внимание на девушку, задуматься о собственных болячках! Они-то никуда не денутся, какие лекарства ни придумывай, но вот Марти...

Себастьян не солгал. Она действительно пришла в себя. Удивленно взмахнув длинными ресницами при виде Конрада, девушка перевела взгляд на брата, затем на Густава и робко улыбнулась.

– Марти...

Казалось, это слово одновременно выдохнули все трое.

– Что с... сл...

– Все хорошо, – сорванным шепотом произнес Себастьян. – Теперь все будет хорошо. Это мастер Конрад, он вылечил тебя... Ведь так?!

Конрад не ответил. Он беззвучно смеялся, чувствуя, как по щекам текут слезы.

Он не заглядывал в зеркало очень долго. В деревенском домишке неоткуда было взяться такой роскоши, как настенное зеркало, а во время бритья он вполне довольствовался небольшим осколком, завалявшимся еще со времен прошлых хозяев. В нем отражалась лишь часть лица, но он и не стремился разглядеть себя целиком. Вскоре он и вовсе забросил это глупое занятие и стал отращивать бороду. Судя по тому, что селяне не косились на него, как на огородное пугало, выглядел он с ней неплохо. Конрад настолько отвык от мыслей о собственном виде, что встреча с зеркальным двойником стала для него настоящим потрясением, оттеснив на второй план и шальную, накрывшую его с головой радость, которую принесло выздоровление Мартины, и опасения, которые у него вызывала предстоящая встреча с ее отцом. Наверное, он не так уж сильно постарел: для своих пятидесяти девяти Конрад выглядел вполне сносно, но одно дело – хранить в памяти уже немолодое, но довольно приятное и открытое лицо, и другое – видеть в зеркале морщины и седую бороду.

– Сбрею. Сегодня же, – пообещал Конрад незнакомому человеку, удивленно взирающему на него из массивной рамы.

– Не стоит. Добавляет солидности.

Он обернулся на голос рывком, в очередной раз забыв про капризную спину и в очередной же раз отругав себя за это. Вошедшего человека он узнал сразу, несмотря на то что время не пощадило и его.

– Вернулся? – глупо спросил Конрад, изо всех сил стараясь не отвести глаз.

– Как видишь. Были неотложные дела...

Неотложных дел не было, Артур так и не научился лгать об этом. Любой нормальный отец забросил бы все, наплевав и на короля с его приказами, и на весь остальной свет, чтобы просто побыть у постели умирающей дочери, лелея надежду на то, что он может чем-то ей помочь. У Артура не было этой надежды, и поэтому он сбежал. Вот только у Конрада язык не повернулся бы назвать его трусом.

– Был у нее?

– Был.

Улыбка прорезала сведенные в одну линию губы, напомнив о том, что перед Конрадом все же живой человек, а не истукан. Артур и раньше был красив той строгой, правильной красотой, что так любят воплощать в своих творениях художники и скульпторы, но прошедшие годы сделали ее еще более четкой и безупречной... Безжизненной. Если б не морщинки в уголках глаз и почти седые вески, Конрад решил бы, что перед ним не человек, а один из легендарных бессмертных воинов, которые, согласно преданиям, вечно стоят на страже равновесия, не пуская в мир слуг дьявола.

– Ей нужен полный покой в течение двух недель, трехразовое питание и обильное питье. Организм потерял много воды...

– Я знаю.

Конрад осекся. Лицо Лейднера вновь окаменело, живыми остались лишь темные, почти черные, глаза.

– Присядь, Конрад. Я должен рассказать тебе кое-что... Думаю, это будет тебе интересно.

Ноги послушно отнесли его к низенькой софе, укрытой некогда темно-синим, а теперь тусклым и блеклым покрывалом. Конрад был готов к чему угодно, мысленно соглашаясь с

любым приговором, но то, что он услышал, оказалось за гранью любых догадок и предположений.

— Когда Себастьян рассказал мне, что изучил твои формулы и нашел возможную ошибку, я не поверил. — Артур так и остался стоять, лишь развернулся к окну, вперив взгляд в краешек неба, видневшийся над крышей соседнего дома. — Я реально оцениваю таланты своего сына. Не скрою, я хотел бы, чтобы он пошел по моим стопам, но мальчик был бы отвратительным военным. Уж лучше пусть станет хорошим врачом. У него есть способности к этому, преподаватели хвалят его, и я вижу, что эти похвалы заслуженны. Однако второкурник, едва научившийся отличать тиф от холеры, вряд ли сможет найти ошибку в трудах гения. Впрочем, дело не только в этом. Найти ошибку было невозможно еще и потому, что ты уничтожил свою формулу и воссоздать ее не удалось. Профессора университета бились над этим не один год, но безрезультатно. После того как в мучениях погибло еще несколько человек, король запретил любые опыты, касающиеся зеррийской лихорадки. Я не стал отговаривать его, хотя, наверное, должен был... Я постарался забыть об этом, но болезнь Мартины не оставила мне выбора. Твою ошибку мог найти и исправить только ты. Я решил дать тебе этот шанс.

— Спасибо.

— Не за что. Я всего-навсего не хотел терять еще и дочь... Я отправил Себастьяна за тобой и обратился к твоему помощнику, Карлу.

— Карлу? — не смог скрыть удивления Конрад. Артур обернулся и слегка приподнял бровь.

— Ты мог бы не просить помилования для него. Все знали, что его вмешательство в твои дела ограничивается накладыванием повязок и мытьем колб. После твоего... исчезновения его допрашивали не раз. В основном он дрожал как осиновый лист и бормотал, что ни в чем не виноват. В итоге на него махнули рукой. Я не интересовался его дальнейшей судьбой, но через несколько лет случайно услышал, что он стал помощником одного из твоих коллег, Ульриха Швайгера. Еще через несколько лет Швайгер занял должность лейб-медика. Ты помнишь его?

Конрад нахмурился, напрягая память. Когда несколько дней назад Себастьян упомянул имя его бывшего однокашника, он вспомнил Ульриха сразу, вот только никак не мог воссоздать в памяти его внешность. Воображение услужливо рисовало сутулую фигуру и тщательно зачесанные назад светлые волосы, но лицо старого знакомого оставалось неясным колеблющимся пятном. В конце концов, он решил, что это не так уж важно.

— Да. Мы с ним знакомы еще со студенческих лет.

— И какого ты мнения о его способностях?

— Среднего, — пожал плечами Конрад. — Хуже меня, но лучше многих. Не слишком изобретателен, но весьма упорен. Не думал, что ему удастся взлететь так высоко.

— Значит, ты не знал, что он метил в лейб-медики? Еще до твоего назначения за него пару раз ходатайствовали некоторые придворные, но твой предшественник, мэтр Энкербрахт, перед своим уходом порекомендовал Его Величеству тебя.

— Нет, не знал.

— Вы со Швайгером не слишком ладили, ведь так?

Что-то в голосе Артура очень не понравилось Конраду. С чего бы это, ведь все уже закончилось... Или нет?

— Мы не были друзьями, — признался он. — Иногда сталкивались на почве науки. Обычно я разносил его в пух и прах, и на том споры заканчивались. К чему ты клонишь, Артур?

– А что ты можешь сказать о нем как о человеке? – Лейднер пропустил его вопрос мимо ушей, и Конрад забеспокоился всерьез. Он чувствовал, что Артур подводит его к какой-то догадке, но он в последнее время слишком устал от мыслей...

– Зануда. И брюзга, даже хуже, чем я, – признался Конрад.

– Куда уж хуже, – Артур натянуто усмехнулся, но в его взгляде не было ни намека на веселье. – А что насчет Карла?

– Да ничего! – не выдержал Конрад. – Бестолочь, каких в университете пруд пруди. Зато покладистый и под руку не лез. Ты ведь знаешь все это, так зачем...

– Это они убили Эльзу.

Он сказал это тихо и спокойно, так что Конрад понял не сразу. Несколько секунд он оторопело вглядывался в застывшее лицо Артура, пытаясь увидеть на нем хоть какое-то подтверждение того, что ему не послышалось. Напрасно: Лейднер снова превратился в бесстрастную статую. Дотронешься – рассыплется каменной крошкой...

– Что ты сказал?!

– Швайгер завидовал тебе, Конрад. Еще с юности. Завидовал твоему уму, твоей удачливости, твоему положению. Каждую твою победу он воспринимал как личное оскорбление, а твое назначение на должность лейб-медика стало последней каплей. Он решил уничтожить ненавистного соперника, добившись твоего позора. И ему это удалось. Ему и Карлу. Твой помощник слишком долго мирился с тем, что ты считаешь его посредственностью, слишком часто получал от тебя подтверждения собственной бесполезности. Наверное, он бы рано или поздно свыкся с этим, но вмешательство Швайгера все изменило. Карлу представилась возможность поквитаться с тобой, и он решил воспользоваться ею. Швайгер знал, что грубое изменение формулы разрушит лекарственный эффект, и воспользовался этим. Он пообещал твоему помощнику многое, куда больше, чем дал бы ты, и тот согласился пойти на убийство. Это Карл подбросил в приготовленное тобой блюдо лишний ингредиент. Щепотку соды. Ты действительно не виноват в смерти Эльзы.

Смысл сказанного доходил до Конрада долго, но Артур проявил терпение. Убедившись, что он понял и не собирается по этому поводу хвататься за сердце, Лейднер неумолимо продолжил:

– Когда я обратился к Швайгеру за помощью в лечении Марти, он сказал, что абсолютно бессилен. Он явно хотел побыстрее от меня отделаться: говорил, что спешит, ссылаясь на поручение Его Величества... Тогда я обратился к Карлу. Себастьян уже скакал за тобой, и я решил, что тебе может потребоваться помощник. Я пришел к нему всего лишь затем, чтобы попросить его вновь ассистировать тебе, ведь он уже работал с тобой. Надеялся, что это может помочь тебе, если ты все-таки вернешься. А Карл побледнел и начал заикаться, словно увидел привидение. Тогда, когда все только произошло, его страх был понятен – на его месте струсил бы любой, что уж говорить о не слишком умном юнце. Но теперь... Он испугался не суда и приговора, а меня. Очень сильно испугался, хотя никаких обвинений я не выдвигал. Я сразу почуял неладное и решил побеседовать с ним более подробно...

Продолжать Лейднер не стал, да этого и не требовалось. Конрад не сомневался в том, что при желании Артур может вытрясти правду даже из покойника. Карл всегда был трусоват, и откуда ему было знать, что внезапный визит Лейднера вызван отнюдь не проснувшимся подозрением. Щепотка соды... Они с Себастьяном полночи спорили о том, какой компонент мог так чудовищно исказить формулу, но даже представить не могли...

– Теперь их будут судить, – сухо сообщил Артур, поправив безукоризненно висящую портю. – Расследование возобновлено, так что будь готов к даче показаний. При аресте Швайгер сопротивлялся и кричал, что все это клевета, но не думаю, что его хватит надолго. Его участие в судьбе Карла слишком очевидно, чтобы отрицать сообщничество. Пятнадцать лет назад Швайгер входил в состав комиссии, расследовавшей обстоятельства трагедии, и

именно его заступничество помогло Карлу избежать неприятностей. Учитывая признание последнего и мое свидетельство, Швайгер обречен. Тебе же будут возвращены твое место на кафедре, все регалии и должность лейб-медика. Все по твоему желанию, разумеется. Думаю, вопрос о создании собственной академии Его Величество также решит положительно.

Лейднер вновь отвернулся к окну, предоставив Бреннеру созерцать идеально прямую спину. Он сказал все, что считал нужным, но почему-то не спешил уходить, как бы мучительно ни была для него необходимость находиться рядом с Конрадом.

– Артур, я... Я не знаю, что и сказать...

– Можешь не говорить ничего.

– Прости, что...

– Нет! – В ровном, почти лишенном эмоций голосе на миг прорезалась сталь. Лейднер прекрасно владел собой, но у любой выдержки есть предел. – Нет, Конрад. Ты не виноват в том, что случилось с Эльзой. Но прощения у меня не проси.

Он лишь коротко кивнул, подтверждая, что понял. Артур сказал, что он не виноват... но они оба знают, что это не так. Если бы он хоть раз догадался посмотреть по сторонам, отвлекшись от своих гениальных открытий, если бы однажды обратил внимание на тех, кем обычно пренебрегал... Изменило бы это хоть что-нибудь? Ни ему, ни Артуру не дано знать этого. Но им придется смириться со своим незнанием, а заодно и с тем, что теперь им лучше держаться подальше друг от друга. Между ними легла слишком большая пропасть, и незачем пытаться перейти ее. Марти будет жить, улыбаться, дразнить Себастьяна и гулять с Густавом по пахнущему дымом Мерну, но Эльзу это не вернет. Они оба будут помнить об этом до конца своих дней. Но лучше помнить, чем каждый раз мучиться при встрече, пытаюсь пойти против прошлого. Артур понял это первым. Конраду остается лишь согласиться...

Дверь за спиной Лейднера закрылась бесшумно, оставляя Бреннера наедине с сумбурно пляшущими в голове мыслями и проклятым зеркалом, отражающим сгорбившегося в кресле пожилого человека.

Полтора года спустя

Весна в Мерне всегда наступала рано и как-то сразу. Еще неделю назад укрытые снегом деревья и кустарники начинали зеленеть прямо на глазах, а вскоре на ветках появлялись и первые цветы: крохотные звездочки всех оттенков белого и розового. Гулять по весеннему городу можно было бесконечно, и Конрад Бреннер, декан медицинского факультета Мернского университета, прекрасно понимал нерадивых студентов, прогуливающих лекции. Временами ему самому становилось невыносимо находиться в душной аудитории, и тогда строгий профессор проявлял неслыханную щедрость, отпуская мучеников науки на пятнадцать минут раньше положенного. Сегодня же он превзошел сам себя, подарив изнывающим от необходимости сидеть в четырех стенах оболтусам целых полчаса. Конрад ничуть не жалел об этом. Возможность слегка удлинить прогулку до дома его только радовала. Впрочем, в последнее время его радовало почти все: от возможности вновь заниматься любимым делом до вида цветущей сливы, росшей под окном университета. Расследование обстоятельств смерти Эльзы Лейднер было завершено, коллеги хоть и не сразу, но все же приняли в свои ряды бывшего изгоя. Как и обещал Артур, ему были возвращены должность и профессорское звание, но уважение соратников по науке пришлось завоевывать заново. Конрад понимал их и философски относился к косым взглядам и неодобрительным шепоткам. Впереди было еще немало трудностей, но Бреннер верил, что сможет их одолеть. Жизнь постепенно возвращалась на круги своя...

– Ваше чародейство!

Истошный вопль, раздавшийся откуда-то из-за спины, заставил Конрада застыть на месте и пожалеть о своем решении не сбривать бороду. Ему очень хотелось заткнуть уши, но орущая галлюцинация, к несчастью, поразила и глаза.

– Ваше чародейство!

Детина, имени которого он не вспомнил бы даже на допросе, направлялся напрямик к нему. Парень сиял, как попавший под солнечный луч золотой, а за правую его руку робко цеплялось нечто еще более рыжее, чем он сам, и такое же веснушчатое. Конрад отстраненно подумал, что прыщей на квадратной физиономии изрядно поубавилось.

– Я тут это... Решил последовать вашему совету, – поразившись сложности произнесенного оборота, парень замялся, а потом махнул рукой и перешел на более привычный говор: – В общем, сделал я ноги из села. А то мамка совсем на хребет села. Ну и вот... – Он с гордостью перевел взгляд на свою спутницу. «Вот» смущенно захлопало небесно-голубыми глазами. – Какая уж тут Марыська! Да и с работой все в гору... Я уж второй помощник кузнеца! Скоро и вовсе первым стану, а там, глядишь... В общем, спасибо, ваше чародейство! Век благодарен буду... Эй, вы чего?

– Простите, я спешу, – с трудом сдерживая смех, сообщил Конрад. – Мое чародейство должно покормить кошку. Да-да, ту самую, – мстительно добавил он, заметив, как вытянулось лицо парня. – Не возражаете, если я пойду?

– Н-нет, конечно...

– Тогда всего доброго. И удачи будущему кузнецу и его очаровательной спутнице!

Рыжий еще долго смотрел ему вслед, озадаченно почесывая в затылке, но Конраду уже не было до этого дела. Шагая по залитой солнцем улице, он счастливо смеялся.

Константин Сыромятников Прикладная некромантия

Я мыслю, следовательно, я существую.
Рене Декарт

I

Часы на полке показывали третий час ночи. «Час Волка», – сказал бы лавочник, сотворив знак веры. «Час Бумаг», – назидательно поправил бы его господин магиссимум, он же ректор Университета Тонких Материй. Аркадий Ефимович Лернов отложил очередное письмо на край обширного рабочего стола. Маг водворил на место перо, откинулся в кресле, устало прикрыл глаза и потер переносицу. Стало легче, но от ярких «солнечных» свечей не спасло. Косой взгляд на оставшуюся стопку прошений, отчетов, донесений, ведомостей. Больше всего сейчас Аркадию Ефимовичу хотелось скомкать и зашвырнуть их в печь. Но нельзя. Хотя бы потому, что все они зарегистрированы в канцелярии. И тут лишь то, что приходит в Верховный Ковен² с пометкой «Его Милости Магиссимуму. Лично» и в университет «Только для глаз господина ректора».

Лернов привычно протянул руку к кружке с давно остывшим чаем с лесными ягодами. Господин ректор многие годы пил чай зимними ночами, что подтверждали испоганившие дорогую инкрустацию многочисленные следы. Вывести пятна было делом нехитрым, но Аркадий Ефимович отчего-то не делал этого. Через эти отметины он видел себя человеком и лишь потом набором длинных и громких титулов, званий, должностей и вытекающих из них обязанностей. В сухих, но не скрюченных старостью пальцах кружка вновь нагрелась, и к губам магиссимум поднес любимый напиток уже горячим.

Короткий отдых, и Лернов вновь склонился над столом, разворачивая новый документ. Аркадий Ефимович еще ломал печати, но уже знал, что там. Ректор Левкойского отделения снова жалуется на «нехватку материальных средств» и просит «увеличить ежегодные ассигнования». И это в солнечной Левкойе – богатейшей провинции Сантийской империи! «Попрошайка! Давно бы уже вывернул карманы местным толстосумам, – со злостью подумал Лернов. – Отставку ты получишь, а не ассигнования!» Магиссимум сделал пометку в дневнике и продолжил.

После очередного глотка чая настала очередь письма с Гранитного Пояса, что на востоке. От главы местной лаборатории пограничной магии Варзеева. Старый маг отчитывался об успешных исследованиях Пограничья и Лесного Предела, что за Поясом. Да, леса там знатные, только дикие, людей мало. Трудно им там, в глуши, но не такой Леонид Дмитриевич человек, чтобы жаловаться. И сколько Лернов ему ни говорил – напиши государю, сам с твоей бумагой во дворец двину, упрямый старик отвечал одной и той же фразой: «Прозящий помощи оной не достоин». Вот почему, увидев приложенный к письму список «необходимого оснащения», Аркадий Ефимович, не раздумывая, сделал чернила красными, приписал от себя еще несколько пунктов и размашисто начертил: «Проректору по хозяйственной части. Срочно обеспечить согласно списку. Доложить лично». Хотел поставить восклица-

² *Ковен* – здесь Верховный Ковен, высший руководящий орган у магов Сантии, возглавляемый магиссимумом империи, одновременно являющимся ректором Университета Тонких Материй. В Верховный Ковен, кроме магиссimumа, входят проректоры, а также главы крупных магических лабораторий.

тельный знак, но передумал – и так его особое отношение к пограничной магии, ее adeptам и Варзееву было предметом подковерных обсуждений.

Следующим документом оказалась короткая записка из дворца от главы ордена Целителей и декана одноименного факультета: *«Государю хуже. Надо что-то делать. Савелий»*. Записку принес порученец императора прямо в кабинет, минуя канцелярию. Просто Аркадий Ефимович сунул ее в одну стопку с другими бумагами. Что ж, и на старуху бывает проруха... Лернов поморщился, как от зубной боли, еще раз перечитал написанное, скомкал и так отправил в огонь. Встал из-за стола, взял кружку, вновь ее подогрел и подошел к стрельчатому окну. Серые глаза напряженно устремились в темноту ночи к мерцающим окнам государевой опочивальни. Свет колдовских светильников дворца с трудом пробивался сквозь саван бурана, но, преодолев четверть мили, на последнем издыхании добирался до резиденции магиссимуса в Башне Верховного Ковена.

Аркадий смотрел в снежную мглу и ощущал собственное бессилие. Он готов был расстаться с жизнью, если бы это излечило так некстати умиравшего императора, но толку-то... Что-то шло не так. Магия не действовала. Заговоры, заклинания, даже архаичная природная магия с ее отварами и настойками не работала. Казалось, государя отрезали от вездесущих магических нитей. «Надо что-то делать», – повторил слова из записки магиссимус и вдруг ощутил себя немощным стариком. Будто в подтверждение мрачных мыслей, заныли кости – первая ласточка, то есть первый жухлый лист. Намек на то, что пора на покой, и неважно, что кровь горяча, взгляд зорек, а ум ясен. Ты состарился, Аркадий Лернов, сам того не заметив. Михаила между тем нужно спасать во что бы то ни стало. Тем паче во что именно встанет это спасение, магиссимус знал как никто.

Часы отмерили очередной час, о чем и объявили легким звоном старинной мелодии. Магиссимус больше почувствовал, нежели заметил шевеление у двери. Помощник из университета. Маги не признавали прислугу, считая помощь старшим одним из этапов обучения молодых. Аркадий Ефимович сам в юные годы вот так же тенью ходил за одним из деканов.

– Ваша милость, к вам господин Вангардов, – доложил помощник.

– Я жду. Проводи господина генерал-прокурора сюда. Подай нам чая и добавок, как обычно, и на сегодня можешь быть свободен.

– Будет исполнено, ваша милость, – ответил молодой человек и исчез за дверью.

II

Константин Васильевич Вангардов был так же стар, как и Лернов. Седые волосы и темно-синий мундир генерал-прокурора напоминали магиссимусу гневные барашки южного моря, с берегов которого тот был родом. Лернов и сам был сыном моря, только холодного, северного.

– Добрый вечер, ваше высокопревосходительство, – магиссимус встретил гостя и широким жестом указал на одно из двух кресел у печи.

– Добрый вечер, ваша милость, – ответил официальной формулой Вангардов, принимая приглашение. В слегка поблекших от времени глазах старого друга Лернов прочел спокойный, но настойчивый вопрос.

...Они пришли в свои ведомства с разницей в один год и вознеслись к вершинам почти одновременно. Сантийские блюстители всегда соперничали с магами в управлении жизнью и людьми! Они тоже владели магией, однако совершенно иного рода. Лернов внимательно изучал соперников и пришел к выводу, что их колдовство схоже со святой магией, коей пользовались клирики в старые времена. Церковь тогда имела неограниченную власть над людьми, держа всех в страхе перед «карой Господней». Потом у святых отцов что-то пошло не так, и «кара» сменилась «кротостью и прощением». В церковном календаре появился

праздник Преображения церкви Господней, а блюстители стали «оком государевым в делах колдовских и прочих». Средства и методы их были узнаваемы, но применялись «со всяким тщанием». Вангардов исключением не был.

Беспощадный к магам-отступникам, Лернов сам удивился, как быстро сошелся с новым главой блюстителей. Константин Васильевич превратился для него из соперника в «уважаемого коллегу», а потом и в «дорогого друга». Подобные отношения между генерал-прокурором и магиссимусом нравились далеко не всем. В другое время это забавляло, давая повод друзьям поупражняться в интригах. Теперь было, мягко говоря, не до игр.

Помощник принес горячий чай, мешочки с добавками, кружку для генерал-прокурора и удалился. Аркадий Ефимович на правах хозяина тут же взялся за дело.

– Как обычно, пару смородин и побольше земляники? – проявил догадливость магиссимус и подкрепил ее полуулыбкой.

– Совершенно верно, сударь мой ректор, – благосклонно кивнул генерал-прокурор и также сдержанно улыбнулся.

Еще несколько минут всеильные старцы наслаждались напитком и теплом горящих поленьев. Первым прервал тишину Вангардов:

– Аркадий Ефимович, мне передали вашу убедительную просьбу нанести вам визит. Прошу простить за столь неурочное время, но дела не отпускали меня раньше. Сейчас, в конце года, их особенно много. Но, слава богу, я у вас и преисполнен интереса, чем скромный и преданный слуга Его Величества может быть полезен другому, – выразительный взгляд, – не менее преданному слуге государеву.

– Ваше высокопревосходительство, – нарочито мягко ответил Лернов, отставил кружку на столик и покинул кресло. – Как вы совершенно верно изволили заметить, мы оба состоим на службе Его Величества. Но сегодня я пригласил вас в мою скромную обитель. – Магиссимус подошел к двери, плотно прикрыл ее и сделал несколько охранных пассов над замком, – чтобы обсудить одно весьма деликатное дело, касаемо моей дальней родственницы... – Проход к окну, такое же незаметное колдовство над ставнями. Магиссимус замер на несколько секунд, будто прислушивался, и продолжил совсем другим тоном: – Плохо дело, Константин. Извини, что вытащил тебя сюда, но так, мне кажется, надежнее. Ты знаешь, что творится во дворце? Тебе что-нибудь известно о природе государева недуга?

– Никогда не задавай допрашиваемому более одного вопроса. Так ему труднее выкрутиться. – Вангардов продолжал сидеть в кресле и потягивать чай из кружки, будто вопросы касались не его. Аркадий знал эту привычку друга, потому терпеливо ждал, когда тот продолжит. – Про дворцовые дела мне ведомо. Михаил плох. Счет пошел на дни. Сенат возложил на меня задачу по соблюдению законности передачи власти.

– Кому? – произвольно задал вопрос Аркадий Ефимович, чем вызвал удивление на лице Вангардова.

– Цесаревичу, разумеется, да продлит Господь его дни. Мальчику уже шестнадцать. Он умен не по годам. Вежлив, обходителен. А как он музицирует! И, главное, без ума от иноземных... композиторов. До совершеннолетия еще два года, а это значит регентство. Думаю, твое или мое регентство вызовет легкое недоумение в Сенате и среди дворянства. Посему, у нас не так много времени, чтобы найти правильного регента и убедить в его правильности Сенат. Одна половина министров за тебя, другая – за меня... Беда в том, что это одна и та же половина. – Вангардов улыбнулся, но по серьезному лицу Лернова понял, что шутка не прошла. – Да... от себя добавлю, что, кроме Гвардии, «во имя императора» готов подняться столичный гарнизон, по нашему слову и в любое время. Не зря я все-таки рекомендовал Его Величеству нынешнего командующего. Прости, увлекся. О чем ты еще спрашивал?

– Государев недуг... – эхом напомнил магиссимус. Теперь он приоткрыл печную дверцу и, почти не мигая, смотрел в огонь.

– Ах да, это червячная напасть. По крайней мере, так говорят мои блюстители-инспекторы.

– Что, прости?!

– Червячная напасть, когда болит внизу справа.

– Которую устраняет любой целитель уже после второго круга моего университета?

– Совершенно верно.

– Ты что-нибудь понимаешь?

– В напасти – нет. В том, что нам с тобой нужно делать, – да. Я свой план тебе изложил; признаться, ждал, что ты изложишь мне свой, но, вижу, ты думаешь о чем-то другом. Я весь внимание.

– Понимаешь, – Аркадий Ефимович заставил себя сесть, – твои инспекторы не ошиблись. Как не ошиблись и мои маги, включая Савелия, декана целителей. Но что-то идет не так, – магиссимум застучал пальцами по кружке, – совсем не так... и дело тут не в императоре... похоже, на него просто перестала действовать магия.

– Исключено. Мои люди перерыли весь дворец и округу. Нет ни одного поглотителя. Разве что доброжелатели придумали что-то уж совсем из ряда вон выходящее.

– Боюсь, дело тут не в доброжелателях... – загадочно возразил Лернов. – Не будь я пограничником, согласился бы с тобой. Варзеев...

– Да, кстати, о Варзееве, спасибо, что напомнил, – перебил друга генерал-прокурор. – Скажи, насколько ты ему доверяешь?

– Всецело, – не пытаясь скрыть удивления, без колебаний ответил Лернов и вопросительно посмотрел на Вангардова.

– Хм, судя по скорости ответа и выражению лица, ты говоришь правду. Весьма похвально. А известно ли господину ректору, что муж сей зело волен в суждениях своих о наследнике престола Сантийского?

– Сие мне ведомо. Только это к делу не относится...

– А известно ли господину ректору, – Константин Васильевич пропустил возражение мимо ушей, – что пятеро магов, подвергнутые домашнему аресту за крамольные речи, бежали из столицы и были опознаны жителями одного из приграничных поселений на востоке, у Гранитного Пояса.

– Что ж блюстители местные не задержали отступников этих? – с неприкрытой иронией спросил Лернов.

– Хотели. Но не решились людям магиссимума дорогу переходить. Личная печать его милости – это все-таки не канцелярская клякса. Бумаги у них в порядке были, подорожные до самой границы выправлены. А восточнее того поселения только лаборатория твоего Варзеева стоит.

– И что дальше?

– Да, собственно, ничего. Блюститель тот, что бумаги проверял, доложил наверх по всей форме, и потянулась ниточка сюда, в столицу. Кто-то в Сенат шепнул, а те и рады стараться. Пришлось сыскную группу отрядить.

– Ну-ну. Пускай ищут. Только боюсь я за них. Места там дикие, а зверь непуганый и голодный сейчас, как бы волки не задрали. А не волки, так мороз...

– Нет уж, пусть найдут. Я туда лучших послал, мне они дороги. Приказ у них: беглых найти, но ареста не чинить. Кандалы я всегда на них надеть успею. Пускай пока у Лешего отсидаются, вместе с моими, на всякий случай.

– Вот так бы сразу, ваше высокопревосходительство, – сбрасывая напряжение, ответил Лернов и сделал большой глоток чая. – А то крамола, арест...

– Не обижайся. В нашем деле, сам знаешь, доверяй, но проверяй. А вдруг ты об этом не знал, вдруг бумаги те ложные? Ну ладно, ладно, не кривись, шучу. – Вангардов примирительно улыбнулся и получил кивок в ответ. – Так что у тебя все-таки? Выкладывай!

Теперь настала очередь магиссимуса выдержать паузу. Он помешал угли в печи, сел обратно на свое место и, наконец, продолжил:

– Вот ты тут страху нагнал: регентство, гарнизоны, маги «беглые»... а если я скажу тебе, что можно без всего этого обойтись? Если императора можно спасти?

– Я отвечу, что ты либо безумен, либо получил божественную силу. Сейчас можно вести речь разве что о спасении его души, но это уже забота святых отцов. Нам же надо думать, как спасти Сантию от цесаревича. У нас на это два года. Срок небольшой, но достаточный...

– И все-таки способ есть. Древнее искусство.

– Что? – сохраняя спокойствие, спросил Вангардов, однако кружку поставил на стол и продолжил. – Так вот куда тратит деньги честных сантийцев Верховный Ковен! И куда только маг-прокурор смотрит... Завтра же ему внушение сделаю. Надеюсь, цель стоила своих средств?

– Успокойся, – ответил Лернов и усмехнулся: – Твой маг-прокурор – славный малый и внушения не заслуживает, потому что ничего такого, что ты имел в виду, нет. И без того хлопот достаточно. Хотя соблазн был, не скрою. Но знаешь, как-то не осмелился. «Размягчел душой», как сказали бы в старину. Да и крови я боюсь, сам знаешь, хотя, если верить древним, это дело привычки...

– Скажите, пожалуйста, крови он боится. А значит, уложение Святого Престола, а потом и циркуляр Блустительного Суда «о запрете кровавых обрядов и иных членовредительных действий» это тебе уже так, побоку?

– Господин генерал-прокурор, я вас не перебивал, когда вы говорили, – Лернов начал раздражаться, и это подействовало – Вангардов умолк. – Не верите мне, спросите у своих осведомителей – ни один маг, в чьем статусе³ стоит моя подпись, скрепленная Большой Императорской печатью, не пролил крови, ни своей, ни чужой, кроме как ради защиты собственной жизни, доброго имени и интересов государства, не нарушив при этом ни один из законов Сантии. Так вот, я прошу вашего разрешения на применение к государю запретного искусства.

– Другими словами, ты просишь моего разрешения нарушить закон, – не моргнув глазом ответил Вангардов. – Считаю, ты его получил, устно, разумеется. Но я бы хотел узнать, как, черт побери, ты намерен применять это древнее знание, если ни ты, ни твои люди им не владеют?! Ведь там, насколько я помню, весьма важна практика!

Вместо ответа магиссимус только посмотрел в глаза генерал-прокурора долгим взглядом. В свете печи Лернов все больше напоминал Вангардову демона-искусителя. И тут Константина Васильевича осенило. Ответ сам пришел в голову, да такой, что генерал-прокурор от внутреннего напряжения подался вперед в кресле.

– Даже не думай, Аркадий! Нет!

– Если что-то не умеешь, попроси того, кто умеет, – парировал Лернов, лукаво улыбаясь. Определенно, демон!

– Его нет. Понял? Нет!

– И все-таки он есть, к тому же ты уже дал слово. – Магиссимус накрепко вцепился в генерал-прокурора и теперь не отпустит, пока не добьется своего. Но и генерал-прокурор не спешил сдаваться.

³ Статус – здесь: документ, подтверждающий право человека на занятие магией и его квалификацию. В Сантии статус вручается магу по окончании Университета.

– Тысячу лет мы боролись с некромантией и ее адептами. Дюжина поколений магов и блюстителей билась с некромантами, чтобы извести их под корень. Само слово «некромантия» стало запретным. Не люблю говорить банальности, но вспомни, сколько мы потеряли наших братьев, сколько людей погибло от рук этих изуверов! А сколько невиновных было казнено, только из-за того, что эти гении смерти ловко заматали следы и маскировали свою волшбу под болезни, яды, другую магию! До сих пор жалею, что послушался тебя тогда и не казнил последнего из них, но первого в их искусстве! Теперь вижу – не напрасно. Ты же сам сто лет назад упрятал его в самую глубокую темницу и выбросил ключ от клетки. Не твои ли руки накладывали семь печатей, а теперь они же хотят выпустить этого монстра?!

– Накладывали. И хотят выпустить. Ты слишком предвзят в своих суждениях, Константин, – подтвердил магиссимум и, не давая возразить, продолжил: – Когда мы изыали его библиотеку, там оказались труды некромантов за последние лет пятьсот. Немного, тысяч пять-шесть книг от силы, что неудивительно, если вспомнить, что раньше все найденные «черные» книжки отправлялись в церковные печи или подвалы. Бестолковые «жития святых» занимают куда больше места. В этих же книгах толк есть, да еще какой! Рукописи оказались по большей части дневниками темных, в которых подробнейшим образом описаны их «членовредительные действия». Описаны четко, коротко и одновременно в деталях. И вот что интересно: из многих записей следует, что «жертвы» после «изуверских» действий не только не умирали, но выживали и возвращались к обычной жизни. Особенно много подобных записей у нашего «монстра». Похоже, он первым из своих собратьев решил, что темное искусство может не только разрушать, но и создавать; главное – без помощи традиционных магических энергий. Но самое потрясающее – это несколько фундаментальных трудов о структуре человеческого тела, о болезнях, влиянии погод на здоровье человека...

– Аркадий, – Константин Васильевич прервал друга, – умоляю, избавь меня от твоих ученых конструкций. У нас не научный диспут, а... м-м-м... частная беседа, хотя в Уложении о Наказаниях есть более верное определение. – Генерал-прокурор обнял пальцами кружку так, будто они у него замерзли, и сделал еще глоток, больше прежних. – Ну, хорошо, меня ты убедил. Допустим, он может нам помочь. Мы его выпустим. Но какого черта, да простится мне это богохульство, ему нам помогать?!

– О-о-о... – многозначительно протянул Аркадий Ефимович и поднял указательный палец вверх. – Вот мы и подошли к главному вопросу. Как ты знаешь, мой самый любимый из смертных грехов – тщеславие. Я предложу ему деканство.

Вместо ответа Вангардов опустил кружку на стол, но не рассчитал силы, и та жалобно звякнула о полированное дерево, расплескав вдобавок чай. Хрустальный бокал от столь бесцеремонного обращения разлетелся бы вдребезги.

– Спокойно, ваше высокопревосходительство, спокойно. – Магиссимум протянул Вангардову платок. – Понимаю, вы немного взволнованны, но стол тут совершенно ни при чем... Константин, я не хочу тебя пугать, но что-то происходит. Я не про Михаила, я вообще. Я никому не говорил, мне еще нужно многое проверить и уточнить... но если я прав, *если* я прав, мы просто обязаны сделать то, что я предлагаю. Пока я прошу тебя мне поверить. Доказательства если будут, то позже.

– Будь по-твоему, – с паузой ответил генерал-прокурор. – Михаила надо спасать, это действительно поможет избежать... лишних хлопот. Но предупреждаю: последствия будут непредсказуемые. Во всех смыслах.

– И все-таки я постараюсь их предсказать.

– Что ж, ладно. – Вангардов резко встал, будто принял внутри какое-то решение. – Я к себе, соберу кое-какие вещи, и назад.

– Нет. Назад не надо. Встретимся у портала. Теплую одежду и провизию не забудь, сам знаешь, до Моргеруна путь неблизкий. Выйди через задний ход.

– Господин ректор, не учите сыщика протокол писать, – полушутя парировал Вангардов, открывая дверь.

Генерал-прокурор ушел, а магиссимус подошел к стене и несколько раз шевельнул пальцами. В стене открылась тайная ниша, из которой после некоторой паузы Аркадий Ефимович вытащил толстую, с серебряными пряжками, книгу, обтянутую черным бархатом. В отблесках печного пламени грозно блеснул и уставился на магиссимуса пустыми глазницами серебряный человеческий череп, под которым виднелась часть надписи: «Аскле...»

III

Моргерун встретил гостей мрачно и настороженно. Впрочем, что можно ожидать от крепости, где содержатся самые опасные преступники, да еще в декабре, когда в здешних краях безраздельно властвует ночь, чей трон попеременно охраняют бураны и морозы.

– Уф, добрались, – констатировал Лернов, обращаясь к Вангардову, когда упряжки остановились перед подъемным мостом. – Напомни мне внести в расходы на следующий год строительство портала прямо сюда.

Путешественники выбрались из саней и теперь стояли на неистовом ветру, ожидая охрану и наблюдая, как хлопочут над своими питомцами возницы. Оставалось благодарить Бога за то, что умерил буран, давая возможность не щурить глаза и, не напрягая голос, разговаривать.

– Портала?! – искренне хохотнул Вангардов. – Аркадий, ты же знаешь, что сие невозможно, дабы не давать заключенным надежды на побег. Не спорю, весьма призрачной, но люди гонялись и не за такой... Занятно все-таки. Первые две тысячи верст мы прошли по порталам за пару часов, оставшиеся двести – ехали три дня на собаках. Воистину, магия – это наше всё.

От последнего замечания генерал-прокурора по лицу магиссимуса прошла странная тень.

– Хорошо, что Савелий умеет, когда надо, не задавать лишних вопросов, а просто делает, что велено. Да, и спасибо за помощь твоих людей. – Генерал-прокурор лишь кивнул, принимая благодарность. – Но где же охранение?!

Будто почувяв справедливое возмущение магиссимуса, подъемный мост дрогнул и пошел вниз. Когда он опустился, из крепости быстрым шагом выдвинулся караульный отряд, который сопровождали боевые маги, чьи настороженные заклятия Аркадий Ефимович почувял еще за стеной.

– Кто такие? – рыкнул командир, не считая нужным здороваться и согласно уставу службы требовать документы. Привыкшему к столичной субординации Лернову подобное обхождение было не очень приятно, да и генерал-прокурору тоже. Гости опустили шарфы, до того спасавшие лица от ледяного ветра, но Моргерун был не тем местом, где высокое начальство знают в лицо. Переглянувшись, путешественники предъявили личные знаки, позволив офицеру рассмотреть их во всех подробностях. Через пару минут пристального созерцания тот счел свое служебное рвение удовлетворенным и сдержанно кивнул обоим приезжим.

– Ваша милость, ваше высокопревосходительство, прошу следовать за мной! – отрубил командир, развернулся и пошел назад, в крепость. Остальные солдаты остались стоять на месте и двинулись в обратный путь, только пропустив вперед гостей.

Крепость Моргерун стояла на ровной как стол поверхности Ледяных Пустошей, что сковали север Сантии. Построенная при помощи магов-начертателей, она являла собой гимн гармонии и точности. Полы в помещениях и дворы были выровнены с горизонтом так, что случайно пролитая вода никуда не утекала и не просачивалась. Там, где это требовалось, были сделаны специальные уклоны и сливы. Три кольца стен являли собой совершенно пра-

вильные концентрические круги, причем проходы в них были сделаны так, что следовало пройти три четверти предыдущего круга, чтобы попасть в следующий. Пройти одну четверть в другую сторону мешали соединявшие стены глухие перемычки с бойницами.

Окружавший внешнее кольцо ров углублялся не менее чем на тридцать саженей в вечную мерзлоту, а мост через него тянулся на двадцать пять. Дно рва щетинилось острыми ледяными глыбами, делая крепость окончательно неприступной. Башни прерывали стены в строгом порядке, чтобы каждая в случае штурма прикрывалась огнем из двух соседних. Но самое главное, и об этом знали только чародеи, определенные башни образовывали сложную магометрическую фигуру, накрывавшую весь замок, внутри которой гасились любые заклинания. Магам на службе приходилось использовать кристаллы-накопители волшебной силы, заряжая их за пределами поля.

Именно по этой причине Моргерун был в первую очередь темницей для преступников, обернувших свой колдовской дар против императора, государства или людей.

К чести командира охранения, дальше никаких проволок не случилось. Вновь прибывших быстро проводили в покои начальника тюрьмы майора Эдвертова, оказавшегося человеком немолодым, хоть и гораздо младше магиссимуса с генерал-прокурором. Короткая, по военной моде, стрижка и усы придавали офицеру вид столичного щеголя, но главное, что бросилось в глаза магиссимусу, – это ордена «Дым и пламень» трех степеней и медали «За личное мужество» и «Верность долгу» на зеленом мундире. Когда Эдвертов встал из-за стола, приветствуя высоких гостей, Аркадий Ефимович уже не удивился багровому рубину в эфесе шпаги. Перед ними стоял герой Волерангийской войны, закончившейся полвека назад. И тут Лернов вспомнил: «Эдвертов! Это же он после войны пригрозил господам Сенату, копавшим под Михаила, обращением к армии и народу. Правда, в то время он был полковником. Да... а потом случилась та неприятная история с подношениями...»

– Рад приветствовать столь высоких особ в нашей скромной обители, – молодой, но простуженный голос Эдвертова прервал мысли магиссимуса. – Присаживайтесь. Можете не беспокоиться о ваших возниах. Им и собакам предоставят все необходимое в гостевом доме. Что-то не припомню, чтобы кто-то из заключенных подавал прошение о личной встрече с самим генерал-прокурором... или это внезапная инспекция?

– Нет, майор, это не инспекция, – чуть более сухо, чем следовало, ответил Вангардов, выдавая тем самым, что его задело столь вольное поведение Эдвертова, но последний, похоже, решил этого не заметить и продолжил: – Прошу прощения, что не зову ужинать – еда будет готова только через, – взгляд на карманные часы, – три часа, которых у нас, как я понимаю, нет. Но полчаса, я думаю, дела подождут, ибо чай с медом после холода и снега – первое средство, чтобы не заболеть. Напиток сей к обязательному употреблению положен моим приказом всему гарнизону крепости!

Последнюю фразу майор произнес шутливым тоном, доставая из ящика чайные принадлежности. Заметив скептические взгляды гостей на все его приготовления, он лишь улыбнулся, развязывая чайные мешочки и высыпая их содержимое в неказистый глиняный заварочный чайник.

К своему удивлению, Лернов ощутил тонкий аромат настоящего чайного листа, такой же, как в столичных лавках. А когда Эдвертов залил кипятком из медного чайника заварочную смесь, то в натуральности приготовленного напитка сомнений больше не возникло.

Начальник тюрьмы с видимым удовольствием наблюдал, как столичные шишки смакуют угощение, и сам при этом не оставался в стороне. Разумеется, от предложенной добавки никто не отказался, и чаепитие продолжалось, пока не кончился кипяток.

– Предвидя ваш вопрос, господа, – Эдвертов отставил пустую чашку, – удовлетворю ваше любопытство и скажу, что и чай, и мед местного происхождения. Спасибо магам, господин ректор. Присланные вами на прохождение службы адепты природной магии оказа-

лись хорошими садоводами и пасечниками. Мне очень быстро надоело их нытье по поводу «тягот и лишений службы» вообще и местной кухни в частности, и я сказал им: «Не говорите мне о своих проблемах, скажите, как их решить!» Уже через неделю передо мной лежал план перестройки двух прилегающих друг к другу больших свинных загонов под небольшой сад, чайную плантацию и пасеку на пару-тройку ульев. Я уж не знаю, как они создали все условия, но в положенное время мы собрали урожай чая и мед. Авантюра, скажете вы, и будете правы! Но я рискнул и победил, а победителей, как известно, не судят...

Майор как-то натянуто улыбнулся и вдруг замолчал, уставившись в чайник, будто вспомнив что-то давнее и важное для него, что совсем не хотелось вспоминать. Молчали и гости, – грустная ирония последних слов Эдвертова передалась и им. Тишину прервал майор:

– Итак, чем могу служить? – Перед Лерновым и Варзеевым вновь был начальник тюрьмы, по-деловому вежливый и по-военному собранный.

– Буду краток, – в тон откликнулся генерал-прокурор. – Нас интересует один заключенный... особенный заключенный. Вы понимаете?

– Понимаю, – чуть медленней, чем говорил до этого, ответил майор.

– Прекрасно, – решил вмешаться магиссимус, – мы забираем его. Подготовьте соответствующие бумаги и проводите нас к арестанту.

Эдвертов кивнул, позвонил в колокольчик, и в комнату влетел порученец – мальчишка, только начавший службу, скорее всего, ровесник помощника Лернова.

– Поднять третий отряд охраны и проводить господ генерал-прокурора и магиссимуса на нижний уровень.

– Слушаюсь! – коротко бросил порученец и умчался.

...Лишь спустя полчаса, пройдя все препятствия и хитроумные ловушки, они оказались перед дверью, закрытой семью печатями. Здесь, в полуверсте под землей, гораздо ниже всей остальной подземной тюрьмы, находился нижний уровень, созданный специально для одного заключенного.

Смертельная магия некромантов настолько отличалась от обыкновенной, что даже башни Моргеруна лишь многократно ослабляли ее, не в силах устранить совсем. Вот для чего понадобилась сила семи печатей Закона. После Преображения этими чарами могли управлять лишь блюстители и маги-пограничники. Умение последних было тем более ценно, что только они могли объединять в заклетах силу стихий и святого слова, хаос и порядок. Лернов сам всю жизнь пытался выяснить, почему такое не под силу иным традиционным чародеям и, самое главное, почему именно святое слово столь успешно противостояло заклятиям смерти.

Было известно, что тонкие материи существовали изначально и чародеи лишь изобретали различные способы взаимодействия с ними через контуры сил. Некроманты же, судя по всему, черпали силы в самих людях, как и святые отцы... Дальнейшие размышления магиссимуса в этом направлении рождали мысли, непотребные для верующего в Господа. Аркадий Ефимович предпочитал держать их глубоко в себе...

Когда Лернов взломал шесть печатей, Вангардов взял его за плечо:

– Аркадий, а если он сбежит?

Магиссимус помолчал, будто что-то взвешивал про себя, потом отрезал:

– Не сбежит, – и взломал седьмую печать.

IV

То, что они увидели внутри, меньше всего походило на камеру заключенного. Множество полок с книгами, крепкий стул, большой, плотно сбитый стол с чистой бумагой и пись-

менными принадлежностями, широкая кровать с тюфяком больше напоминали келью не самого аскетичного монаха. Из традиционного тюремного быта было только поганое ведро в углу и кандалы, аккуратно сложенные у двери.

На кровати в скромной, но крепкой и чистой одежде лежал старик. Лишь редкие темные пряди в седой шевелюре указывали на то, что некогда его волосы были черны. Над густой и длинной бородой, закрывавшей всю нижнюю часть лица, возвышался крупный прямой нос. Но главное, что бросилось в глаза Лернову, – крепкие руки с широкими ладонями и жилистыми пальцами, в силе и цепкости которых сомневаться не приходилось, особенно магиссимуму. Такие руки и должны быть у некроманта, чтобы быстро и точно делать разрезы, медленно и мучительно отнимать жизнь... или спасать...

Заключенный спал или делал вид. Вангардов зашел в камеру и встал к стене наискосок от кровати. Лернов, напротив, аккуратно прошел мимо стола, ни на минуту не упуская узника из вида, и снял с полки одну из книг, оказавшуюся подшитыми рукописями.

– Того, что там написано, хватит на десяток ученых степеней, юноша, – услышал он за спиной низковатый приятный голос со старосантйским акцентом и обернулся. Заключенный уже сидел и смотрел прямо на мага. Лернов с досадой отметил про себя, что таки упустил момент «пробуждения» колдуна и что в иных обстоятельствах подобное упущение вполне могло стоить ему жизни.

Бурная деятельность заключенного вызвала незамедлительный отпор. Тюремщики в мгновение ока расположились в дверном проеме камеры, и теперь в грудь узнику смотрели пять ружей. То ли число их было неубедительным, то ли взгляды самих стражей не столь суровы, но кроме ехидной ухмылки на лице заключенного, стрелки ничего не добились. Некромант подошел вплотную к охране, так что стволы почти уперлись ему в грудь.

– Господа, уберите оружие, – сменив ехидство на показную усталость и безразличие начал заключенный, – это лишнее, в самом деле. Неужели вы в старика стрелять будете? Ну? – Тюремщики медленно опустили ружья. – Вот так лучше. Да, кажется, это ваше. – Некромант взял руку ближнего солдата, от чего тот напрягся и судорожно сглотнул, и вложил в нее пять свинцовых шариков. Пуль. Глаза стражей полезли на лоб. – Ну вот, вроде бы у вас теперь есть чем заняться. Закройте дверь с той стороны, – закончил некромант в том же тоне.

– Заключенный не опасен. Оставьте нас, – спасая остатки храбрости охранников, отдал приказ Вангардов. Те не замедлили ему подчиниться.

Дверь плотно закрылась, генерал-прокурор, магиссимум и узник остались втроем.

– Ну-с, молодые люди, чем обязан? – Старик уселся на стул, скрестил руки на груди и, окинув взглядом сперва одного гостя, потом другого, заявил: – А вы мало изменились за эти годы.

– Хватит паясничать, Ираклий! – первым не выдержал Лернов, бросил книгу на стол, пересек камеру, взял кандалы и застегнул их на руках заключенного за спинкой стула. Тот не сопротивлялся.

– Спасибо, что подтвердили мои слова, – ответил старик и улыбнулся.

– Я вижу, местные порядки тебя мало чему научили, совсем расслабился, – напустился Лернов на узника, но тот никак не реагировал, и магиссимум быстро остыл.

– Нам нужна твоя помощь, – выдавил из себя Аркадий Ефимович.

Никакого ответа.

– Я что, тихо говорю? Нам нужна твоя помощь, некромант.

– А вы неучтивы, юноша. – Усталый взгляд сквозь свисающие со лба пряди. – Ну да ладно, спишем сие на головокружение от успехов. Успехи есть, наслышан.

Лернов было вскинулся, но, остановленный жестом генерал-прокурора, отошел к полкам, считая про себя до двух дюжин.

– Итак, вам нужна моя помощь, как я понимаю, в качестве некроманта. Занятно, продолжайте. – Арестант перевел взгляд на генерал-прокурора: – Возможно, ваше высокопревосходительство изложит просьбу более внятно, а то у вашего коллеги, похоже, сдают нервы.

Константин Васильевич с удовольствием бы поставил нахала на место, но его помощь была действительно нужна. Генерал-прокурор спокойно сообщил:

– Наш государь умирает. Маги и блюстители бессильны. Мы предполагаем, что помочь ему можешь ты. Не буду говорить, что значит смерть императора для страны, вряд ли тебе это важно, скажу лишь, что награда, которую приготовил тебе магиссимум, более чем достаточна.

– Не хочу.

– Почему?

– Просто не хочу.

– Но награда...

– Послушайте, юноша, если вы думаете, что меня тяготит эта комната, то вы ошибаетесь, – некромант говорил приглушенно и равнодушно. – Сколько я тут сижу? Не трудитесь считать – много. Меня кормят, поят и, самое главное, не беспокоят, дают возможность мараить бумагу своими мыслями. Если я чего и хочу сейчас, так это чтобы вы последовали примеру стражи и закрыли дверь с той стороны. Мне нет дела до ваших игр. И никогда не было, как бы некоторые, – взгляд в сторону Лернова, – ни пытались доказать обратное. Император умирает? Пусть земля ему будет пухом. Новый будет не хуже и не лучше. За две тысячи лет правители мало изменились. Это говорю вам я, Ираклий Кармелас, придворный прорицатель эквинских диктаторов⁴, чье наследие растащили в том числе и сантийские... вожди. Государь умер – да здравствует государь. А если у кого-то из вас по сей причине что-то не заладится, это не моя головная боль.

– Ты прав, Ираклий, – вновь вступил в разговор Лернов, – это не твоя боль. Ты вспомнил древних эквинян – это хорошо. Я, к сожалению, не могу похвастаться столь долгой памятью, но мне тоже захотелось вспомнить. – Аркадий Ефимович соорудил задумчивую мину. – Когда я был молодым и безответственным магом-пограничником, мы вместе с блюстителями обезвредили одного очень самоуверенного чернокнижника. Летом, в Левкойе. Я помню, как блюстителю скрутили его, как на его глазах бросали в огонь книги. Я помню, как он рычал, словно зверь, пытаясь вырваться из надежного захвата. Ему было больно, очень больно, – пронзительный взгляд прямо в глаза некроманту, – ты помнишь эту боль, Кармелас? Помнишь?! – Магиссимум вплотную придвинулся к старику и заметил тусклый блеск в его глазах. – Помнишь... вижу. Помнишь... – Лернов закипал – сказывалось напряжение последних месяцев. – Тогда ты поймешь, каково это – бессильно смотреть, как в огне лжи, предательства и интриг горит все, что ты создавал всю жизнь! По крупичкам собирал в одно! И все ради того, чтобы какой-то малолетний ублюдок с голубой кровью одним росчерком пера разрушил дело всей твоей жизни!!!

Лицо магиссимумса нервно дергалось, голос сел, а глаза блестели. Только сейчас Лернов понял, что держит некроманта за грудки, и разжал ладони. Ни слова больше не говоря, изо всех сил пытаясь остановить прорвавшуюся лавину чувств, Аркадий Ефимович освободил руки заключенного от оков, взял оставленную у двери сумку и достал из нее толстый том в черном бархате.

– Узнаешь?

Кармелас бережно, как ребенка, взял в руки книгу, долго гладил ее по обложке, прежде чем открыть, а когда открыл, замер как завороченный.

⁴ *Эквинская империя* – древнее государство, существовавшее за две тысячи лет до описываемых событий и в период своего расцвета занимавшее две трети известных ныне земель.

– «Некрология», – только и смог сказать чернокнижник, все остальное отразилось на его до этого равнодушном лице.

– Смотри лучше, некромант, – все еще севшим голосом проговорил Лернов.

Кармелас бросил вопросительный взгляд на магиссимуса и вновь сосредоточился на книжке. Пальцы бережно перевернули первый лист с заглавием и замерли, подрагивая, над следующим. Наверное, с полминуты некромант изучал лист. Удивление, тревога и радость менялись на его лице. Затем пальцы быстро перелистали еще несколько страниц, будто ища подтверждение таинственной находке, обнаруженной вначале. Наблюдавшему со стороны Вангардову стало любопытно, но Кармелас сам раскрыл причину такого всплеска эмоций:

– Она... печатная, – медленно, не веря собственным словам, констатировал некромант.

– Пока экземпляр единственный. Авторский текст сохранен полностью. Книга напечатана «как есть». – Аркадий Ефимович рубил фразы, это помогало говорить спокойно. – В дальнейшем будет напечатано столько экземпляров, сколько автор сочтет нужным, если, конечно, автор согласится нам помочь.

– Автор согласен, – в тон ответил Кармелас, вновь нацепив маску равнодушия. – Но для чего ему понадобится больше экземпляров?

– Для вашего факультета, господин декан, – начальствующим тоном ответил Лернов. – Император не просто освободит тебя из тюрьмы, Ираклий. Я дам тебе факультет в Университете. Ты станешь деканом, читай – моим заместителем, войдешь в Верховный Ковен. Ты сам сказал, что у тебя тут трудов на несколько диссертаций, – ты их сможешь опубликовать сам или через своих учеников. Да-да, у тебя будут ученики. Конечно, сперва их будет немного – святые отцы, а вслед за ними и наши коллеги-блюститители на протяжении веков чересчур... м-м-м... ярко описывали некромантию и ее адептов, но когда тебя останавливали трудности?!

– Могу я узнать, чем болен император? – спросил некромант, закрыв книгу, но оставив ее под рукой.

– Червячная напасть.

– И все? Неужели доблестные маги оказались бессильны перед таким пустяком? – Кармелас не упустил возможности поддеть Аркадия. – Впрочем, неважно. Я согласился помочь и сделаю это, слово некроманта. Но мне нужны инструменты.

– Они у меня в резиденции, – отозвался Вангардов. – После твоего заточения я приказал сохранить твою библиотеку и инструменты, как Сенат ни настаивал на обратном.

– Не жди, что скажу спасибо.

– Не жду. Господа, нам нужно торопиться, начальник тюрьмы, наверное, уже все оформил.

– Одну минуту!

– Что еще?

– Когда приедем в столицу, я хочу привести себя в порядок, прежде всего принять горячую ванну, потом чтобы меня постригли, побрили, одели. Или вы хотите, чтобы я пользовал государя в нынешнем виде?

– Будет исполнено, – с легким сарказмом ответил Лернов.

– Тогда чего же мы ждем, господа? – Кармелас улыбнулся столь искренней улыбкой, что Вангардов на мгновение забыл, кто сидит перед ним. – В путь! Я готов.

Уже ведя пленника по коридорам Моргеруна, Константин Васильевич прошипел в ухо Лернову:

– А с вами, господин ректор, у меня будет отдельный разговор на предмет несанкционированной печати запрещенных книг...

V

С тех пор как императора погрузили в глубокий сон, прошла неделя. Баглетов не отходил от постели монарха, бессильно наблюдая, как напасть съедает столь драгоценную жизнь. Счастье, что хоть это заклятие сработало, но нельзя же его держать бесконечно! Что же теперь будет? Господь, неужели ты отвернулся от Сантии, неужели нет средств?!

Савелий Нифонтович вспоминал скорбные лица людей, перебивавших в императорской спальне в последние семь дней: министры, канцлер, представители знатнейших родов столицы и провинций, приближенные к императорской особе – голодные шакалы, ожидающие скорой смерти льва! И цесаревич туда же... щенки! Правда, этот вроде действительно переживает за отца... А может, это все тени и полумрак, царящие в комнате... Да еще Лернов с генерал-прокурором куда-то пропали. Слава богу, хоть генерал-губернатор столицы на месте, бдит...

«Чары снять в полдень седьмого дня», – отчаянно подумал Баглетов о приказе магиссимуса. Будто услышав его мысли, большие напольные часы разразились полуденным боем. Что ж, приказ есть приказ, он не обсуждается. Легкое касание пальцами бледного лба, и спальня огласилась стоном – император приходил в себя. Блеснула и погасла надежда в монарших глазах, стертая новой волной боли.

Шевельнулись тени. Это пришли священник, духовник государя, и цесаревич. Судя по красным глазам, мальчишка недавно сильно плакал. Не удивительно – отец все-таки. Вот и теперь, вновь услышав отцовские стоны и увидев обреченного родителя, цесаревич снова изготавился развести сырость. По-человечески жаль, но государь должен держать себя в руках. С юности должен.

Святой отец слабо тронул за плечо целителя:

– Сын мой, ты сделал все, что мог, чтобы облегчить страдания этого человека, но, верно, Господу нашему угодно призвать сего великого мужа к себе. Верному сыну Его положена последняя исповедь, прежде чем он предстанет перед судом Создателя.

Савелий Нифонтович посмотрел в глаза святого отца и не нашел в них ничего, кроме горькой неизбежности. Целитель отошел от больного, уступая место священнику, тут же залепетавшему положенные слова.

– Именем Государя!

– Дорогу магиссимусу!

Двери в опочивальню широко распахнулись. Вошли трое. Своего начальника и генерал-прокурора Савелий Нифонтович узнал сразу, а вот третий... Пожилого мужчину в черном фраке по последней моде и с небольшой, странного вида сумкой в руках Баглетов видел впервые. Похоже, незнакомец пользовался полным покровительством магиссимуса и генерал-прокурора, потому что действовал решительно, чтобы не сказать бесцеремонно.

Первым делом фрачник раздвинул тяжелые портьеры на окнах. За окнами оказался ясный морозный день. Солнечные лучи победоносно ринулись в атаку на сгустившийся в спальне сумрак. Одержав победу над тьмой, незнакомец уверенно отодвинул духовника от умирающего, на некоторое время захватил пальцами запястье государя и поочередно оттянул веки больного.

– Что ж, я успел вовремя, – сообщил нахал то ли императору, то ли священнику, то ли магиссимусу с прокурором.

– Кто вы, сын мой? – робким голосом осведомился святой отец, но гость не обратил на него никакого внимания, только сказал императору:

– Теперь все будет хорошо, Ваше Величество. Когда все кончится, зовите меня просто доктор Кармелас.

«Доктор», – прошелестело по дворцовым залам новое слово. Каждый, кто услышал его, пробовал на вкус и слух. А доктор не терпящим возражений тоном приказал принести горячей воды и жаровню с углями, раскрыл сумку и принялся раскладывать на прикроватном столике диковинные инструменты, из которых угадать назначение можно было лишь одного, по очертаниям напоминавшего нож. Что-то блеснуло на руке у незнакомца. Наследник престола, наблюдавший за действиями доктора, разглядел серебряную печатку в форме черепа.

– Чернокнижник! – взвизгнул он еще не окрепшим юношеским тенорком. – Остановите его! Он явился, чтобы забрать душу моего несчастного отца! Схватите его!

– Именем Господа нашего... – возвысил голос священник, а от двери двинулись двое гвардейцев.

– Отставить! – рявкнул Вангардов, разом остановив всех. – Этот человек под защитой Блюстительного Суда и Верховного Ковена империи. Все, что он делает, делается во благо Сантии, с разрешения генерал-прокурора и магиссимуса!

– Именем Господа нашего, – не унимался священник, – прошу вас ответить мне, знает ли Наместник о творящемся здесь?

– Наместник знает, – вмешался Лернов, – благословение Святого Престола получено.

– Все вон, – раздался спокойный твердый голос, которого здесь не слышали уже давно, а кое-кто надеялся не услышать больше никогда. – Кем бы вы ни были, доктор Кармелас, делайте что нужно, и будь что будет. Я даю вам свое высочайшее разрешение.

Последнюю фразу император произнес особенно громко и четко, чтобы расслышали все, после чего рухнул на подушки.

– Я видел в соседнем зале стол, – подал голос Кармелас, – застелите его чистой простыней и перенесите государя туда.

Приказ не был обращен к кому-то конкретному из слуг, но те пулей бросились его исполнять. Уже через четверть часа больной лежал на столе, а доктор заканчивал свои приготовления.

Больше Кармелас не медлил. В голове некроманта одна за другой вставляли нужные страницы «Некрологии». ...*Мазью отнять чувствительность поверхностных тканей... определить очаг боли... перехватить эманации страданий и замкнуть их кольцом на очаг... закрепить кольцо на достаточное для вмешательства время...*

– Я не чувствую живот, – немного удивленно заметил император, впервые за долгое время видя окружающий мир не сквозь пелену страданий.

– Так и должно быть, Ваше Величество. Не ждите, больно больше не будет, разве что некоторое время потом, пока будет зарастать шов.

Пальцы доктора твердо взяли диковинный нож и одним быстрым и точным движением сделали ровный разрез...

VI

Через три дня император поднялся с постели. Монарх еще с трудом передвигался и болезненно морщился, особенно от смеха. Маги-целители в один голос подтвердили, что государь стремительно идет на поправку. Так оно и было. Высочайшая благодарность доктору Кармеласу не знала границ. Загадочный врачеватель отказался от всего, резко бросив, что «исполнял свой долг», чем снискал еще большее уважение августейшей особы.

Лернов исчез сразу после того памятного дня. Вернулся магиссимус через месяц мрачнее тучи и занялся обещанным. Под косыми взглядами коллег-магов Ираклий Кармелас надел мантию члена Верховного Ковена, принес присягу и, самое главное, принял новый факультет.

После торжественной церемонии Лернов пригласил свежее испеченного декана к себе в резиденцию. Кармелас не стал возражать, хотя традиция требовала отметить знаменательное событие в стенах Университета. Некромант вошел в покой, где уже сидел Вангардов. Магиссимум отослал помощника и занялся манипуляциями с дверью и окном, после чего деловито сообщил:

– Время магии уходит, господа.

– Не совсем удачная шутка, – отозвался Константин Васильевич. – В каком смысле?

– Во всех. Я был на Гранитном Поясе у Варзеева, знакомился с результатами его исследований Центров Силы, всех семи. Они иссякают. Уже сейчас мировой рисунок магических потоков меняется. Пока едва заметно, не затрагивая основ. Заклинания творятся лишь чуть дольше, а их отклонения ничтожны... пока. Дальше будет хуже. Контуры сил будут терять стабильность, пока не исчезнут вовсе. Если расчеты Варзеева верны, это произойдет лет через сто пятьдесят, но последние полвека магией станет пользоваться почти невозможно, ибо невозможно будет контролировать последствия. Представьте себе настольный огненный шарик, от которого сгорает полгорода, или облако кислоты, что вместо неприятеля польет свою армию. Но это не главное. – Магиссимум смотрел в огонь, а собеседники на него. – Жизнь. Изменится сама жизнь. Магия – это наше всё, как ты, Константин, справедливо заметил там, в Моргеруне. Помнишь, что ты чувствовал в его стенах?

– Да, неприятно было... Будто одновременно заткнули уши, нос и завязали глаза.

– Теперь представь, что весь мир станет вот таким вот Моргеруном. И самое главное, что мы здесь ничего не можем поделать. Ни-че-го. Рухнут порталы, мы разучимся общаться на расстоянии, дома будут освещаться лишь факелами да свечками, путешествия между городами станут занимать недели, а то и месяцы. Но, – Аркадий Ефимович многозначительно воздел палец в потолок, – это все блекнет перед главной потерей. Дар долгой жизни уйдет. Те, кто успеет его получить, свои века еще проживут, но потом... люди в тридцать будут выглядеть так, как мы в девяносто, а в шестьдесят – так, как мы выглядим с тобой сейчас... Поднимут голову древние болезни, побежденные магией; эпидемии станут выкашивать города и целые страны, как десятки столетий назад. Придется их побеждать заново, как и мелкие хвори, что нынче лечатся «наложением рук». Болезнь императора – первый наглядный пример того, что нас ждет. У меня на руках письменные донесения еще о ряде случаев отказа чар, слава богу, в менее тяжелых ситуациях.

– Да-а... – протянул Вангардов. – Факелы... поездки... справимся, черт побери! Выдюжим. Но жизнь... здоровье... – Голос генерал-прокурора дрогнул. – В прошлом бороться за них нам помогала магия, что или кто поможет теперь?

– Они! – Лернов резко развернулся и решительно ткнул пальцем в Кармеласа. – Он, его ученики, ученики его учеников. Он – последний из асклепиатов – некромантов древности. Они черпали силу из природы самого человека и знали ее, как никто. Но, постигнув ее, постигнув природу жизни, они пошли дальше, постигать природу смерти. Асклепиаты не просто управляли мертвыми, они научились *управлять смертью*. Это были лучшие убийцы рода человеческого. Некоторым даже удалось отменить для себя смерть от старости. Тогда они стали проклятием мира людей, теперь становятся его спасением.

Лернов горько усмехнулся и замолчал. Повисла тишина, нарушаемая лишь гудением пламени в печи.

– Вот такая вот прикладная некромантия у нас выходит, – негромко подытожил Кармелас. И не выдержав, добавил своим всегдашним тоном: – Клянусь мертвяков не поднимать, костяных демонов не вызывать и столичные погосты не трогать... ну разве что самую малость...

– Ираклий!!! – хором воскликнули магиссимум с генерал-прокурором...

Эпилог

Молодой человек двадцати четырех лет от роду в черной мантии с серебристым кантом выпускника Факультета прикладной некромантии поднялся на кафедру. Юноша осторожно положил влажную ладонь на книгу. Мелко подрагивающие пальцы коснулись серебряного черепа на черной бархатной обложке. Сейчас он принесет клятву, и ее услышат не только его товарищи-однокурсники и декан Каралисов, но весь Ученый Совет, господин ректор и – о боже – сам государь-император, решивший лично присутствовать на первом выпуске нового факультета!

Юноша глубоко вздохнул и начал. Под сводами зала торжеств Университета Тонких Материй звонко разносились слова клятвы, которую доселе еще не слышали:

– Получая высокое звание доктора и вступая на путь асклепиата, именем великого Асклепия и с благословения Господа нашего клянусь: все силы и разумение свое направлять на благо людей и борьбу с хворями большими и малыми. Клянусь почитать учителей своих наравне с родителями. Клянусь направлять рацион больных к их выгоде, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Клянусь, что не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла. Что бы при лечении, а также и без лечения, я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, – я умолчу о том, считая подобные вещи тайной. Если же я нарушу данную мной клятву, то не будет мне счастья в жизни и в искусстве моем, да будет имя мое проклято всеми людьми на вечные времена. Клянусь!

Ираклий Гераклионович Каралисов, декан факультета, автор множества научных трудов и кавалер ордена Равноапостольного Иннокентия, негромко шмыгнул носом. Впрочем, этого никто не заметил. Кроме господина ректора.

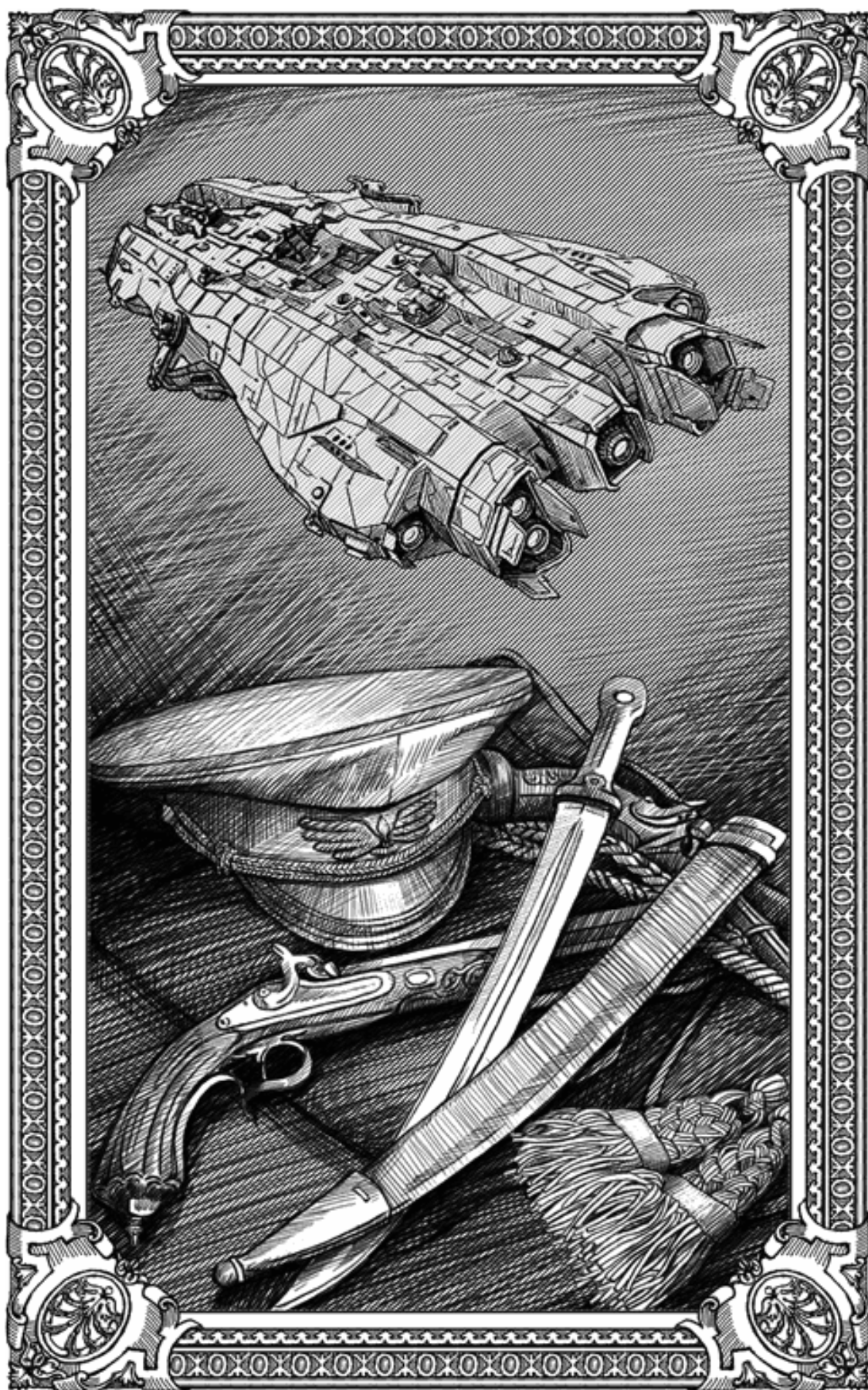
Там, где мы нужны

Собрался воевать, так будь готов умереть,
Оружие без страха бери.
Сегодня стороною обойдет тебя смерть
В который раз за тысячи лет.
Не стоит оправдания высокая цель —
Важнее, что у цели внутри.
И если ты противника берешь на прицел —
Не думай, что останешься цел.

Добро твое кому-то отзывается злом —
Пора пришла платить по долгам.
А истина-обманщица всегда за углом —
Бессмысленно «переть напролом».
Пусть кто-то гонит толпами своих на убой —
Свои же и прибьют дурака.
Но можно дать последний и решительный бой,
Тогда, когда рискуешь собой.

Собрался воевать, так будь готов умереть —
Мы смертными приходим на свет.
Судьба дает победу обреченным на смерть
В который раз за тысячи лет.
Но если чья-то боль на этой чаше весов
Окажется сильнее твоей,
Судьба, приняв решение большинством голосов,
Отдаст победу именно ей.

Алькор (Светлана Никифорова)

Ник Перумов

Сентябрьское пламя

Сентябрь вступил в Анассеополь, словно победоносная армия. Вот только что стояла августовская теплынь и рынки ломились от брусники, грибов да свежих яблок, и вдруг раз – и маршируют над столицей Русской Державы колонны серых облаков, проглядывающее меж ними солнце не греет, с неистово синей Ладоги задувает холодный сырой ветер.

Злой ветер.

Дворцовая площадь, что меж Бережным дворцом василевсов и стройкой – поднимающимся, окружённым лесами новым зданием военного министерства и Генерального штаба вместе с его Академией, – вымощена тёмно-алым, словно кровь, ладожским гранитом. В самой середине застыл величественный Кронидов Столп с коленопреклонённым бронзовым воином на вершине, памятник отражению нашествия Двенадцати языков.

Обычно Дворцовая полна народу и жизни. Скачут курьеры, прогуливается чистая публика, тут же продавцы горячих калачей и пирогов, сбитня, леденцов и прочего. Сегодня же...

Три года миновало после Зульбургского побоища. Закончилась Третья Буонапартова война, великий император упокоился, не желая, как уверяла лондонская «Дэйс», оказаться в руках победителей. И вот не далее как три дня назад одного из них уже не стало.

Великий василевс Кронид Антонович, победитель Двенадцатого года, дважды входивший с русскими войсками в Париж. Он казался вечным. Отличался железным здоровьем, никогда не болел, даже придворных медиков не держал, лишь беззаботно отмахивался от всех настояний: мол, сколько на роду Господом тебе написано, столько и проживёшь, с дохтурами аль без оных. Вожжи огромной Державы василевс Кронид держал крепко, баловать не давал никому – ни крестьянам, ни казакам, ни фабричным, ни помещикам, ни даже высшим сановникам. «Россия спешки не любит, – говаривал василевс, – нам еуропейские скачки ни к чему. Человеку добропорядочному и верноподданному торопиться некуда». Никуда не спешил и сам василевс, жил несуетливо, бесстрашно, ходил всюду один, без охраны, раскланиваясь со знакомцами да лёгким кивком приветствуя офицеров с нижними чинами на Ладожской першпективе иль на бесконечных анассеопольских набережных.

Долго правил Кронид Антонович, две войны прошёл, пуль вражеских избегнув, и казалось, что так будет всегда.

...Но настал год тысяча восемьсот двадцать седьмой, и Держава дрогнула.

Никогда и ничем не болевший, василевс на смотре почувствовал себя дурно, был отвезён в Бережной дворец и в два дня, так и не встав с одра, сгорел, несмотря на все усилия учёных медиков.

Анассеополь замер, словно оледенел.

И тогда случилось страшное. То, что уже долгие десятилетия почиталось совершенно невозможным.

* * *

Дворцовую площадь заполнили солдаты. Прославленный Ивановский полк, лейб-гвардии Анассеопольский, гвардейские гренадеры.

И мало их, и много. Мало – по мысли тех, кто командует сейчас сжавшимися в кулак каре. Много, очень много – для глядящих на мятежные ряды из окон Бережного дворца или военного министерства, что совсем рядом, на ладожской набережной. Они вышли на площадь всегдашним, привычным, шагом, словно на очередной парад, вышли – и простор

Дворцовой, её красноватые плиты вдруг исчезли, поглощённые сотнями и сотнями фигур в шинелях и с ружьями. Гвардия явилась в самое сердце Анассеополя, однако сегодня она выполняла волю отнюдь не василевса.

...Шеренги солдат молчали, и это было страшнее всего. За тяжёлым и упрямым молчанием любой ощутил бы сейчас всё ту же готовность идти в штыки, на вражьи орудия, на картечь в упор.

Гвардия верит своим офицерам. Они первыми идут на редуты и каре неприятеля и первыми умирают, если приходится. Сегодня они позвали гвардию на площадь, и та пошла.

Три строгих прямоугольника на красном ладожском граните под пронизанными чистым холодным светом высокими облаками. Выдержать подобное сияние под силу разве что орлу, человека же тянет прикрыть глаза рукой, отступить, опустив взгляд. Человека часто тянет отступить – гвардия стояла, хмуро, молча, непоколебимо. Стояли усатые ветераны Второй и Третьей Буонапартовых войн, стояли дравшиеся под Угренью и на Калужинском поле, те, кто покончил с невиданной в описываемой истории армией, с двенадцатью языками, с армией всей объединённой Европы.

Стояли те, кто удержал залитые кровью брустверы и рвы Зульбурга, когда Буонапарте едва не повернул ход Третьей войны своего имени в свою же пользу.

Краса и гордость армии покинула казармы – потому что знала своих офицеров. Потому что приказы старшего начальника не обсуждаются, они выполняются. И ещё потому, что они слишком долго верили его василевскому величеству, государю Кронида Антоновичу. Верили, что после отгремевших войн, когда покончат наконец с Буонапарте-ворогом, наступит легота, хоть какая.

Не наступила.

Но зато так просто было убедить себя, что правду говорят господа офицеры, с кем сидели у бивачных костров, с кем вместе, плечом к плечу, шли на французские штыки.

Гвардия верит своим командирам. Потому что иначе это не гвардия и это не командиры.

И вот теперь стоит. Молча и непоколебимо, готовая прикрыться стальной щетиной, – попробуй тронь! Об эти каре разбивались атаки османов и персов, французов и союзных им малых держав; только пушками и возмёмшь.

Но на сие ещё решиться надо...

По другую сторону площади, где красноватой, в тон прибрежному камню, громадой высятся Бережной дворец, чувствовалось движение. Возле литой боковой ограды толпились зеваки, а за строгими чугунными меандрами переминались с ноги на ногу растерянные придворные. Мимо них скакали конные, неслись туда-сюда заполошные куриеры, появилось даже несколько артиллерийских запряжек, но всё это клубящееся многолюдство в мундирах и сюртуках казалось муравьями, бестолково мятущимися возле разворошённой кучи. Не ощущалось воли, стержня, что соединяет множество одиночек в единое целое, не было того, кто решится, кто скажет, что делать. И сделает.

На ступенях парадного крыльца, где мундиры теснились особенно густо, застыл высокий узкоплечий человек лет тридцати пяти, в парадном мундире гвардейских гусар, – новый василевс Севастиан Кронидович. На бескровном породистом лице выделялись тёмные глаза, в них не было страха – только горе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.